

Том 12. № 3
2015

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)

Г.М. Бреслав (Балтийский университет психологии и менеджмента, Латвия)

Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

М. Лич (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголкинский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанщиков (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брисева*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,

Д. Вонсбро. Корректора *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,

Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей В.А. Петровского	5
<i>Специальная тема выпуска: Политическая психология</i>	
О.А. Гулевич. Как люди принимают политические решения? Психологическое изучение политических процессов	12
А.Н. Татарко. Социально-психологический капитал и политическое поведение личности	15
О.А. Гулевич, И.Р. Сариева. Связь веры в справедливый мир и образа идеального политического лидера: роль национальной идентичности (на английском языке)	30
И.С. Прусова. Влияние страха смерти на представление об идеальном политике	41
О.А. Гулевич, А.Н. Неврюев. Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и национальной идентификации	52
О.М. Журавлев. От присутствия к принадлежности: событийная идентичность Евромайдана (на английском языке)	69
<i>Статьи</i>	
В.А. Петровский. Субъектность как состоятельность (на английском языке)	86
Т.В. Ахутина, А.А. Корнеев, Е.Ю. Матвеева, А.Р. Агрис. Возрастные изменения высших психических функций у детей 7–9 лет с разными типами дефицита регуляции активности (на английском языке)	131
<i>Короткие сообщения</i>	
Т.А. Адмакина. Возрастные закономерности использования цвета в проективной методике Несуществующее животное	153
И.И. Ягияев. Взаимосвязь веры в опасный мир с религиозностью, атеизмом и религиозным индифферентизмом личности	165

Vol. 12. No 3
2015

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada
Gershons Breslavs, Baltic Psychology and Management
University College, Latvia

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abul khanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chemorisor, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alfried Längle, HSE, Russian Federation

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2015 r.

Vol. 12. No 3
2015

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Anniversary of Vadim A. Petrovskiy	5
<i>Special Theme of the Issue. Political Psychology</i>	
O.A. Gulevich. Editorial (<i>in Russian</i>)	12
A.N. Tatarko. Social Psychological Capital and Political Behavior of Personality (<i>in Russian</i>)	15
O.A. Gulevich, I.R. Sarieva. Just World Belief and the Image of the Perfect Political Leader: The Role of National Identification	30
I.S. Prusova. Influence of the Fear of Death on the Notion of Ideal Politician (<i>in Russian</i>)	41
O.A. Gulevich, A.N. Nevruiev. Social Beliefs and Evaluation of Military Intervention in Other Countries Affairs: The Role of Authoritarianism and National Identification (<i>in Russian</i>)	52
O.M. Zhuravlev. From Presence to Belonging: Eventful Identity of Euromaidan	69
<i>Articles</i>	
V.A. Petrovskiy. Subjectness as Possibleness	86
T.V. Akhutina, A.A. Korneev, E.Yu. Matveeva, A.R. Agris. Age-Related Changes of Higher Mental Functions in 7–9-Years Old Children with Different Types of State Regulation Deficits	131
<i>Work in progress</i>	
T.A. Admakina. Age Patterns of Color Usage in a Projective Technique Non-Existent Animal (<i>in Russian</i>)	153
I.I. Yagiyayev. Interrelation of Belief in Dangerous World with Religiosity, Atheism and Religious Indifferentism of Personality (<i>in Russian</i>)	165

Юбилей В.А. Петровского

Дорогой Вадим Артурович!

Редакция журнала поздравляет Вас с юбилеем. От всей души желаем Вам здоровья, радости и дальнейших творческих успехов. Работая с Вами, мы всегда находимся в атмосфере взаимной поддержки, доверия и понимания друг друга. В самых разных и сложных ситуациях, которые не раз возникали в нашей совместной работе, Вам всегда удавалось идеей, делом, словом, стихом в считанные мгновения превратить ощущение подавленности и уныния в уверенность, что все вместе мы можем свернуть горы. Мы искренне благодарны Вам за это!

Наверное, нет ничего приятнее для ученого, чем увидеть напечатанной свою статью. Поэтому рады представить в этом номере Вашу статью, которая, мы уверены, заставит читателей немного по-другому, свежим взглядом, посмотреть на привычные для них вещи, открывая в них новые и неожиданные стороны.

Вы человек, черпающий вдохновение и энергию мысли из взаимодействия с миром и другими людьми. Живое биение мысли зарождается зачастую не только в уединенном осмыслении или мирозерцании, но и в столкновении с чужими мыслями, другими точками зрения и неожиданными, порой провокационными, вопросами. Поэтому мы с участием Ваших коллег подготовили список вопросов, Ваши ответы на которые могут оказаться для читателей журнала полезными, интересными и интригующими.

Итак, с удовольствием открываем этот номер журнала поздравлениями Ваших коллег и «Вопросами В.А. Петровскому»!

К юбилею В.А. Петровского

У таланта нет возраста. Юбилей — время сказать о разносторонней одаренности Вадима Артуровича Петровского. Он относится к числу крупных отечественных ученых-психологов, является автором концепций личности, обладающих высоким объяснительным и практическим потенциалом. У него всегда множество замыслов оригинальных исследований, вдохновляющих коллег и учеников. Результаты его исследовательской деятельности отражены в глубоких авторских текстах книг и статей. Строгость логической мысли Вадима Артуровича прекрасно дополняется творческой интуицией и поэтическим воображением. Он отличный партнер в научном поиске, написании совместных работ, ведении научно-исследовательских семинаров для аспирантов и магистров. Его теплота, понимание и остроумие привлекают к нему многих

людей, находящихся в нем ценного собеседника. Для кафедры психологии личности НИУ ВШЭ Вадим Артурович — авторитет, носитель академической культуры, дорогой коллега. Поздравляем!

Е.Б. Старовойтенко

Дорогой Вадим Артурович,

Каждая встреча с тобой рождает в душе любопытство, удивление, радость от встречи с неизвестным Другим, с творческими, искрометными и поэтическими мульти-Я, создающими страстные вихри новых смыслов. Ты даришь чувство сопричастности тайне рождения нового и одновременно оставляешь в душе легкую щемящую Сальерьевскую зависть к той Моцартовской легкости, с которой твое живое бессознательное говорит с миром на глубоком живом языке.

*Всего наилучшего,
А.В. Россохин*

Профессор Вадим Артурович Петровский — ученый и преподаватель, без которого трудно представить себе направление «Психология» в Высшей школе экономики. Представитель мощнейшей московской психологической традиции, эксперт в области транзактного анализа и создатель многогранной глубокой теории личности — Вадим Артурович делает научную и образовательную жизнь департамента психологии интересной, эмоциональной, нетривиальной. В наше время общаться, спорить с Личностью такого масштаба становится настоящей интеллектуальной привилегией. В эти юбилейные дни хочется пожелать Вадиму Артуровичу человеческого и научного счастья, еще раз подчеркнуть искреннее восхищение яркой и уникальной личностью, ставшей для многих из нас учителем, чутким коллегой, внимательным оппонентом, ярким событием в нашей профессиональной жизни.

В.А. Ключарев

Вадим Петровский — это Созвездие Личности, заселенное душами тех, в кого Вадим своей надситуативной активностью внес свой личностный вклад. Он непредсказуем, прежде всего — непредсказуем и парадоксален для самого себя. И в День очередной возрастной инициации желаю, чтобы Вадим, проведя со всеми психологами страны мысленный эксперимент по имени «гамбургский счет», еще глубже прочувствовал Истину: Он — Первый! И не надо никаких доказательств. Что и свидетельствую.

Александр Асмолов

Дорогие коллеги!

Все мы знаем, что значит быть гениальным математиком, физиком и даже химиком. Гениальность — это сверходаренность в науке или каком-либо

ремесле. Возникает вопрос, а может ли быть гениальность в психологии? Может. Например, Роджер Шепард, доказавший существование мысленного вращения. Другим кандидатом на звание гениального психолога я считаю Вадима Петровского. Он существенно продвинулся в нашем понимании самих себя.

Владимир Лефевр

Вадим Артурович Петровский — это живая реализация принципа единства аффекта и интеллекта. Это человек, для которого мысль заряжена чувствами, вызывает иногда восторг, когда-то настороженность, порой тоску. Основа восторга — Красота мысли. Вадим не любит скучные, пусть даже правильные, мысли, он любит красивые (и красивых). И сам обильно такими мыслями фонтанирует в самых разных областях: психологии личности, науковедении (теория оценки продуктивности научных идей), диалектике... К счастью, наука тоже любит красивые и немного безумные мысли, поэтому В.А. Петровский у нее в любимчиках. Успехов и счастья, дорогой Вадим, достижений не только внешних, но и внутренних, ведь основной предмет нашей борьбы — внутри нас!

Д.В. Ушаков

Немногим людям дан талант прямого и непосредственного знания о мире, умения сердцем отделить правду от лжи, добро от зла (даже если оно представлено для нас в красивых цветных узорах, а наш разум убаюкивает правильными и добрыми словами). Такой талант и жизнь, и научную деятельность этого человека освещает тихим и спокойным светом истинной доброты и гармонии. И позволяет его носителю мыслить сердцем. Не в смысле простого выражения своих чувств и переживаний, а способностью пропустить каждую мысль, идею или гипотезу через свое сердце или даже найти их в нем. И жизнь, и научная деятельность такого человека полны любви: любви к истине, к красоте, к людям. Вадим Артурович — это человек, который наделен этим даром сполна.

Хочу пожелать тебе, дорогой Вадим Артурович, чтобы и дальше ты долгие годы радовал твоих коллег, друзей и близких Музыкой и Стихом твоей мысли и теплом твоего сердца.

С.Р. Яголковский

В. Шекспир в пьесе «Юлий Цезарь» вложил в уста героя следующие слова: «Окружите меня людьми полными, они благородные и очень одаренные». Это в полной мере относится к нашему имениннику. У каждого социального института есть свое лицо и определенные люди, которые его представляют. Вадим Артурович является ярким носителем ряда черт, привлекающих людей к нашему факультету, таких как: дружелюбие, лидерство, чуткость, совесть, мудрость. Концентрированным выражением этих качеств является интеллектуальная эмпатия, стремление в любой работе увидеть «изюминку»,

поддержать автора. И в этом качестве он незаменим как редактор нашего журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Разрабатывая проблемы персонологии, Вадим Артурович сам является яркой Персоной.

Желаю долгих лет процветания, новых творческих достижений и чтобы нить судьбы способствовала этому.

В.Д. Шадриков

Вопросы В.А. Петровскому

Какой будет психология через 100 лет?

Главное, она – будет! Ее не вытеснит со сцены ни психопрактика, ни философия, ни сциентизм. Правда, психология будущего существенно обеднеет, по сравнению с сегодняшней, так как многих из нас она уже не застанет (вспланием, коллеги!...). Если совсем серьезно, то каждый шаг психологического познания все чаще показывает нам, что мы несвободны (все больше причинности, все меньше выбора). Но ведь, с другой стороны, рисуемые психологами «картинки» нашего Я, в отличие от географических карт, не просто отражают реальность, но вторгаются в реальность, преобразуя ее «под себя». Каждый шаг познания собственной несвободы делает нас свободнее. Психологические законы работают, пока мы о них не догадываемся. Психология через 100 лет – это работающее психологическое знание, отчасти опровергающее себя – отменяющее свои установления. Вы понимаете, о чем я?

Какая самая провальная сторона современной психологии: что она должна, но никак не может сделать?

Она слишком формальна, чтобы помогать жить, и она слишком жизненна, чтобы тащиться от формул или тащиться за ними. Мудрейший из мудрых, В.П. Зинченко, писал о качелях между душой и телом. Есть и другие качели: поскрипывающие – между феноменологией и позитивизмом. Мы проваливаемся, пытаясь объединить то и другое. Дух захватывает, как на качелях.

Верите ли Вы, что возможно формирование личности у компьютера или робота?

У компьютера или у робота? Да, находясь «у», еще как возможно! Правда, скорее, тут нужно говорить о расформировании личности, что иногда мы и замечаем у тех, кто слишком много времени проводит «у». Но если вы спрашиваете о формировании личности у самих этих компьютеров или роботов, то, разумеется, это возможно: я даже знаю некоторых индивидуумов, кто мог бы быть прекрасной моделью.

Что самое страшное в человеке? А самое прекрасное?

Отвечаю на оба вопроса: человек не знает, на что способен. Феномены «ролевой жестокости» и «прорывы бессознательного» – с одной стороны, и неожиданные взлеты творчества, благородства и героизма – с другой.

Что, по Вашему мнению, является предметом современной психологии?

Я бы сказал — все остальное, т.е. ранее неназванное (об эволюции «предмета» психологии очень хорошо писали наши психологи, но ведь остается «что-то еще»...). В недавние годы я проводил дискуссию под именем «ФОРУМ НЕЗНАНИЯ» (последний раз это было в Москве, на V съезде Российского общества психологов, 2012 г.). Мои коллеги отважились поделиться тем, чего они не знают, — «ученым знанием о собственном незнании» (как говорил Н. Кузанский). Речь шла не о том, что опубликовано ими под маркой «проблемы психологии» (часто это лукавство, мы имеем ответ, но не рискуем настаивать на нем публично, ограничиваясь риторическими вопросами и намеками на решение), — а именно делились неизвестным. Маяковский говорил: «Поэзия вся — езда в неизвестное». Думаю, психология — тоже. Если вы спросите — «а все-таки?», я скажу: психика в ее бытии «между» субъективным и объективным, внешним и внутренним, феноменальным и ноуменальным; из того, что наиболее интресно мне в этом непредметном «предмете», — это наше неуловимое Я.

Что такое любовь?

Непереносимость разлуки. А еще одна женщина, из тех кого я знаю годы, один из главных моих учителей в психотерапии, человек исключительной духовности, Наталья Матюк (она «привезла» в Москву процессуальную психотерапию Минделла), сказала о себе отважно: «я есть любовь». Хотел бы и я когда-нибудь сказать о себе то же. Но я не могу. Молчу.

Передайте в 5 предложениях свое послание студентам, преподавателям, коллегам-ученым.

Преподаватели, не лютуйте, экзаменуя!

Коллеги-ученые! Оставайтесь студентами!

Студенты! У меня к вам не пожелание, а вопрос: Как вам удается «учиться, учиться и учиться»? все сдавать? все успевать? И при этом тусить? Я бы, как вы, не смог!.. Ничего бы такого не смог, кроме, пожалуй, последнего...

Любимое из Ваших (Ваших) стихотворений (или первое вспомнившееся)?

$$\sqrt{2} = 1,414...$$

Сначала — один. Потом — запятая, и сух остаток, дрожащий пожухлой травой-муравою.
Я понял: я — корень. Я — корень квадратный из двух.
Меня перемножь на тебя и получится двое.
Вот, значит, о чем пифагорейцы радели:
чтоб поняли мы, что значит быть на пределе...

Ваш любимый афоризм про психологию?

Из области практической психологии (я напишу это когда-нибудь при входе в Центр психологического консультирования): «Жизнь человека гораздо сложнее, чем это покажется вашему консультанту» (а еще лучше — «чужая душа потемки»).

Из области академической психологии: «В метанях меж субъектом и объектом» (из шедевральных однопсиший Дмитрия Леонтьева).

Из области культурно-деятельностной психологии:

«Не примирить мне двух послов:
слова без смысла, смысл без слов»

(из сборника стихов Александра Асмолова).

Какими из Ваших идей/работ/разработок Вы больше всего гордитесь?

Психология неадаптивной активности.

Существуют ли для Вас авторитеты? Кто они?

Да, существуют. Это люди, живущие во мне, независимо от того, могу ли написать им письмо или позвонить, или, может быть, физически их уже нет на земле. Мне не важен их возраст, их статус, знают они меня лично или нет. Это у меня от отца — он для меня был и остается главным авторитетом. При всем моем преклонении перед Фрейдом, должен признаться, что я никогда не страдал эдиповым комплексом, о чем уже писал в Вышкинской книге «Мои учителя» (нечто подобное я услышал потом от Бориса Эльконина и Дмитрия Леонтьева). Отец говорил мне: «Почти в каждом из тех, с кем общаюсь, я нахожу что-то, что делает его авторитетным в моих глазах». О себе я могу добавить: не было бы в моей жизни авторитетных людей, не было бы и сегодняшнего юбиляра.

Какими вопросами задается В.А. Петровский?

Обычно — неразрешимыми. Например: «психофизическая проблема», «свобода воли» или «где достать айтрекер?».

Наконец, комбинированная форма — вопрос-поздравление:

Уважаемый Вадим Артурович, поздравления с юбилеем! Вопрос юбиляру: формулируя одну из принципиально важных идей А.В. Петровского — о коллективистическом самоопределении, Вы написали: это готовность личности противостоять давлению группы, защищая при этом ее (группы) действительные интересы, нормы и ценности. Как Вы считаете, какие из Ваших теоретических или экспериментальных идей в большей степени реализуют этот тип самоопределения?

А.Н. Поддьяков

Прежде всего, спасибо, дорогой Александр Николаевич, что упомянули эту важную мысль Артура Владимировича. Я действительно писал о том, что эта

мысль была по достоинству оценена М.К. Мамардашвили, в те годы главного редактора «Вопросов философии», опубликовавшего статью А.В. Петровского в своем журнале.

Я попробую ответить на Ваш неожиданный и очень интересный вопрос, но сначала назову темы, волновавшие меня на протяжении всей моей научной жизни. Вот некоторые из них: всегда ли существует конечная цель, объясняющая «нормальное» поведение? (что равносильно вопросу, всегда ли есть смысл у того, что мы делаем?) — мой всегдашний ответ: не всегда. Есть ли что-нибудь, кроме «влечения» и «долга», побуждающее активность? — ответ: это — избыточное «могу» как источник «хочу». Где существует собственно личностное в человеке (его «личностность»)? — ответ: в другом человеке, в виде отраженного в нем Я первого (инобытие человека в человеке). «Сколько» у личности Я? — ответ: личность — не единственное Я, но представляет собой единомножие Я. Что есть Я и есть ли Я как таковое (не образ Я, не самооценка, а Я per se?) — ответ: Я есть фикция-явь, призрак, воплощающийся вовне.

Все эти и многие другие вопросы, в момент их появления и годы после, были в стороне от осознаваемых интересов многих моих коллег-психологов (именно психологов, с философами было больше взаимопонимания, а сегодня, к счастью, оно особенно выражено, — я имею в виду, в частности, сотрудничество с В.Н. Порусом и его коллегами). Даже мои стартовые работы по риску начала 1970-х гг., приветствуемые и руководимые А.Н. Леонтьевым, встречали некое недоумение: зачем это? Я помню, как один из самых уважаемых мною людей на конференции по проблемам деятельности в замечательном грузинском Боржоми был чуть ли не возмущен моими рассуждениями о нецелевой (актуальной) причинности, — по сути, о хаосе как источнике порождения новых мотивов и целей. Ну а «личностность» как бытие в другом человеке? Это в лучшем случае вызывало улыбку (были, конечно, и те, кто «болел» теми же проблемами, что и я, прежде всего, Александр Асмолов, с которым меня связывают полувекровая дружба и сотворчество).

Прошло много лет, и я вижу, насколько близки моим коллегам-психологам вопросы, занимавшие меня тогда, сколько сильных, ярких, оригинальных идей появилось сегодня у собратьев по цеху.

Вы спрашиваете меня, чьи действительные интересы, нормы и ценности, противясь давлению группы, защищал я тогда или защищаю сегодня. Если иметь в виду прошлое, то, думаю — истинные ценности тех, с кем тогда спорил или кем еще не был услышан.

Ну а сейчас? Чьи ценности защищаю, оспаривая «давление группы»? Давайте возьмем тайм-аут.

Поживем, обсудим.

*Специальная тема выпуска:
Политическая психология*

Приглашенный редактор — О.А. Гулевич

**КАК ЛЮДИ ПРИНИМАЮТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
РЕШЕНИЯ? ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Что происходит с человеком, когда он становится участником политического процесса? Как он принимает решения, затрагивающие интересы своей страны или других стран? Совершает поступки, способные повлиять на судьбу государства? Этот вопрос волнует психологов на протяжении полутора столетий. Сегодня психологическое изучение того, когда, как и почему люди участвуют в политической жизни страны, идет в рамках социальной и политической психологии. Особенно большой интерес вызывают три частных направления исследований: психология межгрупповых отношений, лидерства и коллективного поведения.

В рамках психологии межгрупповых отношений рассматривается взаимодействие людей, обусловленное их принадлежностью к социальным группам. Основное внимание уделяется причинам межгрупповых конфликтов, формам их проявления

(стереотипам, предрассудкам, межгрупповой дифференциации), последствиям дискриминации отдельных социальных групп и способам уменьшения межгрупповых конфликтов. Несмотря на то что межгрупповые конфликты происходят между самыми разными группами, в качестве основных участников межгруппового взаимодействия в большинстве случаев рассматриваются гендерные (сексизм, гомофобия), расовые и национальные (национализм, расизм), а также религиозные и политические сообщества.

В рамках психологии лидерства изучаются источники лидерства, благодаря которым человек становится лидером группы (личностные особенности и стили поведения потенциального лидера); факторы, оказывающие влияние на предпочтение того или иного лидера (индивидуальные особенности последователей, характеристики группы как

целого и ситуации), а также последствия активности лидера. Наибольшее внимание психологи уделяют организационному и политическому лидерству. При анализе политического лидерства рассматриваются черты и стили поведения реальных политических лидеров, а также факторы, оказывающие влияние на поддержку действий политических лидеров (как реальных, так и гипотетических) потенциальными избирателями.

И наконец, в рамках психологии коллективного поведения анализируются действия людей, направленные на защиту интересов определенной социальной группы, положение которой они считают несправедливым. Сторонники этого направления изучают факторы, способствующие участию людей в подобной деятельности, пути возникновения как легитимных, так и нелегитимных форм коллективного поведения, а также процесс формирования, развития и распада социальных движений. При этом исследователи уделяют большее внимание протестным действиям, направленным против источника несправедливости, чем непосредственной помощи сообществам, которые подвергаются дискриминации.

Первое время три описанных направления исследований существовали независимо друг от друга. Психологи, работающие в рамках этих направлений, использовали разные теоретические концепции, оперировали разными понятиями. Однако в 1990-е гг. появились «точки соприкосновения» между ними: концепции, предложенные в рамках одного из направлений, стали актив-

но применяться для объяснения феноменов, обнаруженных в рамках другого. Благодаря этому стало возможным общее психологическое представление о политических процессах. В этом тематическом номере представлены исследования, касающиеся различных аспектов принятия политических решений.

Три исследования посвящены политическому лидерству. В них рассматриваются факторы, оказывающие влияние на представление и оценку людьми как реальных, так и идеальных политических деятелей. В частности, в статье А.Н. Татарко «Социально-психологический капитал и политическое поведение личности» в качестве фактора, предсказывающего предпочтение реальных политиков, рассматривается социально-психологический капитал личности. В работе О.А. Гулевич и И.Р. Сариевой «Связь веры в справедливый мир и образа идеального политического лидера: роль национальной идентичности» фактором, обуславливающим представление об идеальном политике, признается национальная идентичность. В статье И.С. Прусовой «Влияние страха смерти на представление об идеальном политике» таким фактором является напоминание о смерти. Эти исследования выполнены на стыке двух направлений: психологии лидерства, с одной стороны, и психологии межгрупповых отношений, с другой.

Еще одно исследование посвящено восприятию людьми важных политических событий. В статье О.А. Гулевич и А.Н. Неврюева «Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и нацио-

нальной идентификации» изучаются факторы, предсказывающие отношение людей к участию своей страны в военных действиях на территории другого государства. Такими факторами считаются авторитаризм и национальная идентичность. В статье О.М. Журавлева «От присутствия к принадлежности: событийная идентичность Евромайдана» анализируются воздействие значимого политического события на коллективную идентичность людей и отношение между сторонниками и противника-

ми этого события. Эти работы выполнены на стыке психологии межгрупповых отношений и психологии коллективного поведения.

Взятые вместе, представленные исследования позволяют лучше понять политические процессы, идущие на протяжении двух последних лет в России и на Украине, и факторы, оказывающие влияние на политические предпочтения жителей этих стран.

О.А. Гулевич

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

А.Н. ТАТАРКО

Татарко Александр Николаевич — доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук. Автор 6 монографий и 60 статей в области кросс-культурной и социальной психологии.

Сфера научных интересов: социально-психологический капитал личности, социальный капитал, влияние культуры на экономическое поведение, кросс-культурная психология.

Контакты: tatarko@yandex.ru

Резюме

Исследование посвящено рассмотрению взаимосвязи социально-психологического капитала личности (СПКЛ) и ее политического поведения. Социально-психологический капитал личности — это системно организованный и сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный на доверии и способствующий повышению субъективного благополучия и адаптивности личности в обществе. Данное понятие — новое в социальной психологии, оно помогает описать тот социально-психологический ресурс личности, который связывает ее с обществом и способствует ее успешности в деле его благополучия. Для оценки социально-психологического капитала личности использовалась авторская методика (Татарко, 2014), политическое поведение рассматривалось на примере электорального поведения. Эмпирическое исследование было проведено летом 2012 г. вскоре после выборов в Государственную думу и выборов президента РФ. Выборка была репрезентативной по отношению к Центральному федеральному округу ($N = 1026$) и Северо-Кавказскому федеральному округу ($N = 1035$). Эмпирические данные обрабатывались при помощи моделирования структурными уравнениями (использовалась программа AMOS). В процессе обработки данных оценивалось влияние двух базовых компонентов СПКЛ — «интегрирующего» и «консолидирующего» — на политическую активность и политические предпочтения респондентов в процессе голосования. Исследование показало, что оба компонента позитивно связаны с политической активностью личности, но политические предпочтения у респондентов с преобладанием «интегрирующего» или «консолидирующего» компонентов СПКЛ — разные. «Интегрирующий» компонент связан с предпочтением респондентами текущего политического курса. Люди с преобладанием данного компонента в структуре СПКЛ на выборах в Госдуму чаще голосовали за партию «Единая Россия», а на президентских — за В.В. Путина. Еще одна особенность людей с преобладающим «интегрирующим» компонентом СПКЛ — они реже голосуют за представителей

любых оппозиционных направлений в политике. «Консолидирующий» компонент СПКЛ не продемонстрировал статистически значимых связей с предпочтениями респондентов на думских выборах. В случае с выборами президента обнаружена одна позитивная связь — с предпочтением голосования за М.В. Прохорова, который воспринимался как новый и «подающий надежды» представитель «правой» оппозиции.

Ключевые слова: социально-психологический капитал личности, доверие, политическое поведение.

Введение

Проблема влияния социально-психологических и культурно-психологических факторов на экономическое и политическое развитие общества является чрезвычайно сложной и стала изучаться относительно недавно (Харрисон, Хантингтон, 2002; Лебедева, Татарко, 2007, 2009; Allik, Realo, 2004). Социокультурные и социально-экономические изменения в современных обществах происходят довольно стремительно. С авторской точки зрения, один из главных современных вызовов России состоит в том, что она столкнулась с беспрецедентным ростом миграций (как внешних, так и внутренних) и с влиянием культуры (в широком смысле слова) на социально-экономические процессы общества. В этих условиях на одно из первых мест по значимости выходит поиск психологических ресурсов, которые позволили бы наладить *сотрудничество* между людьми в обществе и способствовали бы *адаптации* людей к изменениям и повышению их психологического благополучия. Очень важно найти такой интегральный психологический фактор, который помогает разным людям в культурно-разнородном обществе сотрудничать, делать общее дело, что, в конце концов, позво-

лит обществу развиваться, а людям достигать благополучия.

В настоящее время в социальной психологии накоплены обширные знания относительно того, как происходят интеграционные процессы на уровне малых групп и рабочих коллективов. Однако психологические стороны интеграционных процессов, происходящих на социетальном уровне, тем более в гетерогенных группах, таких как поликультурные общества, изучены недостаточно.

Изучение интеграционных процессов путем обращения к макропсихологическому уровню анализа может рассматриваться в качестве одной из задач макропсихологии. Для того чтобы осмыслить и описать психологический ресурс отношений, способствующий объединению и развитию поликультурного общества, необходимо введение нового, социально-психологического понятия, которое описывало бы совокупность психологических отношений, которые становятся ресурсом для достижения различных целей как общества в целом, так и отдельных его членов. Вводимое понятие должно описывать совокупность социально-психологических отношений личности, которые служат связующим звеном между индивидом и обществом и являются ресурсом, повышающим

благополучие индивида и способствующим развитию общества, т.е. повышению благополучия окружения индивида.

Исследования влияния культурно-психологических факторов (ценности, социальные аксиомы, социальный капитал) на объективные показатели социально-экономического развития (Лебедева, Татарко, 2009, 2007), на экономико-психологические характеристики личности (установки, представления) привели автора данной работы к представлению о возможности существования социально-психологического ресурса личности, который можно назвать «социально-психологический капитал личности» (СПКЛ). Социально-психологический капитал личности — это системно организованный и сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный на доверии и способствующий повышению субъективного благополучия и адаптированности личности в обществе. Данное понятие позволяет описать тот социально-психологический ресурс личности, который связывает ее с обществом и позволяет ей самой становиться более успешной в обществе и вносить свой вклад в его благополучие.

Опираясь на теорию социального капитала, в том числе на отечественные социально-психологические работы, посвященные проблематике социального капитала (Нестик, 2009; Свенцицкий и др., 2004; Терехова, 2012; Шихирев, 2003), предложено включать в структуру СПКЛ 7 компонентов (см. таблицу 1). В таблице 1

приводятся основные составляющие социального капитала, упоминаемые в большинстве исследований (социальный, групповой уровень), и соответствующие им составляющие СПКЛ (индивидуальный уровень).

Поскольку большинство психических явлений многомерны и имеют системную организацию, представляется целесообразным применение системного подхода при анализе структуры социально-психологического капитала личности в поликультурном обществе. Использование системного подхода позволило нам упорядочить вышеуказанные компоненты СПКЛ в структуру и верифицировать ее (Татарко, 2014, 2015). Согласно нашему подходу, именно доверие является системообразующим фактором структуры СПКЛ.

В теории социального капитала выделяются два его типа: «соединяющий» и «связывающий» (Svendsen, Svendsen, 2010). «Соединяющий» социальный капитал — это количество и плотность связей между людьми, принадлежащими к различным группам общества, он характеризует уровень *интегрированности* общества в целом. «Связывающий» социальный капитал характеризует количество и плотность связей между людьми, принадлежащими к одной группе. «Связывающий» социальный капитал позволяет охарактеризовать уровень сплоченности отдельных групп, в основе которой лежат процессы *консолидации* (усиления группы).

Поскольку социально-психологический капитал личности — психологическая основа для капитала социального, то по аналогии с двумя

Таблица 1

Соотношение компонентов социального капитала и социально-психологического капитала личности в поликультурном обществе

№	Социальный капитал (ресурс общества)	Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе (ресурс личности)
1	Соблюдение гражданами базовых норм общества, единство ценностей, низкий уровень преступности, равноправие	«Микросоциальное» доверие личности (т.е. готовность личности разумно доверять тем, кто ее непосредственно окружает)
2		«Макросоциальное» доверие личности (т.е. готовность личности доверять людям в целом, представление о том, что большинство людей честные)
3	Качество функционирования институциональной сферы общества	Позитивность гражданской идентичности личности (в основе лежит доверие институциональной сфере общества)
4	Мультикультурная политика общества	Толерантность личности к этническому многообразию (в основе лежит доверие людям иных национальностей)
5	Количество организаций, клубов в обществе	Готовность личности участвовать в деятельности различных объединений (основа — доверие окружающим, что способствует выстраиванию неформальных, дружеских отношений и созданию различных объединений)
6	Общее количество друзей	Воспринимаемая поддержка со стороны друзей (отражение взаимного доверия между индивидом и его друзьями, приводящего к построению позитивных эмоциональных отношений с друзьями и взаимной поддержке)
7	Частота контактов с родственниками	Воспринимаемая поддержка со стороны родственников (отражение взаимного доверия между индивидом и его родственниками, приводящего к построению позитивных эмоциональных отношений с родственниками и взаимной поддержке)

вышеуказанными видами социального капитала и исходя из двух процессов (интеграции и консолидации), связанных с этими видами социального капитала, мы выделяем два базовых компонента социально-психологического капитала личности — «интегрирующий» и «консо-

лидирующий». Если интеграция — это процесс объединения частей в целое или включение части в целое, т.е. «интегрирующий» социально-психологический капитал позволяет личности включиться в различные социальные процессы, то консолидация — это укрепление и усиление.

Данный термин произошел от *лат. consolido* — «укрепляю», т.е. имеет значение упрочения или усиления. «Консолидирующий» СПКЛ позволяет усилить возможности личности в совладании с различными трудностями, т.е. это ресурс социально-психологических отношений, позволяющий ей консолидировать (сконцентрировать, собрать у себя) определенное количество социальной поддержки, что помогает ей в преодолении различных трудностей.

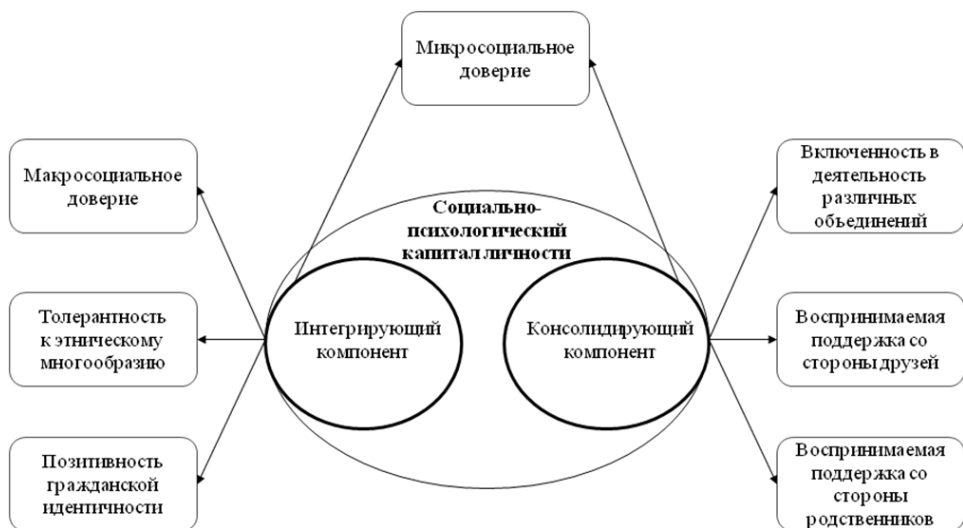
Слова «интеграция» и «консолидация» не являются синонимами (Гаврилова, 2014). На рисунке 1 приводится модель структуры социально-психологического капитала личности в поликультурном обществе, которая была успешно верифицирована в авторских исследованиях (Татарко, 2014, 2015).

«Интегрирующий» и «консолидирующий» компоненты СПКЛ находятся в отношениях комплементарности — они дополняют друг друга, стремятся к балансу, поскольку они репрезентируют одно явление — социально-психологический капитал личности. Микросоциальное доверие является системообразующим фактором социально-психологического капитала личности и поэтому является составной частью структур обоих компонентов СПКЛ.

В проведенных ранее исследованиях (Татарко, 2013, 2014, 2015) нами было показано, что социально-психологический капитал позитивно связан с субъективным благополучием личности. Взаимосвязь социально-психологического капитала и субъективного благополучия является культурно-универсальной и воспроизводится в различных этнических

Рисунок 1

**Концептуальная модель социально-психологического капитала личности
в поликультурном обществе**

группах. Было также показано, что позитивный эффект социально-психологического капитала личности проявляется в его влиянии на продуктивные социально-экономические установки и поведение, характеризующее экономическую активность личности. В частности, составляющие «консолидирующего» компонента СПКЛ были связаны с намерением открыть собственный бизнес и с успешной реализацией данного намерения (Татарко, 2013).

Поскольку СПКЛ представляет собой новый для социальной психологии концепт, мы рассматриваем и изучаем его влияние на различные аспекты поведения личности.

Цель исследования, представленного ниже, состояла в *изучении влияния СПКЛ на политическое поведение*.

Политическое поведение рассматривалось в исследовании на примере электорального поведения. Данное исследование было проведено летом 2012 г., вскоре после думских и президентских выборов, и носило поисковый характер.

Методика исследования

Участники исследования. Социально-психологический опрос проводился в двух федеральных округах России — Северо-Кавказском и Центральном. К генеральной совокупности относилось население федеральных округов, проживающее в местах, предназначенных для постоянного размещения населения, — жилых домах, общежитиях и

т.п. в период проведения опроса (наличное население). Общий размер генеральной совокупности составляет 24 755 млн человек в ЦФО и 5812 млн человек в СКФО¹. В генеральную совокупность не включаются лица, временно находящиеся на территории ФО, а также институциональные поселения (военные части, места заключения, места временного проживания: гостиницы, дома отдыха, больницы и т.п.). В процессе опроса была собрана репрезентативная выборка в двух указанных регионах России. Общий объем выборки 2258 человек. Из них 1024 интервью проведено в Центральном федеральном округе и 1034 интервью в Северо-Кавказском федеральном округе.

Инструментарий исследования

1. Социально-психологический капитал личности

Методика оценки социально-психологического капитала личности апробирована и валидизирована автором (Татарко, 2015). Ниже приводится описание шкал и даются примеры утверждений, которые использовались для оценки каждого из компонентов СПКЛ. Все утверждения оценивались по 5-балльной шкале, где 1 — совершенно не согласен, а 5 — совершенно согласен.

1.1. Системообразующий фактор

Согласно авторской концепции, системообразующим фактором СПКЛ является *микросоциальное доверие личности*. Оно оценивалось как среднее арифметическое степени

¹ Данные Госкомстата РФ по последней переписи населения РФ (2010).

согласия с двумя утверждениями: «Я доверяю своим коллегам по работе», «Я доверяю своим соседям». Вес, с которым данный фактор входит в структуру «интегрирующего» компонента СПКЛ, составляет 0.9, аналогичный вес для «консолидирующего» компонента составляет 0.3, поэтому после вычисления арифметического среднего по данной шкале для каждого респондента это среднее разбивалось на две составляющие, каждая из которых суммировалась с остальными показателями соответствующего компонента. Для расчета этих составляющих среднее значение по шкале микросоциального доверия сначала умножалось на 0.9 (и полученное значение складывалось со значениями других показателей «интегрирующего» компонента СПКЛ), затем оно умножалось на 0.3 (и полученное значение складывалось со значениями других показателей «консолидирующего» компонента СПКЛ). Эти вычисления проводились для каждого испытуемого. Таким образом, мы включали в показатели «интегрирующего» и «консолидирующего» компонентов СПКЛ ту долю показателя «микросоциального доверия», которая должна войти в него в соответствии с весом, с которым оно входит в каждый из двух данных компонентов.

1.2. «Интегрирующий» компонент СПКЛ

а) *Макросоциальное доверие* оценивалось как среднее арифметическое степени согласия с двумя утверждениями: «Большинству людей можно доверять», «Большинство людей всегда поступают честно».

б) *Толерантность к этническому многообразию*. Для оценки данного

показателя использовались три утверждения: «То, что вокруг живут люди разных национальностей, делает жизнь лучше», «Я не против того, чтобы жить среди людей разных национальностей», «Я доверяю людям другой национальности».

в) *Позитивность гражданской идентичности*. Данный компонент СПКЛ оценивался тем же способом, что и два предыдущих. Для его оценки использовались четыре утверждения. Примеры утверждений: «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к России».

1.3. «Консолидирующий» компонент СПКЛ

а) *Воспринимаемая помощь друзей*. Респондента просили ответить на вопросы о наличии определенных ресурсов у друзей, которые могут предоставить ему различные виды помощи и поддержки (Татарко, 2015). Он должен был назвать число друзей, которые готовы предоставить ему перечисленные в анкете виды помощи.

б) *Воспринимаемая помощь родственников*. Респондента просили ответить на вопросы о наличии определенных ресурсов у родственников, которые могут предоставить ему различные виды помощи и поддержки (Там же). Он должен был назвать число членов семьи, которые готовы предоставить ему перечисленные в анкете виды помощи.

в) *Включенность в деятельность организаций*. Респондента просили, используя 5-балльную шкалу, оценить то, насколько часто он принимает участие в деятельности различных общественных организаций.

Поскольку размерность не всех шкал опросника идентична (воспринимаемая помощь родственников и друзей оценивалась не по 5-балльной шкале, а как число людей, готовых оказать перечисленные в опроснике виды помощи), то перед обработкой мы проводили стандартизацию показателей по каждому компоненту и приведение их к шкале стенов. Таким образом, значение по «интегрирующему» и «консолидирующему» компонентам СПКЛ вычислялось как усредненное значение их составляющих, измеренных в шкале стенов.

2. Политическое поведение

Политическое поведение оценивалось при помощи двух вопросов, касающихся участия в выборах в Государственную думу и в президентских выборах 2012 г.

а) Голосовали ли вы на выборах депутатов Государственной думы России 4 декабря 2011 г., и если да, то за какую партию?

Далее предлагались следующие варианты ответов:

- 1) Партия «Справедливая Россия»
- 2) Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)
- 3) Партия «Патриоты России»
- 4) Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)
- 5) Партия «Яблоко»
- 6) Партия «Единая Россия»
- 7) Партия «Правое дело»
- 8) Унес(ла)/испортил(а) бюллетень
- 9) Не ходил(а) на выборы

б) Голосовали ли вы на выборах президента России 4 марта этого

года, и если да, за кого из кандидатов вы проголосовали?

- 1) Владимир Жириновский
- 2) Геннадий Зюганов
- 3) Сергей Миронов
- 4) Михаил Прохоров
- 5) Владимир Путин
- 6) Унес(ла)/испортил(а) бюллетень
- 7) Не ходил(а) на выборы

Таким образом, посредством этих вопросов мы оценивали как сам факт участия в выборах, так и предпочтения респондентов в случае их участия в выборах.

Результаты исследования

Данные, полученные в процессе опроса, обрабатывались при помощи структурного моделирования. Первоначально были подсчитаны значения по «интегрирующему» и «консолидирующему» компонентам СПКЛ в стенах по каждому респонденту. Описательные значения данных компонентов следующие: «интегрирующий» компонент — $M = 5.6$, $\sigma = 1.4$; «консолидирующий» компонент — $M = 5.1$, $\sigma = 1.3$.

Затем мы оценивали связь двух компонентов СПКЛ с особенностями политического поведения (пришел или не пришел респондент на выборы; проголосовал или испортил бюллетень), а далее — с конкретными политическими предпочтениями (голосование за определенные политические партии на выборах в Госдуму и голосование за определенных кандидатов на выборах президента РФ).

Для каждой зависимой переменной строилась отдельная модель.

Соответственно, было построено девять структурных моделей (таблица 2) при оценке связи СПКЛ с поведением респондентов на выборах в Госдуму и семь (таблица 3) — при оценке связи СПКЛ и поведения респондентов на выборах президента РФ.

В таблице 2 представлены результаты моделирования структурными уравнениями, демонстрирующие предсказательную способность «интегрирующего» и «консолидирующего» компонентов СПКЛ по отношению к политической активности и предпочтениям респондентов во время выборов в Госдуму в 2012 г.

Результаты, представленные в таблице 2, позволяют, прежде всего, заметить, что СПКЛ позитивно влияет на политическую активность. Точнее — и «консолидирующий» и «интегрирующий» компоненты СПКЛ отрицательно связаны с переменной, показывающей факт неучастия в выборах. Как можно видеть из таблицы 2, влияние «интегрирующего» компонента на политическую активность выше. Еще один позитивный эффект «интегрирующего» компонента связан с тем, что он сопряжен с более сознательным отношением респондентов к процедуре выборов. Об этом свидетельствует отрицательная связь «интегрирующего» компонента СПКЛ с порчей бюллетеней, т.е. люди с более высоким «интегрирующим» компонентом чаще делают выбор, а не портят бюллетень, придя на выборы.

Далее рассмотрим взаимосвязи двух базовых компонентов СПКЛ и политических предпочтений респондентов во время выборов в Госдуму. В таблице 2 видны две тенденции.

Первая — «интегрирующий» компонент СПКЛ позитивно связан с предпочтением «Единой России» и отрицательно — с предпочтением большинства остальных партий. Эти результаты позволяют прийти к заключению, что люди с выраженным «интегрирующим» компонентом имеют довольно ясные политические предпочтения: они чаще голосуют за так называемую «партию власти» и реже — за альтернативные политические партии независимо от их политической направленности.

Вторая тенденция стоит в том, что «консолидирующий» компонент СПКЛ не был связан с какими-либо политическими предпочтениями респондентов во время выборов в Госдуму, т.е., с одной стороны, этот компонент позитивно связан с фактом участия в выборах, с другой — он не позволяет предсказать какие-либо политические предпочтения респондентов.

В таблице 3 представлены результаты моделирования структурными уравнениями, показывающие связь «интегрирующего» и «консолидирующего» компонентов СПКЛ с политической активностью и предпочтениями респондентов во время выборов президента РФ в 2012 г.

Результаты, представленные в таблице 3, позволяют, сказать, что в данном случае только «интегрирующий» компонент СПКЛ позитивно связан с политической активностью. Как можно видеть в таблице 3, связь «консолидирующего» компонента с политической активностью незначима. Еще одно различие с предыдущим случаем состоит в том, что СПКЛ оказался не связан с тем, проголосовали ли респонденты или

Таблица 2

Связь социально-психологического капитала и политических предпочтений во время выборов в Госдуму в 2012 г.

Модель №	Характеристики поведения (зависимые переменные)	% респондентов (среди ответивших)	β для компонентов СПКЛ (предикторов)		χ ²	df	χ ² /df	CFI	RMSEA	PCLOSE
			«Интегрирующий»	«Консолидирующий»						
1	Не ходил на выборы	34.4	-0.20***	-0.10*	7.75	1	7.75	0.9	0.06	0.22
2	Испортил бюллетень	0.6	-0.10***	0.02	21.3	6	3.5	1	0.04	0.81
3	Голосовал за: «Справедливую Россию»	4.5	-0.10**	0.02	16.6	6	2.78	1	0.03	0.92
4	Голосовал за: ЛДПР	5	-0.11***	0.02	27.7	6	4.63	1	0.05	0.57
5	Голосовал за: «Патриоты России»	0.4	-0.03	0.04	12.2	6	2.04	1	0.03	0.98
6	Голосовал за: КПРФ	6.9	0.01	0.01	7.9	6	1.3	1	0.01	0.99
7	Голосовал за: «Яблоко»	1.8	-0.02	0.02	8.8	6	1.47	1	0.01	0.98
8	Голосовал за: «Единую Россию»	45.4	0.28***	0.01	7.75	1	7.75	0.95	0.06	0.22
9	Голосовал за: «Правое дело»	1	-0.10**	0.02	14.1	6	2.3	1	0.03	0.92

Таблица 3

Связь социально-психологического капитала с предпочтениями респондентов во время выборов президента в 2012 г.

1	Не ходил на выборы	32.2	-0.20***	-0.03	8.5	1	8.5	0.9	0.07	0.2
2	Испортил бюллетень	0.3	-0.03	0.03	10.8	6	1.8	1	0.02	0.99
3	В. Жириновский	4.3	-0.10**	0.01	22.8	6	1.8	1	0.04	0.73
4	Г. Зюганов	6.6	-0.01	-0.03	10.2	6	1.7	1	0.02	0.99
5	С. Миронов	2.2	-0.10*	0.02	13.2	6	2.1	1	0.03	0.97
6	М. Прохоров	4.4	-0.10*	0.10**	25.9	6	4.3	1	0.05	0.62
7	В. Путин	50	0.26***	0.02	8.5	1	8.5	0.93	0.07	0.2

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

испортили бюллетень, придя на выборы. Таким образом, самой устойчивой является позитивная связь «интегрирующего» компонента СПКЛ с политической активностью.

Рассмотрим взаимосвязи двух базовых компонентов СПКЛ и политических предпочтений респондентов во время выборов в Госдуму. Из таблицы 3 следуют два факта.

Во-первых, «интегрирующий» компонент СПКЛ позитивно связан с предпочтением в качестве президента В. Путина и отрицательно — с предпочтением большинства остальных партий, за исключением Г. Зюганова (с голосованием за данного кандидата СПКЛ вообще не связан). Эти результаты позволяют также прийти к заключению, что люди с выраженным «интегрирующим» компонентом имеют довольно ясные политические предпочтения: они чаще голосуют за действующую политическую власть и значительно реже за альтернативных кандидатов в президенты РФ.

Во-вторых, «консолидирующий» компонент СПКЛ в случае с президентскими выборами оказался позитивно связан только с предпочтениями М. Прохорова, т.е. люди с выраженным «консолидирующим» компонентом преимущественно голосовали за кандидата, который воспринимался в качестве явной и в определенной мере «свежей» альтернативы кандидату от действующей власти — В. Путину.

Обсуждение результатов

Отметим, что два базовых компонента социально-психологического

капитала личности — «интегрирующий» и «консолидирующий» — связаны с особенностями политического поведения личности. Эту связь нельзя назвать сильной, но тем не менее она статистически значима и обладает объяснительной ценностью, т.е. ее стоит принимать во внимание.

Частичное сходство во влиянии обоих компонентов социально-психологического капитала личности на политическое поведение состоит в том, что они оба сопряжены с политической активностью личности. Это хорошо видно на примере их влияния на участие респондентов в думских выборах (чем выше оба компонента, тем ниже вероятность неучастия в выборах). Людям с выраженным «интегрирующим» компонентом СПКЛ свойственно именно голосовать, а не портить бюллетень.

Несмотря на то что оба компонента СПКЛ одинаковым образом позитивно связаны с политической активностью личности, с политическими предпочтениями они связаны различным образом.

«Интегрирующий» компонент связан с явным предпочтением респондентами текущего политического курса, т.е. люди с преобладанием данного компонента в структуре СПКЛ на думских выборах чаще голосовали за партию «Единая Россия», а на президентских — за В.В. Путина. Еще одна особенность людей с преобладающим «интегрирующим» компонентом СПКЛ — они реже голосуют за представителей оппозиции.

«Консолидирующий» компонент СПКЛ не продемонстрировал стати-

стически значимых связей с предпочтениями респондентов на думских выборах. В случае с выборами президента обнаружена одна позитивная связь — с предпочтением голосования за М.Д. Прохорова, который большинством людей воспринимается достаточно близко к числу представителей политической оппозиции в России.

Чтобы понять психологическую суть выявленных связей, обратимся еще раз к содержанию и функциям «консолидирующего» и «интегрирующего» компонентов СПКЛ (см. рисунок 1). По сути, те социально-психологические отношения, которые составляют ресурс личности (доверие, позитивность гражданской идентичности, толерантность к этническому многообразию), представляющие собой «интегрирующий» компонент СПКЛ, позволяют личности «вкладываться» в создание благоприятного социально-психологического климата в окружении, а также интегрироваться в общество. Именно таким образом проявляет себя данный ресурс личности по отношению к политическому поведению. «Интегрирующий» компонент СПКЛ, с одной стороны, проявляя качества ресурса, побуждает людей к политической активности и сознательности (люди голосуют, а не портят бюллетени), с другой стороны, свойства этого ресурса побуждают людей к политическим действиям, направленным скорее на сохранение достигнутого, повышение определенности, чем на стремление к изменениям, неизбежно сопряженным с неопределенностью. В результате люди с выраженным «интегрирующим» компонентом СПКЛ активнее

участвуют в выборах и голосуют за действующую власть, т.е. за сохранение порядка и определенности в обществе.

Ресурс социально-психологических отношений, который составляет «консолидирующий» компонент СПКЛ, позволяет личности быть успешной в своих личных достижениях. Соответственно, обладание данным ресурсом побуждает людей стремиться к созданию той среды, в которой они могли бы быть свободны и реализовать свои идеи, достигать большего лично. Поэтому чем в большей степени человек обладает данным ресурсом социально-психологических отношений, тем в большей мере он будет голосовать за кандидата, который, по его мнению, может дать ему большие возможности для личного развития и самореализации.

Именно в этом состоит диалектика равновесия и комплементарности двух данных компонентов социально-психологического капитала личности как составляющих единой системы. В случае их равновесия в обществе будет баланс между стабильностью, интегрированностью и развитием, стремлением к новому.

Причем если у «интегрирующего» компонента есть отрицательные связи с политическими предпочтениями, то у «консолидирующего» компонента таких отрицательных связей нет. Это еще раз указывает на то, что преобладание составляющих «интегрирующего» компонента в системе СПКЛ связано с довольно четкими политическими предпочтениями его субъектов.

Необходимо отметить, что полученные результаты создают ряд

вопросов. Например, каков социально-демографический портрет людей с выраженным «интегрирующим» компонентом или с выраженным «консолидирующим» компонентом СПКЛ? Каково соотношение этих групп в нашем обществе? Зная особенности данного ресурса у людей, можно лучше понять политические запросы *общества*: на какую политическую власть и какой политический курс в обществе есть запрос? Обсуждение данного круга проблем может быть темой для дальнейших исследований и работ в рамках концепции социально-психологического капитала личности.

Обозначу несколько важных задач, которые еще не решены, но их решение имеет большое значение для развития теории социально-пси-

хологического капитала личности и проведения дальнейших эмпирических исследований в данной области. С авторской точки зрения, концепция социально-психологического капитала личности имеет довольно широкие перспективы. Во-первых, возможны дальнейшие теоретические и эмпирические исследования по уточнению структуры данного явления. Во-вторых, можно выделить еще одно потенциальное направление исследований – изучение предикторов социально-психологического капитала личности. Чрезвычайно важным и перспективным видом работы в рамках данного научного направления будет разработка практических методов повышения социально-психологического капитала личности.

Литература

- Гаврилова, А. С. (2014). *Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50 000 слов*. М.: Юрайт.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2007). *Ценности культуры и развитие общества*. М.: Изд-во НИУ ВШЭ.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2009). *Культура как фактор общественного прогресса*. М.: Юстицинформ.
- Нестик, Т. А. (2009). Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. II. *Психологический журнал*, 30(2), 29–42.
- Свенцицкий, А. Л., Почебут, Л. Г., Килошенко, М. И., Кузнецова, И. В., Марарица, Л. В., Казанцева, Т. В. (2004). Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 12(3), 140–149.
- Татарко, А. Н. (2013). Социально-психологический капитал и предпринимательская активность личности. *Психологический журнал*, 31(5), 42–54.
- Татарко, А. Н. (2014). *Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Татарко, А. Н. (2015). *Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе* (Докторская диссертация, Москва, Институт психологии РАН).
- Терехова, Т. А. (2012). Метаанализ взаимосвязи инновационного потенциала и социального капитала личности. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 34(2), 38–44.

- Харрисон, Л., Хантингтон, С. (ред.). (2002). *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. М.: МШПИ.
- Шихирев, П. Н. (2003). Природа социального капитала: социально-психологический подход. *Общественные науки и современность*, 2, 17–32.
- Allik, J., Realo, A. (2004). Individualism-collectivism and social capital. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 35(1), 29–49.
- Svendsen, G. T., Svendsen, G. H. (Eds.). (2010). *Handbook of social capital. The troika of sociology, political science and economics*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Social Psychological Capital and Political Behavior of Personality

Alexander N. Tatarko

Associated Professor, School of Psychology, HSE; Senior Researcher of International Laboratory for Socio-Cultural Research, HSE, Ph.D.
E-mail: tatarko@yandex.ru

Address: 20 Myasnitckaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The study views the interaction between social psychological capital of personality (SPCP) and political behavior of personality. Social psychological capital of personality is the systemically organized and balanced resource of social psychological attitudes of personality toward society in the whole and to its immediate environment, based on trust and furthering of subjective well-being and adaptability of personality in society. This notion is new in social psychology and allows describing the social psychological resource of personality, which binds it to society and allows it to become more successful in society and contribute to its well-being. To estimate social psychological capital of personality author's method was used, and political behavior was viewed in the context of electoral behavior. The empirical research was conducted in summer 2012 soon after the elections in State Duma and of President of the Russian Federation. The sample was representative to the Central Federal District (N = 1026) and the Northern Caucasian District (N = 1035). Empirical data were processed with Structural Equation Modeling (program AMOS was used). In the processing of data the influence of two basic components of SPCP was estimated — of “integrating” and “consolidating” — on political activity and political preferences of respondents in the process of voting. The research showed that both components were positively connected with political activity of personality, but political preferences in respondents with the prevalence of “integrating” or “consolidating” components of SPCP were different. The “integrating” component is connected to preference by respondents of the current political line. People with prevalence of this component in the structure of SPCP voted for “United Russia” in the State Duma elections and for V.V. Putin in the presidential elections. Another peculiarity of people with prevalent “integrating” component of SPCP — they vote less for any oppositional trends in politics. The “consolidating” component of SPCP didn't demonstrate statistically significant links with preferences of respondents during State Duma elections. In the case of presidential elections one positive link was found — with the preferences in voting for M. Prokhorov, who was viewed as a new and promising representative of the “right” opposition.

Keywords: socio-psychological capital, trust, political behavior.

References

- Allik, J., & Realo, A. (2004). Individualism-collectivism and social capital. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 35*(1), 29–49.
- Gavrilova, A. S. (2014). *Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka: 50 000 slov* [Thesaurus of Contemporary Russian Language]. Moscow: Yurait.
- Harrison, L., & Huntington, S. (Eds.). (2002). *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture matters. How values shape human progress]. Moscow: Moscow School of Political Studies. (Transl. of: Harrison, L. E., & Huntington, S. P. (Eds.). (2000). *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic Books).
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2007). *Tsennosti kul'tury i razvitie obshchestva* [Cultural values and development of society]. Moscow: HSE Publishing House.
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2009). *Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa* [Culture as a factor of social progress]. Moscow: Yustitsinform.
- Nestik, T. A. (2009). Social capital of organization: Socio-psychological analysis. Part II. *Psikhologicheskii Zhurnal, 30*(2), 29–42.
- Shikhirev, P. N. (2003). Priroda sotsial'nogo kapitala: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [The nature of social capital: social psychological approach]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost', 2*, 17–32.
- Svencickiy, A. L., Pochebut, L. G., Kiloshenko, M. I., Kuznetsova, I. V., Mararitsa, L. V., & Kazantseva, T. V. (2004). Sotsial'nyi kapital i ego formirovanie: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [Social capital and its formation: Psycho-social approach]. *Vestnik of St. Petersburg State University, 12*(3), 140–149.
- Svendsen, G. T., & Svendsen, G. H. (Eds.). (2010). *Handbook of social capital. The troika of sociology, political science and economics*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Tatarko, A. N. (2013). Socio-psychological capital and person's entrepreneurial activity. *Psikhologicheskii Zhurnal, 34*(5), 33–45.
- Tatarko, A. N. (2014). *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve* [Social psychological capital of personality in policultural society]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Tatarko, A. N. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskii kapital lichnosti v polikul'turnom obshchestve* [Social psychological capital of personality in policultural society] (Doctoral dissertation, Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences).
- Terekhova, T. A. (2012). *Meta-analysis of interrelation between personality innovation potential and social capital. The Humanities and Social Studies in the Far East, 34*(2), 38–44.

JUST WORLD BELIEF AND THE IMAGE OF THE PERFECT POLITICAL LEADER: THE ROLE OF NATIONAL IDENTIFICATION

O.A. GULEVICH, I.R. SARIEVA

Olga A. Gulevich — Associate Professor, School of Psychology, HSE;
Leading Research Fellow, Laboratory for Experimental and Behavioural
Economics, HSE, D.Sc.
E-mail: o.gulevich@hse.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Irena R. Sarieva — Senior Lecturer, School of Psychology, HSE.
E-mail: iren.sarieva@gmail.com
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Political leaders need the support of other citizens to exercise that influence and perform their functions. According to the leader categorization theory, people give more support to the leaders which fit a certain prototype – the idea of a perfect leader. In this study we analyze the link between just world belief, Russian national identity and the idea of a perfect leader. We assumed that the more people believe in a just world, the stronger their national identity is. The more they identify with Russia, the more support they expect from their political leader, and the more power they award to him. Members of psychological and political groups in Russian social media have participated in the study (N = 294). They filled out an online version of the survey, which included scales for measuring just world belief, Russian national identity and the idea of a perfect political leader. To test the hypotheses structural modeling was used. The results confirmed the hypotheses. At the same time, they show, that belief that the world is just towards other people plays a bigger role, than belief in the world being just towards one's self.

Keywords: just world belief, national identification, political leader.

Groups are characterized by an internal structure which is more or less hierarchical. Social hierarchy exists on various levels – from school grades and work groups in organizations to the society in general. People with more power have a greater impact on group decisions and the reaching of group goals. Social hierarchy is highly prominent in political life. Political leaders have a big influence on lawmaking and, as a consequence, on the life of a country in general.

However, the relationship between a leader and followers is a two-way street. For a leader to successfully fulfill his functions, he needs to trust and support of his followers. An important factor, which influences the attitudes towards a political leader, is his conformity to the in-group prototype. Leader categorization theory proposes that people have an image of the perfect leader – a leader prototype. It includes the attributes a leader must possess, and the actions which he should perform. The more an aspiring leader represents this prototype, the easier it is for subordinates to recognize and categorize that person as a leader and, consequently, the more favorable the responses toward that leader will be (Epitropaki & Martin, 2005). As a consequence, factors that impact the image of the perfect political leader are of particular interest. Among these factors is social identity.

Image of a political leader and national identification. Social identity is understood as a part of a person's self-concept, which relates to his or her awareness of belonging to a specific group or category and which has a certain value and emotional meaning. Psychological research has shown that

in-group identity determines their evaluations and behavior. In particular, psychological studies demonstrate that the stronger people identify with the in-group, the more positively they evaluate the group leader (Barreto & Ellemers, 2002; Martin & Epitropaki, 2001; Neves & Caetano, 2009; Platow & Van Knippenberg, 2001; Steffens, Haslam, & Reicher, 2014). This pattern is exhibited in laboratory groups (Barreto & Ellemers, 2002), real organizations (Castano, Paladino, Coull, & Yzerbyt, 2002; Martin & Epitropaki, 2001; Neves & Caetano, 2009), and also when evaluating political leaders (Steffens et al., 2014). As such, in most studies the link between ingroup identification and the evaluation of real leaders is researched. The question arises as to how in-group identification relates to the image of perfect leader.

We assume that the more a person identifies with the in-group, the more he or she shares the group's attitudes and values. In particular, the stronger a person's national identification is, the more they share the public opinion. Opinion surveys conducted in Russia show that there are two concepts of a perfect president: a wise, moral and benevolent "father of the nation" and an effective manager, who is competent in the economic field. However, recent studies show that people tend to lean more towards the image of the "father of the nation" (Public Opinion Foundation, 1997; Russian Public Opinion Research Center, 2008, 2012). Thus, we assume that national identification predicts the image of the perfect political leader: the stronger the Russian identification is, the more people expect that political leaders will act in the group's best interests (hypothesis 1a) and the

more power people are ready to grant them (hypothesis 1b).

National identification and world beliefs. The level of in-group identification is determined by the attitude of other group members. Psychological studies have shown that people who receive respect and support from their peers identify stronger with the group than those who encounter disrespect and rejection. This pattern emerges in both short-lived, experimentally created groups and long-term real ones. In particular, the more interest in a person's opinion and respect they are shown by the members of laboratory working group, the stronger they identify with the team (Renger & Simon, 2011; Simon & Sturmer, 2003). Employees who consider their employer's actions to be procedurally just and feel more attention and support tend to exhibit stronger organization identification (Blader & Tyler, 2009; Edwards & Peccei, 2010; Tse, Ashkanasy, & Dasborough, 2012). Finally, the more the government's actions are considered to be, the stronger the citizens' national identity (Tyler, 2009).

When evaluating group members attitude, people take into account both actions and their personal representations, which frame their perception of a situation. Among these representations is just world belief. The just world hypothesis was introduced by M. Lerner (1980). He thought that most people believe that the world is just, and events and outcomes are logical and predictable. In such a world people get what they deserve and deserve what they get. Such a perception gives meaning to a person's life. Thanks to that belief, a person may live and be sure that it is possible to predict events,

which would happen to him and the outcomes he may achieve.

Belief in a just world affects a person's perception of other people: the stronger a person believes in a just world, the more positive his or her attitude towards others is. Psychological studies have shown that the more inmates believe in a just world, the more just they consider legal proceedings, their interpersonal treatment by their corrections officer and the decisions on prison affairs (Dalbert & Filke, 2007; Otto & Dalbert, 2005). Possibly, due to such a perception, people who believe in a just world are less suspicious and more likely to believe that promises made to them will be kept (Dittmar & Dickinson, 1993; Zuckerman & Gerbasi, 1977); are more trusting towards their spouses (Lipkus & Bissonnette, 1996); are more keen to believe in the altruism of those who give to charity (Furnham, 1995); and also are more trusting towards social institutions and representatives of the government (Zuckerman & Gerbasi, 1977).

These results allow us to link a belief in a just world to national identification. Belief in a just world increases a person's belief that other people have a positive attitude towards him. That perception of positive attitudes increases the level of social identification. This primarily concerns large social groups, the representatives of which the person encounters regularly and which serve as prototypical examples of people. Consequently, we assume that belief in a just world predicts national identification: the more a person believes in a just world for himself and others, the stronger his national identification (hypothesis 2).

Study

Participants. The data were collected with an electronic web-based questionnaire between October 2014 and March 2015. Participants were recruited through psychological and political groups in various social media. 294 people participated in the study, of them 207 were women and 87 were men, aged 18 to 65 years ($M = 25.15$; $SD = 9.27$).

Method. Participants filled out online questionnaires for measuring belief in a just world, national identification and attitudes towards political leaders.

Belief in a just world. Belief in a just world was assessed with a scale developed by Dalbert and adapted for the Russian language by Nartova-Bochaver et al. (Nartova-Bochaver, Hohlova, & Podlipnyak, 2013). The scale includes 13 statements: 7 of them form the JWB-self scale (e.g. "I believe that I usually get what I deserve") and 6 statements form the JWB-other scale (e.g. "I believe that the world in general is just"). Participants were asked to indicate how much they agreed or disagreed with these statements using a 6-point response scale (from 1 – completely disagree to 6 – completely agree).

National identification. National identification was measured by the "Self-investment" subscale from the Russian version of the in-group identity scale by K. Leach (Leach et al., 2008) adapted by Agadullina and Lovakov (2013). The subscale includes 10 statements which represent three parameters of national identification: satisfaction (e.g. "I am glad to be a Russian citizen"), solidarity (e.g. "I feel solidarity with Russian citizens") and

centrality (e.g. "I often think about the fact that I am a Russian citizen"). Participants were asked to indicate how much they agreed or disagreed with these statements using a 7-point response scale (from 1 – completely disagree to 7 – completely agree).

The image of a perfect political leader. To measure the concept of a perfect political leader, two factors were used: the expectation of support and care from the leader and the readiness to give him power.

To measure the expectation of support and care we used 12 statements that formed three subscales. Four statements represented the belief in the fact that political leaders take responsibility for citizens' economic well-being. Four represented the idea that political leaders seeks to protect citizens. And four other statements – that the political leaders must control the situation in the country (Appendix 1). Participants were asked to indicate how much they agreed or disagreed with these statements using a 5-point response scale (from 1 – completely disagree to 5 – completely agree).

To measure the readiness to give power we used 8 statements that formed two subscales. Four statements represented the belief in the fact that political leaders may break the law if it benefits the country. Four other statements represented the idea that in the interests of national security the rights of some citizens may be limited (Attachment 1). Participants were asked to indicate how much they agreed or disagreed with these statements using a 5-point response scale (from 1 – completely disagree to 5 – completely agree).

Results

Means, standard deviations, and intercorrelations can be found in Table 1. The means suggest that respondents tended to evaluate justice of the world towards themselves higher than towards others. Apart from that, they expected political leaders to provide support and care, but to a lesser degree granted them power.

Moreover, in line with our hypothesis, the intercorrelations (see Table 1) show that both JWB-self ($r_s = 0.177^{**}$) and JWB-other ($r_s = 0.320^{**}$) were positively related to national identification. National identification, in turn, was positively related to the expectation of support and care ($r_s = 0.261^{**}$) and the readiness to give power to political leaders ($r_s = 0.324^{**}$). At the same time, the two components of the concept of a perfect political leader were positively linked ($r_s = 0.216^{**}$).

In terms of our analytical strategy, we tested some hypothetical models using multigroup structural equation modeling (SEM) in MPlus 7 (Muthen & Muthen, 1998–2012). First, we tested the initial model, which included five variables. JWB-self and JWB-

other served as independent variables, national identification as a potential mediator, expectation of care and support and readiness to give power to the political leader as dependent variables. Residuals among dependent variables were allowed to covary.

Results show a good fit of the model ($\chi^2 = 77.197$, $df = 31$, $p \leq 0.01$, CFI = 0.954, TLI = 0.934, RMSEA = 0.071, SRMR = 0.051, AIC = 27559.972, BIC = 27666.796). As expected, national identification predicted the expectation of care and support, and the readiness to give power. Moreover, belief in a just world predicted national identification. However, JWB-other predicts better national identification, than JWB-self.

We created a modified model excluding paths between JWB-self and national identification (see Figure 1). Results demonstrated that the modified model had a better fit than the initial one ($\chi^2 = 47.593$, $df = 24$, $p \leq 0.01$, CFI = 0.976, TLI = 0.964, RMSEA = 0.058, SRMR = 0.048, AIC = 27557.997, BIC = 27661.137). As expected, JWB-others predicted national identification. This result partly supported hypothesis 2. National identification, in

Table 1

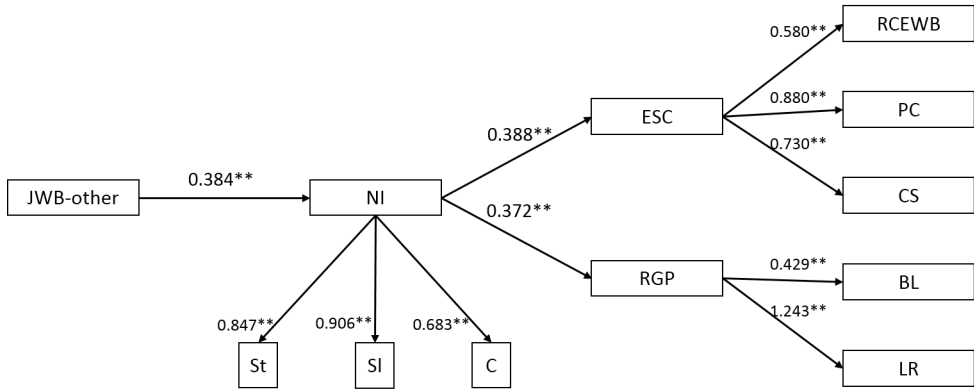
Means and correlations for the main variables

Scale	M	SD	α	1	2	3	4
1. JWB-self	4.36	1.03	0.920				
2. JWB-other	3.42	1.14	0.847	0.411**			
3. National Identification	4.33	1.43	0.933	0.177**	0.320**		
4. Expectation of support and care	4.16	0.55	0.829	0.014	0.121*	0.261**	
5. Readiness to give power	2.66	0.89	0.859	0.001	0.277**	0.324**	0.216**

** $p < 0.01$ (2-tailed); * $p < 0.05$ (2-tailed).

Figure 1

Modified path-model

Note. JWB – just world believe; NI – national identification; St – satisfaction; SI – solidarity; C – certainty; ESC – expectation of support and care; RCEWB – responsibility for citizens’ economic well-being; PC – protection of citizens; CS – control of the situation; RGP – readiness to give power; BL – license to break law; LR – license to limit rights.

** – $p \leq 0.01$.

turn, predicted the image of the perfect political leader. This result supported hypothesis 1a and 1b.

Discussion

In this research we analyzed the link between just world belief, national identification and the image of the perfect political leader. We separated two components of the image of a perfect political leader – the expectation of care and support from him, and the readiness to give him power. The study results show that these components are linked. The more care and support Russian respondents expect from a political leader, the more power they are ready to give him. This result corresponds to the idea of leadership as a two-way dependence between a leader and his supporters. In such a case every

party contributes and expects a similar reaction from their partner.

At the same time, the expectation of support and care from a political leader is stronger than the readiness to give him power. Presumably, this happens because in this particular case only one aspect of power is considered – the one concerning breaking the law and limiting individuals’ rights. Because a political leader already has sufficient legal power, giving him the power to break the law might have appeared to the participants to be a step too far. However, we think that the balance between the expectation of support and care and the readiness to give him power depends on the participants’ political views and the recent events in a country.

However, the image of the perfect political leader depended on national identification. The stronger the study

participants identified with their country, the more support they expected from the political leader and the more power they were ready to give him. Presumably, this happens because people with a stronger national identification are more supportive of the perfect image of the political leader, as opposed to people with a weak national identification. A political leader who cares for certain citizens and punishes others conforms to the widespread idea of the “father of the nation”.

National identification, in turn, depends on just world belief. The stronger respondents believed in a just world, the higher their national identification. However, various components of just world belief have different influence. At first glance, these results conform to the results of other studies, which have shown that belief in a just world for one’s self, and for others leads to different consequences. The differences that became apparent in this study turned out to be surprising.

In particular, previous studies have shown, that the more a person believes that the world is just towards him, the less he tends to dwell on injustice and tends to be less impulsive in his reactions, more likely to forgive offenders and less likely to pursue revenge. The more a person believes that the world is just towards others, the more he tends to dwell on the injustice committed towards him, the more impulsive his reactions are, the less likely he is to forgive offenders, and the more likely to pursue revenge (Lucas, Young, Zhdanova, & Alexander, 2010; Strelan & McKee, 2014; Strelan & Sutton, 2011). As such, we expected that people who believe that the world is just towards them, would have a stronger

national identification, as compared to people who believe the world is just towards others.

However, this study has shown, that the main predictor of Russian national identity is the belief that the world is just towards others. Presumably, this is caused by the fact that a person who believes that the world is just towards him can explain this through his own characteristics, and not these of others. At the same time, belief in justice towards others is connected to the perception of justice as a widespread phenomenon. Consequently, a person who believes in the world being just towards others has more positive expectations from his membership in the national in-group.

The study has a number of limitations. Firstly, the participants were people, who actively use social networking sites and are members of online communities dedicated to psychology and/or politics. This sample is not representative of the country as a whole. To overcome this limitation, studies must be conducted on a more diverse sample.

Second, we assumed that the respondents know which concept of perfect political leader is widespread in society, however, we did not control for that parameter. Consequently, in further studies not only respondents’ personal perception of the perfect political leader should be measured, but also their perception of the way other people imagine the perfect political leader.

Third, this study is correlational in nature. This is caused by the fact that just world belief is traditionally perceived to be a relatively stable trait of a person. Consequently, the study results do not lead to the assumption of the existence of a causal link between just

world belief, national identity and the idea of the perfect political leader. To remove this limitation, experimental studies are required in which the degree of just world belief would be

varied. Such studies would allow for a more thorough research of the link between just world belief, national identity and the idea of the perfect political leader.

References

- Agadullina, E., & Lovakov, A. (2013). Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, *10*(4), 39–153.
- Barreto, M., & Ellemers, N. (2002). The impact of anonymity and group identification on progroup behavior in computer-mediated groups. *Small Group Research*, *33*, 590–610.
- Blader, S. L., & Tyler, T. R. (2009). Testing and extending the group engagement model: Linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes, and extrarole behavior. *Journal of Applied Psychology*, *94*, 445–464.
- Castano, E., Paladino, M. P., Coull, A., & Yzerbyt, V. Y. (2002). Protecting the ingroup stereotype: *Ingroup identification and the management of deviant ingroup members*. *British Journal of Social Psychology*, *41*, 365–385.
- Dalbert, C., & Filke, E. (2007). Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, *34*, 1516–1527.
- Dittmar, H., & Dickinson, J. (1993). The perceived relationship between the belief in a just world and sociopolitical ideology. *Social Justice Research*, *6*(3), 257–272.
- Edwards, M. R., & Pececi, R. (2010). Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes testing a simultaneous multifoci model. *Journal of Personnel Psychology*, *9*, 17–26.
- Epitropaki, O., & Martin, R. (2005). From ideal to real: A longitudinal study of the role of implicit leadership theories on leader–member exchanges and employee outcomes. *Journal of Applied Psychology*, *90*, 659–676.
- Furnham, A. (1995). The just world, charitable giving and attitudes to disability. *Personality and Individual Differences*, *19*(4), 577–583.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, *95*, 144–165.
- Lerner, M. J. (1980). *The belief in a just world: A fundamental delusion*. New York, NY: Plenum Press.
- Lipkus, I. M., & Bissonnette, V. L. (1996). Relationships among belief in a just world, willingness to accommodate, and marital well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *22*(10), 1043–1056.
- Lucas, T., Young, J. D., Zhdanova, L., & Alexander, S. (2010). Self and other justice beliefs, impulsivity, rumination, and forgiveness: Justice beliefs can both prevent and promote forgiveness. *Personality and Individual Differences*, *49*, 851–856.
- Martin, R., & Epitropaki, O. (2001). Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes. *Group Processes and Intergroup Relations*, *4*, 247–262.

- Nartova-Bochaver, S. K., Hohlova, A. Yu., & Podlipnyak, M. B. (2013). Belief in a just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults. *Clinical Psychology and Special Education, 3*. Retrieved from <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml>
- Neves, P., & Caetano, A. (2009). Commitment to change: contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management, 34*, 623–644.
- Otto, K., & Dalbert, C. (2005). Belief in a just world and its functions for young prisoners. *Journal of Research in Personality, 39*, 559–573.
- Platow, M. J., & Van Knippenberg, D. (2001). A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 27*, 1508–1519.
- Public Opinion Foundation. (1997). Retrieved from <http://bd.fom.ru/report/map/of19971703>
- Renger, D., & Simon, B. (2011). Social recognition as an equal: the role of equality-based respect in group life. *European Journal of Social Psychology, 41*, 501–507.
- Russian Public Opinion Research Center. (2008). Retrieved from <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9488>
- Russian Public Opinion Research Center. (2012). Retrieved from <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11278>
- Simon, B., & Sturmer, S. (2003). Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin, 29*, 183–193.
- Steffens, N. K., Haslam, S. A., & Reicher, S. D. (2014). Up close and personal: Evidence that shared social identity is a basis for the “special” relationship that binds followers to leaders. *The Leadership Quarterly, 25*, 296–313.
- Strelan, P., & McKee, I. (2014). Inclusive justice beliefs and forgiveness: Commonality through self-transcending values. *Personality and Individual Differences, 68*, 87–92.
- Strelan, P., & Sutton, R. M. (2011). When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness. *Personality and Individual Differences, 50*, 163–168.
- Tse, H. H. M., Ashkanasy, N. M., & Dasborough, M. T. (2012). Relative leader-member exchange, negative affectivity and social identification: A moderated-mediation examination. *The Leadership Quarterly, 23*, 354–366.
- Tyler, T. R. (2009). Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule-following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology, 61*, 32–39.
- Zuckerman, M., & Gerbasi, K. C. (1977). Belief in a just world and trust. *Journal of Research in Personality, 11*, 306–317.

Appendix 1

Perfect political image scale

The expectation of support and care from the political leader.

- The responsibility for citizens' economic well-being:
 1. Political leaders of the country should care about the economic well-being of the citizens.
 2. Political leaders of the country should make sure that every citizen has certain social guarantees.
 3. Political leaders of the country should guarantee a high level of income for every citizen.
 4. Political leaders of the country should guarantee a decent income for every citizen.

- The protection of citizens:
 5. Political leaders of the country should protect the citizens.
 6. Political leaders of the country should prevent the damage that the actions of particular citizens might do to the society in general.
 7. To prevent anarchy, people in charge of government political leaders of the country should keep a close eye on everything that is happening in the country.
 8. Political leaders of the country should minimize the damage from social conflicts, which can negatively impact the situation in the country.

- The control of the situation:
 9. Political leaders of the country should have a clear picture of what is going on in the country.
 10. Political leaders of the country should fully control what is going on in the country.
 11. Political leaders of the country should have a clear idea of what must be done in order to improve the situation in the country.
 12. The situation in the country depends primarily on political leaders of the country.

The readiness to give power to the political leader.

- The license to break law:
 13. In certain cases, political leaders of the country should be allowed to break the law.
 14. Political leaders of the country have the right to break the law if it benefits the country.
 15. In certain cases political leaders of the country may not be held accountable for breaking the law.
 16. In certain cases political leaders of the country have the right to go beyond their authority.

- The license to limit rights:
 17. In certain cases the rights and liberties of citizens may be limited in the interests of national security.
 18. The rights of certain citizens may be limited if they go against the national interests.
 19. Political leaders of the country can restrict the rights of individuals who pose a threat to the country.
 20. The national interests should be above the interests of individual citizens.

Связь веры в справедливый мир и образа идеального политического лидера: роль национальной идентичности

Гулевич Ольга Александровна

Профессор департамента психологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной и поведенческой экономики НИУ ВШЭ,
доктор психологических наук
Контакты: goulevitch@mail.ru

Сариева Ирена Ремаевна

Преподаватель департамента психологии НИУ ВШЭ
Контакты: iren.sarieva@gmail.com

Резюме

Политические лидеры нуждаются в поддержке граждан. Согласно теории категоризации лидеров, люди больше поддерживают лидеров, которые соответствуют прототипу – представлению о том, каким должен быть настоящий лидер. В данном исследовании была рассмотрена связь между верой в справедливый мир, национальной российской идентичностью и представлением об идеальном политическом лидере. Мы предположили, что чем больше люди верят в справедливый мир, тем сильнее их национальная идентификация. Чем больше они идентифицируются с Россией, тем большей поддержки они ожидают от политического лидера и тем больше власти ему предоставляют. В исследовании приняли участие члены психологических и политических сообществ в российских социальных сетях ($N = 294$). Они заполняли онлайн-версию опросника, которая включала в себя шкалы для измерения веры в справедливый мир, национальной российской идентификации и представлений об идеальном политическом лидере. Для проверки гипотез использовалось моделирование структурными уравнениями. Результаты исследования подтвердили выдвинутые гипотезы. В то же время они продемонстрировали, что вера в справедливость мира по отношению к другим людям играет большую роль, чем вера в справедливость мира по отношению к себе.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, национальная идентичность, политический лидер.

ВЛИЯНИЕ СТРАХА СМЕРТИ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ПОЛИТИКЕ

И.С. ПРУСОВА

Прусова Ирина Сергеевна – студентка департамента психологии НИУ ВШЭ.

Контакты: itirik@mail.ru

Резюме

Психологические исследования показывают, что размышления о смерти вызывают у людей страх. Согласно теории управления страхом смерти, чтобы справиться со страхом, они используют психологическую защиту: стремятся подтвердить правильность своего представления о мире. Благодаря этому напоминание о смерти оказывает влияние на atti-туды к политическим лидерам. В данном исследовании рассматривается воздействие раз-мышлений о смерти на представление об идеальном политическом лидере. Участники исследования (N = 153) были разделены на экспериментальную и две контрольные груп-пы. Члены экспериментальной группы смотрели видеозапись с последствиями террори-стических актов (напоминание о смерти); члены первой контрольной группы – видеоза-пись с процессом лечения зубов в кабинете стоматолога (напоминание о боли), а члены второй контрольной группы – видеозапись с рекламой советских автомобилей (нейтраль-ный сюжет). После этого все респонденты заполняли методику для измерения представле-ний об идеальном политике. Она включала в себя восемь 5-балльных биполярных шкал, которые отражали параметры «забота» о последователях и «контроль» за ними. Результаты исследования показали, что в целом респонденты воспринимали идеального политика как склонного к заботе и контролю. Напоминание о смерти оказывало влияние на оценку идеального политика по параметру «забота»: участники, которые просматривали видеофрагменты с последствиями террористических актов, воспринимали идеального политика как менее «заботливого», чем те, кому не напоминали о смерти. В то же время оно не оказывало влияния на оценку политика по параметру «контроль».

Ключевые слова: теория управления страхом смерти, страх смерти, политический лидер.

Теория управления страхом смер-ти (Terror Management Theory) берет свое начало в работах культурного антрополога Эрнеста Беккера. Он

полагал, что, подобно всем живым существам, люди обладают инстинк-том самосохранения. Вместе с тем в ходе эволюции, благодаря развитию

интеллекта, они осознали свою смертность. Противоречие между желанием жить и неизбежностью смерти порождает у людей парализующий страх. Чтобы справиться с этим страхом, они используют психологические защиты, позволяющие примириться со смертью.

Современный вариант теории управления страхом смерти был предложен С. Соломоном, Дж. Гринбергом, и Т. Пыщинским (Solomon, Greenberg, Pyszczynski, 1991). Согласно теории, эти психологические защиты можно разделить на проксимальные (первичные) и дистальные (вторичные) (Arndt et al., 1997a; Arndt et al., 1997b; Greenberg et al., 2000; Pyszczynski, Greenberg, Solomon, 1999). Сталкиваясь со стимулами, вызывающими мысли о смерти, человек использует проксимальную защиту: отрицает смерть и подавляет мысли о ней. Проксимальная защита уменьшает первоначальный страх и приводит в действие дистальные механизмы.

Дистальная защита берет свое начало в культурных нормах и ценностях. В рамках каждой культуры существует определенное представление о мире — культурно-специфическая концепция реальности. Эта концепция позволяет людям видеть мир упорядоченным и контролируемым, придает смысл человеческому существованию, предлагает пути для достижения символического бессмертия. Возникающая в недрах культуры психологическая защита включает в себя два компонента: а) веру человека в валидность культурно-специфической концепции реальности, а также б) убеждение в том, что его поведение соответствует

распространенным в культуре нормам и ценностям. Напоминание о смерти вызывает у человека желание подтвердить ту концепцию реальности, в которую он верит, и продемонстрировать, что его поведение соответствует заложенным в ней нормам и ценностям. Поэтому напоминание о смерти приводит к ряду последствий.

С одной стороны, люди, которым напоминают о смерти, дают более высокую оценку единомышленникам и очерняют инакомыслящих (Greenberg et al., 1990; McGregor et al., 1998). Подобные предпочтения ярко проявляются в отношении к политическим лидерам. Так, люди, которым напоминают о смерти, дают более высокую оценку тем политикам, чьи взгляды совпадают с их собственными, и более низкую оценку — политическим оппонентам (Burke et al., 2013; Cohen, Solomon, 2011; Vail et al., 2009).

С другой стороны, люди, размышляющие о смерти, стремятся подчеркнуть свою принадлежность к социальной группе. В частности, они чаще идентифицируются с важными для них группами; больше помогают членам ингруппы; сильнее поддерживают важные для них нормы и ценности; придают большее значение социальному консенсусу; сильнее наказывают членов ингруппы, которые нарушают эти нормы (Greenberg et al., 1994; Jonas et al., 2002; Herrera, Sani, 2013).

Эта закономерность также проявляется при оценке политических лидеров. Размышление о смерти усиливает привлекательность политических деятелей, которые позволяют человеку ощутить себя частью группы,

снимают с них индивидуальную ответственность, предлагают свои варианты действий (Cohen et al., 2004; Kosloff et al., 2010; Landau et al., 2004). В частности, после напоминания о смерти люди выше оценивают харизматичного политика, который дает высокую оценку ингруппе, выражает надежду на помощь последователей в достижении поставленных им целей, делает акцент на достижении общего видения и формировании групповой идентичности. В то же время они ниже оценивают политика, ориентированного на отношения, который подчеркивает индивидуальность последователей, выражает готовность прислушаться к их мнению, побуждает их активно участвовать в жизни страны (Kosloff et al., 2010).

Основное ограничение этих исследований связано с тем, что в них изучается отношение к конкретным политическим деятелям. В то же время, согласно модели категоризации лидера (Leader Categorization Theory) (Epitropaki, Martin, 2005), у людей существует представление о том, каким должен быть настоящий лидер, так называемый прототип лидера. Оценивая реального человека, они сравнивают его с прототипом и в зависимости от результата воспринимают или не воспринимают его как лидера, дают ему позитивную или негативную оценку.

В данном исследовании рассматривалось влияние мыслей о смерти на представление об идеальном политическом лидере. Опираясь на результаты проведенных исследований, мы предположили, что напоминание о смерти оказывает влияние на оценку идеального лидера по двум

основаниям: «забота» и «контроль». В частности, люди, которым напоминают о смерти, воспринимают идеального политического лидера как меньше склонного к заботе (гипотеза 1а) и больше — к контролю за поведением последователей (гипотеза 1б), чем люди, которым не напоминали о ней.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 154 человека — по большей части студенты и преподаватели НИУ ВШЭ: 57 мужчин, 97 женщин, от 18 до 55 лет ($M = 32$; $SD = 12$).

Методики и процедура исследования. Исследование носило экспериментальный характер. Для *актуализации размышлений о смерти* была использована процедура, предложенная Дж. Гринбергом (Greenberg et al., 1994). Все участники были случайным образом распределены на три группы: экспериментальную (напоминание о смерти) и две контрольных (напоминание о боли и нейтральное условие). Они смотрели видеозаписи, которые длились от 11 минут 40 секунд до 11 минут 50 секунд.

- При условии напоминания о смерти участники смотрели видеозапись с последствиями террористических актов. Видеозапись состояла из пяти видеофрагментов, связанных с терактами в Грозном, Каспийске, Беслане, Волгограде и Москве в период с 2002 по 2014 г. В них были изображены разрушенные машины и здания, бегущие, раненые и погибшие люди. После просмотра видеозаписи участники должны были представить себя на месте жертвы теракта, описать свои эмоции и мысли.

• При условии напоминания о боли участники смотрели видеозапись, на которой был изображен процесс лечения зубов. Съемки были сделаны с близкого расстояния, поэтому респонденты могли видеть все подробности этого процесса. После просмотра видеозаписи участники должны были представить себя на месте пациента стоматологической клиники, описать свои эмоции и мысли.

• В нейтральном условии респонденты смотрели видеозапись, на которой были изображены советские автомобили 1970-х гг. – «Москвич», «Нива», «Запорожец», «Чайка» и ЗИС-142. Поскольку в эксперименте принимали участие молодые люди, ожидалось, что эта тема не вызовет у них эмоционального отклика. После просмотра видеозаписи участники должны были представить себя на месте водителя такой машины, описать свои эмоции и мысли.

Вслед за этим респонденты заполняли *методику для контроля экспериментального воздействия*: оценивали свое эмоциональное состояние и мысли о смерти. Для оценки эмоционального состояния использовалась русскоязычная версия методики PANAS (Crawford, Henry, 2004; Осин, 2012). Она включала в себя 20 униполярных шкал, отражающих позитивные и негативные эмоции. С помощью этих шкал участник должен был оценить свое эмоциональное состояние после просмотра видеофрагмента по 5-балльной шкале от 1 – «совсем нет» до 5 – «очень сильно». При анализе результатов подсчитывались индексы позитивных и негативных эмоций.

Однако для контроля экспериментального воздействия использовался индекс негативных эмоций.

Для измерения *актуализации мыслей о смерти* была взята методика Дж. Гринберга (Greenberg et al., 2000), адаптированная для российской выборки автором исследования. Методика состояла из 10 слов, в которых были пропущены буквы. Участник должен был заполнить пропуски в словах таким образом, чтобы получилось существительное. В методику входило пять нейтральных слов и пять критических слов. Нейтральные слова («игра», «мама», «крик», «помада», «град») можно было заполнить только одним способом. Критические слова можно было заполнить разным образом: «гроб – гриб», «морг – море», «труп – трап», «прах – крах», «гибель – кисель». При обработке методики учитывалось количество критических слов, при завершении которых респондент выбрал варианты, связанные со смертью (Silvia, 2001).

После этого респонденты выполняли *постороннее задание*. Это делалось для того, чтобы перевести информацию о смерти в категорию неосознаваемой и таким образом дать респондентам возможность использовать дистальную защиту (Greenberg et al., 2000). В качестве постороннего задания были использованы четыре ребуса, в которых были зашифрованы русские поговорки. На решение ребусов отводилось 10 минут.

В конце эксперимента респонденты заполняли *опросник для измерения представления об идеальном политическом лидере*. Он включал в себя восемь 5-балльных биполярных

шкал. Они были отобраны на основании пилотажного исследования. Четыре шкалы отражали оценку идеального политика по параметру заботы: чуткий — бесчувственный, дружелюбный — враждебный, терпимый — нетерпимый, вдохновляющий — подавляющий ($\alpha = 0.70$). Четыре шкалы отражали оценку по параметру контроля: строгий — милосердный, требовательный — снисходительный, ограничивающий — разрешающий, контролирующий — дающий свободу ($\alpha = 0.70$). Шкалы, отражающие разные параметры отношения, шли вперемешку. При обработке результатов вычислялось два показателя. Первый показатель отражал оценку идеального политика по параметру «забота», а второй — «контроль».

Описание результатов

Контроль экспериментального воздействия. Обработка результатов исследования проводилась с помощью статистического пакета SPSS 20.0. Результаты исследования показали, что экспериментальное воздействие оказало необходимое влияние. Так, участники в условиях страха смерти и страха боли испытывали более сильные негативные эмоции, чем участники из нейтральной группы ($M_{\text{страх смерти}} = 2.48$; $M_{\text{страх боли}} = 2.20$; $M_{\text{нейтральное}} = 1.49$; $N = 43.60^{***}$). Кроме того, участники в условиях страха смерти чаще предлагали варианты слов, связанные со смертью, чем респонденты из двух других групп ($M_{\text{страх смерти}} = 3.15$; $M_{\text{страх боли}} = 2.40$; $M_{\text{нейтральное}} = 1.98$; $N = 71.90^{***}$). Таким образом, экспериментальное воздействие вызывало необходимое сочета-

ние негативных эмоций и мыслей о смерти.

Влияние размышлений о смерти на представление об идеальном политике. Результаты исследования показали, что в целом респонденты воспринимали идеального политика как склонного к заботе ($M = 3.90$; $SD = 0.74$) и контролю ($M = 3.60$; $SD = 0.71$). При этом оценки политического лидера по этим параметрам были позитивно связаны между собой (0.34 ; $p \leq 0.01$).

Для проверки гипотез был использован однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Результаты исследования показали, что страх смерти оказывает влияние на представление об идеальном политике. Респонденты, у которых был актуализирован страх смерти, оценивали идеального политика ниже по параметру «забота», чем респонденты из контрольных групп. В то же время страх смерти не оказывал влияния на предпочтение контролирующего политика (см. таблицу 1). Эти результаты подтверждают гипотезу 1а, но опровергают гипотезу 1б.

Обсуждение результатов

В этом исследовании было рассмотрено влияние страха смерти на представление об идеальном политическом лидере. Результаты исследования показали, что прототип политического лидера включает в себя такие особенности, как забота о последователях и контроль за их поведением. Идеальный политический лидер воспринимается скорее как чуткий, дружелюбный, терпимый, вдохновляющий, но одновременно строгий, требовательный,

Таблица 1

Оценка идеального политика по параметрам «заботы» и «контроля»

Параметры оценки	Условия			F
	<i>Прайминг смерти</i>	<i>Прайминг боли</i>	<i>Нейтральный прайминг</i>	
Идеальный политик: забота	M=3.58 SD=0.53	M=3.98 SD=0.80	M=4.15 SD=0.75	8.4***
Идеальный политик: контроль	M=3.63 SD=0.61	M=3.53 SD=0.78	M=3.64 SD=0.73	0.8

*** $p \leq 0.001$.

ограничивающий и контролирующий. В целом эти результаты соответствуют результатам других исследований, продемонстрировавших, что российские респонденты ожидают от идеального политика заботы об экономическом благосостоянии граждан, их безопасности и контроля за происходящим (Gulevich, Sarieva, 2015). Прототип «заботливого» и «контролирующего» политика соответствует распространенному в России образу «отца нации» (Public Opinion Foundation, 1997; Russian Public Opinion Research Center, 2008, 2012). Однако стоит отметить, что ожидание заботы превышает ожидание контроля. Этот результат может быть связан со спецификой выборки, основу которой составили студенты и преподаватели Высшей школы экономики.

В то же время выяснилось, что прототип политического лидера изменяется под воздействием ситуации. Так, люди, которым напоминали о смерти, воспринимали идеального политического лидера как менее заботливого, чем остальные участники. Эти результаты соответствуют теории управления страхом смерти, согласно которой напоминание о

смерти побуждает людей искать защиту в недрах ингруппы. Как следствие, страх смерти увеличивает привлекательность политиков, которые апеллируют к группе в целом, но понижает привлекательность политических деятелей, апеллирующих к индивидуальности членов группы. В данном исследовании параметр «забота» отражал терпимость и уважение к последователям и, таким образом, соответствовал стилю лидерства, ориентированному на отношения (Kosloff et al., 2010).

Вместе с тем вопреки ожиданиям напоминание о смерти не оказало влияния на оценку идеального политика по параметру «контроль». Вероятно, это произошло из-за восприятия «двойственности» контролирующего политика. С одной стороны, политик, который контролирует происходящее, может защитить ингруппу от внешней опасности. С другой стороны, его активность может представлять опасность для членов ингруппы: они могут стать «мишенью» для ограничений и наказаний. Размышления о смерти повышают привлекательность политика, защищающего от внешних врагов, но понижают оценку политического

лидера, карающего «своих». Конкуренция двух представлений блокирует влияние размышлений о смерти на оценку идеального политика по параметру «контроль».

В целом полученные результаты позволяют предположить, что влияние страха смерти на оценку идеального политического лидера зависит от объекта, на который направлены его действия: на отдельных людей или группу в целом, а также на

ингруппу или аутгруппу. В частности, «заботливый» лидер гарантирует своим последователям стабильность и безопасность, если его действия затрагивают всех членов ингруппы. В то же время контролирующий лидер позволяет последователям удовлетворить потребность в безопасности, когда ограничивает и наказывает аутгруппу в целом. Это предположение планируется рассмотреть в будущих исследованиях.

Литература

- Осин, Е.Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.
- Arndt, J., Greenberg, J., Pyszczynski, T., & Solomon, S. (1997a). Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural world view. *Psychological Science*, 8, 379–385.
- Arndt, J., Greenberg, J., Solomon, S., Pyszczynski, T., & Simon, L. (1997b). Suppression, accessibility of death-related thoughts, and cultural worldview defense: Exploring the psychodynamics of terror management. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 5–18.
- Burke, B. L., Kosloff, S., & Landau, M. J. (2013). Death goes to the polls: a meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes. *Political Psychology*, 34, 183–200.
- Cohen, F., & Solomon, S. (2011). The politics of mortal terror. *Current Directions in Psychological Science*, 20, 316–320.
- Cohen, F., Solomon, S., Maxfield, M., Pyszczynski, T., & Greenberg, J. (2004). Fatal attraction. The effects of mortality salience on evaluations of charismatic, task-oriented, and relationship-oriented leaders. *Social Science*, 15, 846–851.
- Crawford, J. R., & Henry, J. D. (2004). The Positive and Negative Affect Schedule (PANAS): Construct validity, measurement properties and normative data in a large non-clinical sample. *British Journal of Clinical Psychology*, 43, 245–265.
- Епитропки, О., & Мартин, Р. (2005). From ideal to real: A longitudinal study of the role of implicit leadership theories on leader–member exchanges and employee outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 90, 659–676.
- Greenberg, J., Arndt, J., Simon, L., Pyszczynski, T., & Solomon, S. (2000). Proximal and distal defenses in response to reminders of one's mortality: Evidence of a temporal sequence. *Personality Social Psychology Bulletin*, 26, 91–99.
- Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Rosenblatt, A., Veeder, M., Kirkland, S., & Lyon, D. (1990). Evidence for terror management theory II: the effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 308–318.

- Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Simon, L., & Breus, M. (1994). The role of consciousness and accessibility of death-related thoughts in mortality salience effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 627–637.
- Gulevich, O. A., Sarieva, I. R. (2015). Just world belief and the image of the perfect political leader: the role of national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 30–40.
- Herrera, M., & Sani, F. (2013). Why does ingroup identification shield people from death anxiety? The role of perceived collective continuity and group entitativity. *Social Psychology*, 44, 320–328.
- Jonas, E., Schimel, J., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (2002). The Scrooge effect: evidence that mortality salience increases prosocial attitudes and behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28, 1342–1353.
- Kosloff, S., Greenberg, J., Weise, D., & Solomon, S. (2010). The effects of mortality salience on political preferences: The roles of charisma and political orientation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 46, 139–145.
- Landau, M.J., Solomon, S., Greenberg, J., Cohen, F., Pyszczynski, T., Arndt, J., Cook, A. (2004). Deliver us from evil: the effects of mortality salience and reminders of 9/11 on support for President George W. Bush. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30, 1136–1150.
- McGregor, H.A., Lieberman, J.D., Greenberg, J., Solomon, S., Arndt, J., Simon, L., & Pyszczynski, T. (1998). Terror management and aggression: Evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 590–605.
- Public Opinion Foundation (1997). Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of19971703>
- Pyszczynski, T., Greenberg, J., & Solomon, S. (1999). A dual-process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory. *Psychological Review*, 106, 835–845.
- Russian Public Opinion Research Center (2008). Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9488>
- Russian Public Opinion Research Center (2012). Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11278>
- Silvia, P. J. (2001). Nothing or the opposite: Intersecting terror management and objective self awareness. *European Journal of Personality*, 15, 73–82.
- Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (1991). A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural world-views. In M. E. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 23, pp. 91–159). San Diego, CA: Academic Press.
- Vail, I. K.E., Arndt, J., Motyl, M., & Pyszczynski, T. (2009). Compassionate values and presidential politics: Mortality salience, compassionate values, and support for Barack Obama and John McCain in the 2008 Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 9, 255–268.

Influence of the Fear of Death on the Notion of Ideal Politician

Irina S. Prusova

Student, School of Psychology, HSE.

E-mail: itirik@mail.ru

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Psychological research shows that thoughts of death provoke fear in people. According to terror management theory, to master the fear they use psychological defense – they seek to prove the righteousness of their worldviews. Thanks to that the mortality salience influences the attitudes toward political leaders. In this study the influence of death thoughts on the notions of ideal political leader is viewed. The participants of the study (N=153) were divided into one experimental and two control groups. The experimental group watched the video recording of aftermaths of terroristic attacks (mortality salience), the first control group watched the video about the process of dental care in the dentist cabinet (pain salience) and the second control group watched the advertisement of soviet cars (neutral subject). After that all respondents filled in the questionnaire for measuring the notions of ideal politician. It included eight 5-point bipolar scales, which determined the parameters of the «care» about followers and «control» for them. The results of the study showed that, in general, respondents perceived the ideal political leader as prone to the «care» and «control». Mortality salience influenced the evaluation of ideal politician on the parameter of «care»: the participants, who watched the video recording of aftermaths of terroristic attacks, evaluated ideal leader as less solicitous than people from control groups. At the same time, mortality salience did not influence the estimation of ideal politician on the parameter of «control».

Keywords: terror management theory, mortality salience, political leader.

References

- Arndt, J., Greenberg, J., Pyszczynski, T., & Solomon, S. (1997a). Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural world view. *Psychological Science*, 8, 379–385.
- Arndt, J., Greenberg, J., Solomon, S., Pyszczynski, T., & Simon, L. (1997b). Suppression, accessibility of death-related thoughts, and cultural worldview defense: Exploring the psychodynamics of terror management. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 5–18.
- Burke, B. L., Kosloff, S., & Landau, M.J. (2013). Death goes to the polls: a meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes. *Political Psychology*, 34, 183–200.
- Cohen, F., & Solomon, S. (2011). The politics of mortal terror. *Current Directions in Psychological Science*, 20, 316–320.
- Cohen, F., Solomon, S., Maxfield, M., Pyszczynski, T., & Greenberg, J. (2004). Fatal attraction. The effects of mortality salience on evaluations of charismatic, task-oriented, and relationship-oriented leaders. *Social Science*, 15, 846–851.

- Crawford, J. R., & Henry, J. D. (2004). The Positive and Negative Affect Schedule (PANAS): Construct validity, measurement properties and normative data in a large non-clinical sample. *British Journal of Clinical Psychology, 43*, 245–265.
- Epitropaki, O., & Martin, R. (2005). From ideal to real: A longitudinal study of the role of implicit leadership theories on leader–member exchanges and employee outcomes. *Journal of Applied Psychology, 90*, 659–676.
- Greenberg, J., Arndt, J., Simon, L., Pyszczynski, T. & Solomon, S. (2000). Proximal and distal defenses in response to reminders of one's mortality: Evidence of a temporal sequence. *Personality Social Psychology Bulletin, 26*, 91–99.
- Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Rosenblatt, A., Veeder, M., Kirkland, S., & Lyon, D. (1990). Evidence for terror management theory II: the effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview. *Journal of Personality and Social Psychology, 58*, 308–318.
- Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Simon, L., & Breus, M. (1994). The role of consciousness and accessibility of death-related thoughts in mortality salience effects. *Journal of Personality and Social Psychology, 67*, 627–637.
- Gulevich, O. A., & Sarieva, I. R. (2015). Just world belief and the image of the perfect political leader: the role of national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 12*(3), 30–40.
- Herrera, M., & Sani, F. (2013). Why does ingroup identification shield people from death anxiety? The role of perceived collective continuity and group entitativity. *Social Psychology, 44*, 320–328.
- Jonas, E., Schimel, J., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (2002). The Scrooge effect: evidence that mortality salience increases prosocial attitudes and behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin, 28*, 1342–1353.
- Kosloff, S., Greenberg, J., Weise, D., & Solomon, S. (2010). The effects of mortality salience on political preferences: The roles of charisma and political orientation. *Journal of Experimental Social Psychology, 46*, 139–145.
- Landau, M. J., Solomon, S., Greenberg, J., Cohen, E., Pyszczynski, T., Arndt, J., Cook, A. (2004). Deliver us from evil: the effects of mortality salience and reminders of 9/11 on support for President George W. Bush. *Personality and Social Psychology Bulletin, 30*, 1136–1150.
- McGregor, H.A., Lieberman, J.D., Greenberg, J., Solomon, S., Arndt, J., Simon, L., & Pyszczynski, T. (1998). Terror management and aggression: Evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others. *Journal of Personality and Social Psychology, 74*, 590–605.
- Osin, E. (2012). Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 9*(4), 91–110.
- Public Opinion Foundation (1997). Retrieved from: <http://bd.fom.ru/report/map/of19971703>
- Pyszczynski, T., Greenberg, J., & Solomon, S. (1999). A dual-process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory. *Psychological Review, 106*, 835–845.
- Russian Public Opinion Research Center (2008). Retrieved from: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9488>
- Russian Public Opinion Research Center (2012). Retrieved from: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11278>
- Silvia, P. J. (2001). Nothing or the opposite: Intersecting terror management and objective self awareness. *European Journal of Personality, 15*, 73–82.

- Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (1991). A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural world-views. In M. E. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 23, pp. 91–159). San Diego, CA: Academic Press.
- Vail, I. K.E., Arndt, J., Motyl, M., & Pyszczynski, T. (2009). Compassionate values and presidential politics: Mortality salience, compassionate values, and support for Barack Obama and John McCain in the 2008 Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 9, 255–268.

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОЦЕНКА ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЛА ДРУГИХ СТРАН: РОЛЬ АВТОРИТАРИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

О.А. ГУЛЕВИЧ, А.Н. НЕВРЮЕВ

Гулевич Ольга Александровна — профессор департамента психологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальной и поведенческой экономики НИУ ВШЭ, доктор психологических наук.
Контакты: goulevitch@mail.ru

Неврюев Андрей Николаевич — аспирант департамента психологии НИУ ВШЭ.

Резюме

Международные конфликты происходят на протяжении всей истории человечества и приводят к серьезным экономическим и политическим последствиям. Стремясь защитить свои интересы, руководители стран используют разные способы взаимодействия: от мирных переговоров до военных действий. В психологических исследованиях уделяется большое внимание факторам, оказывающим влияние на поддержку военного вмешательства в дела других стран как способа разрешения международных конфликтов. Однако данные исследования обладают двумя основными ограничениями. Во-первых, в них рассматриваются аттитюды к военному вмешательству своей страны (ингруппы), но не к аналогичным действиям других стран (аутгрупп). Во-вторых, в качестве основного предиктора аттитюдов к военному вмешательству изучается авторитаризм, но не национальная идентификация. В данном исследовании были рассмотрены два пути формирования аттитюдов к военному вмешательству в дела других стран. В соответствии с теорией авторитарной личности мы предположили, что вера в опасный мир предсказывает уровень авторитариз-

ма, который, в свою очередь, предсказывает отношение к военному вмешательству своей страны (ингруппы) и других стран (аутгрупп). В то же время в соответствии с теорией социальной идентичности мы предположили, что вера в добрый мир предсказывает силу национальной идентификации, которая, в свою очередь, также предсказывает attitudes к использованию военной силы для разрешения международного конфликта. В исследовании приняли участие 844 жителя России. Они заполняли онлайн-версию опросника, который включал в себя шкалы для измерения веры в опасный и добрый мир, правого авторитаризма, национальной идентификации, а также attitudes к вводу на территорию Украины войск России, ООН и НАТО. Для проверки гипотез использовались моделирование структурными уравнениями. Результаты исследования подтвердили выдвинутые гипотезы. Они показали, что чем больше россияне верили в опасный мир, тем выше был уровень авторитаризма. Чем больше они верили в добрый мир, тем выше был уровень национальной идентификации. Чем выше был уровень авторитаризма и национальной идентификации, тем больше они поддерживали введение на Украину российских войск и тем меньше — войск ООН и НАТО.

Ключевые слова: attitudes к войне, вера в добрый мир, вера в опасный мир, авторитаризм, национальная идентификация.

Международные конфликты — конфликты, в которых принимают участие несколько стран, — происходят на протяжении всей истории человечества. Однако в последнее время они приобретают все более массовый характер. Тесные экономические и политические связи между разными странами привели к формированию международных союзов, участники которых обладают общими интересами. В конфликт, который затрагивает одного из участников такого союза, вовлекаются все заинтересованные страны.

Источником международного конфликта может стать локальный конфликт, который начался внутри одной страны. В этом случае в противостояние вовлекаются государства, которые поддерживают одну из конфликтующих сторон. Яркими примерами такого рода являются события, произошедшие в Югославии, Грузии, Сирии, Украине. Украинский конфликт начался с политического протеста на Майдане, продолжился

переходом Крыма под юрисдикцию России и вооруженными столкновениями в Донецкой и Луганской областях. В результате активными участниками конфликта стали Россия, страны Евросоюза и блока НАТО.

Несмотря на то что международное противостояние ограничилось экономическими санкциями, в России на протяжении нескольких месяцев всерьез обсуждался вопрос о военной помощи русскоязычному населению областей, где шли военные действия. В результате этого обсуждения люди разделились на сторонников и противников военного вмешательства в украинский конфликт. Кульминацией этого обсуждения стали митинги, прошедшие в Москве весной 2014 г.

Возникает вопрос: какие факторы оказывают влияние на attitudes людей к военному вмешательству в дела других стран? Чтобы ответить на этот вопрос, в данном исследовании мы проанализировали взаимосвязь

социальных верований, национальной идентификации, авторитаризма и аттитюдов россиян к военному вмешательству в события, происходящие в Донецкой и Луганской областях Украины.

Психологические исследования, посвященные аттитюдам к военному вмешательству в дела других стран, активно проводятся на протяжении последних 30 лет. Они показали, что такие действия чаще одобряют люди с высоким уровнем национализма (уверенности в превосходстве своей страны над другими странами) и неконструктивного патриотизма (некритического одобрения любых действий своей страны на международной арене), но низким уровнем интернационализма и конструктивного патриотизма (например: McCleary, Nalls, Williams, 2009). Это позволило исследователям рассматривать военное вмешательство в дела других стран в рамках теорий, объясняющих возникновение межгрупповых конфликтов. Возникло два основных подхода в изучении аттитюдов к военному вмешательству.

Вера в опасный мир, авторитаризм и аттитюды к военному вмешательству. В основе первого — наиболее распространенного подхода лежит теория авторитарной личности Б. Альтмейера (Altemeyer, 1988). Ее сторонники определяют авторитаризм как совокупность аттитюдов, которая включает в себя авторитарное подчинение, конвенционализм и авторитарную агрессию. Авторитарное подчинение — это безусловное подчинение людям, которые занимают высокое положение в обществе и обладают легитимной властью; конвенционализм — привержен-

ность широко распространенным социальным нормам, которые одобряются легитимными авторитетами; авторитарная агрессия — безоговорочное отвержение людей, которые нарушают эти нормы. Таким образом, авторитаризм отражает некритическое принятие человеком норм, ценностей и действий, которые одобряются представителями существующей в обществе власти.

Источником авторитаризма является вера в опасный мир. Психологические исследования, проведенные в Северной Америке и Западной Европе, продемонстрировали, что чем более опасной человек считает окружающую действительность, тем выше уровень его авторитаризма (Duckitt et al., 2002; Federico, Hunt, Ergun, 2009; Jugert, Duckitt, 2009; Van Hiel, Cornelis, Roets, 2007). По мнению Дж. Даккита, это происходит, поскольку человек, верящий в непредсказуемость мира и опасность окружающих людей, ощущает угрозу своему образу жизни и стремится обрести защиту. Безоговорочное подчинение представителям власти создает у него ощущение безопасности. Иными словами, авторитаризм является своеобразной защитой от опасного и непредсказуемого мира. Таким образом, мы предположили, что чем больше жители России верят в опасный мир, тем более высоким уровнем авторитаризма они обладают (гипотеза 1).

Авторитаризм, в свою очередь, оказывает влияние на отношение человека к ингруппе и аутгруппе. Чем более авторитарен человек, тем выше он оценивает ингруппу (ингрупповой фаворитизм) и тем ниже — аутгруппу (аутгрупповая

дискриминация). Как следствие, тем больше он поддерживает действия, которые совершают представители ингруппы, и тем меньше — действия, которые совершают члены аутгруппы. Эта закономерность проявляется в том, как люди оценивают военное вмешательство. Психологические исследования показывают, что чем выше уровень авторитаризма человека, тем больше он поддерживает военное вмешательство своей страны в дела других стран (Bizumic et al., 2013; Crowson, 2009a, b; Lehmler, Schmitt, 2007; McCleary, Williams, 2009). Однако полученные результаты не дают представления о том, каким образом авторитаризм связан с аттитюдами к аналогичному вмешательству со стороны других стран. Основываясь на теории авторитарной личности, мы предположили, что чем выше уровень авторитаризма жителей России, тем более позитивно они оценивают введение на территорию Луганской и Донецкой областей Украины российских войск (гипотеза 2а) и тем менее позитивно — введение войск ООН (гипотеза 2б) и НАТО (гипотеза 2в).

Вера в добрый мир, социальная идентификация и аттитюды к военному вмешательству. В основе второго — менее распространенного подхода лежит теория социальной идентичности Г. Тешфела (Tajfel, Turner, 1986). Ее сторонники полагают, что любой человек обладает двумя типами идентичности — личной и социальной. Личная идентичность человека связана с осознанием своей уникальности, а социальная идентичность — с осознанием своей принадлежности к определенной социальной группе (категории). Со-

циальная идентичность включает в себя когнитивный (восприятие своего сходства с другими членами ингруппы) и аффективно-оценочный компонент (признание важности группы и позитивные эмоции по отношению к ней).

Степень идентификации человека со своей группой зависит от отношения со стороны одноклассников. Люди, получающие уважение и поддержку со стороны других членов группы, сильнее идентифицируются с ней, чем те, кто сталкивается с неуважением и отвержением. Эта закономерность проявляется как в кратковременных, созданных в ходе эксперимента (Renger, Simon, 2011; Simon, Sturmer, 2003), так и в долговременно существующих реальных группах — организациях (Blader, Tyler, 2009; Edwards, Peccei, 2010; Tse et al., 2012) и странах (Tyler, 2009). Оценивая отношение одноклассников, люди ориентируются как на их действия, так и на свои представления, сквозь призму которых они воспринимают текущую ситуацию. К их числу относится вера в добрый мир — убеждение в том, что мир добр и позитивен, а окружающие люди готовы оказать помощь (Janoff-Bulman, 1989). Эти верования накладывают отпечаток на восприятие как отдельных людей, так и группы в целом. Мы предположили, что чем больше жители России верят в добрый мир, тем выше уровень их национальной идентификации (гипотеза 3).

Социальная идентичность, в свою очередь, оказывает влияние на отношение к ингруппе и аутгруппе. Чем сильнее человек идентифицируется с ингруппой, тем более позитивно он оценивает одноклассников, тем

больше усилий он прикладывает, чтобы улучшить положение ингруппы (De Cremer, Van Vugt, 1999; Pearce, Herbik, 2004; Wegge et al., 2006), тем чаще он принимает участие в коллективной активности, направленной на защиту ее интересов (Sturmer, Simon, 2004a, b; van Zomeren, Postmes, Spears, 2008; van Zomeren, Spears, Leach, 2008), тем более негативно он оценивает членов аутгруппы — мигрантов и жителей других государств (Billiet et al., 2003; Brown et al., 2001; Doosje, Branscombe, 2003; Falomir-Pichastor, Garbarrot, Mugny, 2009). Мы предположили, что чем выше уровень идентификации граждан России, тем более позитивно они оценивают введение на территорию Луганской и Донецкой областей Украины российских войск (гипотеза 4а) и тем менее позитивно — введение войск ООН (гипотеза 4б) и НАТО (гипотеза 4в).

Таким образом, теории авторитарной личности и социальной идентичности предлагают два пути формирования аттитюдов к военному вмешательству в дела других стран. Первый путь идет от веры в опасный мир через авторитаризм (гипотезы 1 и 2), а второй — от веры в добрый мир через национальную идентификацию (гипотезы 3 и 4). Для изучения связи социальных верований, авторитаризма и национальной идентификации на аттитюды к военному вмешательству как способу разрешения международного конфликта мы провели эмпирическое исследование.

Метод

Выборка. Исследование проводилось в октябре–ноябре 2014 г.

Данные собирались с помощью электронного варианта опросника, размещенного на сайте <https://docs.google.com/>. Ссылка на этот опросник была размещена в группах в социальной сети «ВКонтакте», участники которых обсуждали военный конфликт на Украине: «Коротко о Главном/Политика», «Мне реально нравится Путин!/Политика, Россия», «Сопrotивление Новороссии», «Люди и политика». В исследовании приняли участие 844 человека, которые определили себя как жителей России. Шестьдесят процентов респондентов были мужчинами и 40% — женщинами. Возраст участников варьировался от 18 до 69 лет ($M = 32$; $SD = 12$).

Методики. Опросник включал в себя методики для измерения социальных верований, национальной идентификации, правого авторитаризма, а также отношения к вводу войск на территорию Донецкой и Луганской областей.

Вера в опасный мир. Для измерения этого параметра была использована русскоязычная версия одноименной методики Дж. Даккита (Duckitt et al., 2002; Гулевич и др., 2014). Опросник включал в себя шесть прямых и шесть обратных утверждений, отражающих общее отношение человека к миру, в котором он живет. Эти утверждения касались современного (например, «Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой», «Наш мир — это безопасное и предсказуемое место, и большинство людей не причиняют окружающим зла») и будущего (например, «Все говорит о том, что

наша жизнь в любой момент может превратиться в хаос», «Люди, думающие, что землетрясения, войны и голод означают конец света, не правы; конец света еще далек») состояния общества. При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал о вере человека в опасный мир.

Вера в добрый мир. Для измерения этого параметра была использована методика Базисных убеждений Р. Янов-Бульман (Janoff-Bulman, 1989), адаптированная для российской выборки О. Кравцовой. Методика включала в себя 32 утверждения, которые образуют три шкалы: веру в доброту мира, веру в справедливость мира и веру в позитивность Я. Респонденты должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 6 — «совершенно согласен». Участники заполняли методику целиком, однако в ходе дальнейшего анализа учитывались ответы на первую шкалу, отражающую веру в добрый мир (например, «Человек по натуре добр», «В мире больше добра, чем зла»). При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал о вере человека в добрый мир.

Авторитаризм. Для измерения этого параметра была использована русскоязычная версия опросника правого авторитаризма С. Мак-Фарланда в адаптации О.В. Митиной и А.И. Горбуновой. Оригинальный вариант методики включает в себя 30 утверждений. В ходе предвари-

тельного анализа четыре утверждения были исключены. Таким образом, окончательная версия шкалы включала в себя 26 утверждений, отражающих три параметра авторитаризма по Б. Альтмейеру: авторитарное подчинение, авторитарную агрессию и конвенционализм (например, «Те, кто не уважает правительство, государственный флаг и другую символику, — опасные люди», «Если ребенок пренебрежительно относится к общепринятым ценностям и не признаёт авторитетов, задача родителей — вернуть его на правильный путь»). Респонденты должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 6 — «совершенно согласен». При обработке результатов обратные утверждения инвертировались. Таким образом, высокий итоговый показатель свидетельствовал об авторитаризме.

Национальная идентификация. Для измерения этого параметра была использована шкала «Личный вклад» из русскоязычной версии опросника ингрупповой идентификации К. Лича (Leach et al., 2008; Агадуллина, Ловаков, 2013). Шкала включает в себя 10 утверждений, отражающих три параметра национальной идентификации: позитивные эмоции к гражданам России (например, «Я рад, что являюсь гражданином России»), солидарность с ними (например, «Я чувствую свою связь с гражданами России») и восприятие национальной идентичности как важной части Я-концепции (например, «Принадлежность к гражданам России — важная часть моего представления о себе»). Респонденты

должны были оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале от 1 — «совершенно не согласен» до 7 — «совершенно согласен». Высокий итоговый показатель свидетельствовал о высокой степени национальной идентификации.

Оценка эффективности введения войск в Донецкую и Луганскую области. Респондентов просили подумать о вооруженном конфликте, который происходит на Украине — в Донецкой и Луганской областях, а затем оценить, насколько этот конфликт позволит разрешить: (1) введение российских войск, (2) введение войск НАТО, а также (3) введение войск ООН. Респонденты оценивали эффективность введения войск по 7-балльной шкале от 1 — «абсолютно не эффективно» до 7 — «абсолютно эффективно».

Результаты

Средние значения, стандартные отклонения и корреляции между шкалами представлены в таблице 1. Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты считали введение на территорию Донецкой и Луганской областей войск ООН более эффективным, чем введение войск России и НАТО. Кроме того, в соответствии с поставленными гипотезами вера в добрый мир была позитивно связана с национальной идентификацией, вера в опасный мир — с авторитаризмом. Национальная идентификация и авторитаризм, в свою очередь, были позитивно связаны с оценкой эффективности введения российских войск и негативно — с введением войск НАТО и ООН. В то же время корреляционный анализ показал наличие

Таблица 1

Средние значения и корреляции между основными переменными исследования

Компонент	М	SD	1	2	3	4	5	6
1. Вера в опасный мир	2.97	0.64						
2. Вера в добрый мир	3.99	0.71	-0.276**					
3. Авторитаризм	3.18	1.07	0.352**	0.169**				
4. Национальная идентификация	4.47	1.67	0.164**	0.255**	0.781**			
5. Эффективность введения войск (Россия)	2.93	1.92	0.241**	0.020	0.575**	0.545**		
6. Эффективность введения войск (НАТО)	2.58	1.86	-0.170**	-0.055	-0.410**	-0.377**	-0.257**	
7. Эффективность введения войск (ООН)	3.45	1.83	-0.141**	-0.099**	-0.536**	-0.571**	-0.318**	0.538**

** $p \leq 0.001$.

позитивной связи между авторитаризмом и национальной идентификацией.

Проверка гипотез происходила с помощью структурного моделирования, проведенного в статистическом пакете MPlus 7. Для проверки гипотез 1 и 2 была создана структурная модель, которая включала в себя пять переменных: вера в опасный мир рассматривалась как предиктор, авторитаризм — как модератор, а оценка эффективности введения российских войск, войск НАТО и ООН — как зависимые переменные. В эту модель были включены корреляции между зависимыми переменными (рисунок 1).

Результаты показали, что эта модель соответствует полученным данным ($\chi^2 = 15.035$, $df = 3$, $p = 0.00$, CFI = 0.987, TLI = 0.956, RMSEA = 0.069, SRMR = 0.022, AIC = 17641.82, BIC = 17712.883). Согласно гипотезе 1, вера в опасный мир предсказывает уровень авторитаризма: чем больше человек верит в то, что мир опасен, тем менее критически он относится к власти. В соответствии с гипотезой 2 авторитаризм предсказывает atti-

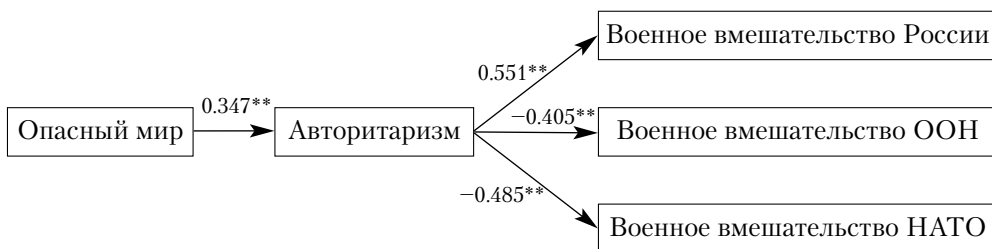
туды к военному вмешательству: чем более авторитарен человек, тем выше он оценивает эффективность введения российских войск и тем ниже — войск ООН и НАТО.

Для проверки гипотез 3 и 4 была создана структурная модель, которая также включала в себя пять переменных: вера в добрый мир рассматривалась как предиктор, национальная идентификация — как модератор, а оценка эффективности введения российских войск, войск НАТО и ООН — как зависимые переменные. В эту модель также были включены корреляции между зависимыми переменными (рисунок 2).

Результаты показали, что эта модель менее соответствует полученным данным, чем предыдущая ($\chi^2 = 25.740$, $df = 3$, $p = 0.00$, CFI = 0.973, TLI = 0.911, RMSEA = 0.095, SRMR = 0.033, AIC = 16851.805, BIC = 16922.860). Однако в соответствии с гипотезой 3 вера в добрый мир предсказывает национальную идентификацию: чем больше человек верит в то, что окружающий мир благосклонен к нему, тем сильнее он идентифицируется с гражданами России.

Рисунок 1

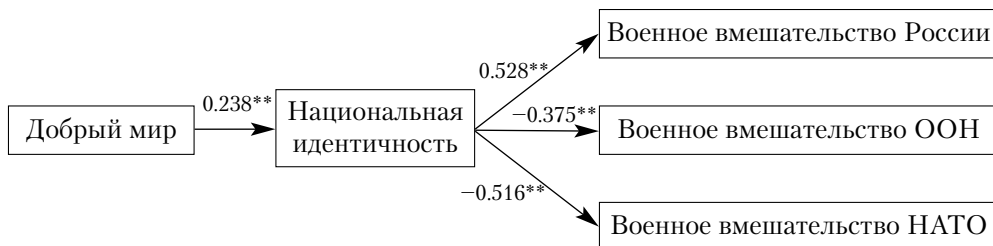
Взаимосвязь между верой в опасный мир, авторитаризмом и поддержкой военного вмешательства в украинский конфликт

** $p \leq 0.01$

Рисунок 2

Взаимосвязь между верой в добрый мир, национальной идентификацией и поддержкой военного вмешательства в украинский конфликт

** $p \leq 0.01$

Кроме того, согласно гипотезе 4, национальная идентификация предсказывает аттитуды к военному вмешательству: чем сильнее человек идентифицируется с Россией, тем выше он оценивает эффективность введения российских войск и тем ниже — войск ООН и НАТО.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании изучалась взаимосвязь между социальными верованиями, авторитаризмом, национальной идентификацией и отношением к военному вмешательству в дела других стран. Мы обнаружили, что существует два пути формирования аттитудов к военному вмешательству.

Первый путь соответствует теории авторитарной личности. Результаты нашего исследования показали, что вера в опасный мир предсказывает авторитаризм россиян. Авторитаризм, в свою очередь, предсказывает позитивные аттитуды к военному вмешательству в дела другой страны своей группы (России) и негативные аттитуды к вмешательству аутгрупп (ООН и НАТО).

В целом эти результаты соответствуют данным зарубежных исследований, которые свидетельствуют о тесной связи между авторитаризмом и межгрупповой дифференциацией (ингрупповым фаворитизмом и аутгрупповой дискриминацией). В то же время они расширяют существующее представление о связи авторитаризма с аттитудами к военному вмешательству в дела других стран.

Второй путь возникновения аттитудов к военному вмешательству соответствует теории социальной идентичности. Результаты нашего исследования показали, что вера в добрый мир усиливает национальную идентификацию россиян. Вероятно, это происходит, поскольку восприятие мира в целом накладывает отпечаток на оценку людей, с которыми человек сталкивается ежедневно. К ним, прежде всего, относятся представители больших социальных групп — этнических и национальных сообществ. При этом подобная оценка распространяется скорее на членов ингруппы, которые рассматриваются как более типичные представители человечества в целом, чем

члены аутгруппы (Haslam et al., 2008). Отношение со стороны национальной ингруппы предсказывает национальную идентификацию: чем лучше отношение к ингруппе, тем сильнее национальная идентификация.

Национальная идентификация, в свою очередь, предсказывает позитивные аттитуды к военному вмешательству своей группы (России) в дела другой страны и негативные аттитуды к вмешательству аутгрупп (ООН и НАТО). Эти результаты также соответствуют данным зарубежных исследований о связи национальной идентификации и межгрупповой дифференциации в пользу ингруппы. В то же время они восполняют пробел в изучении связи между социальной идентификацией и аттитудами к военному вмешательству в дела других стран.

Определенный интерес вызывает связь между авторитаризмом и национальной идентификацией, выявленная в ходе корреляционного анализа. Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше уровень авторитаризма, тем выше уровень национальной идентификации россиян. С одной стороны, эти результаты соответствуют данным, полученным в исследованиях с участием жителей Германии, Израиля, США и некоторых других стран (Asbrock, Fritsche, 2013; Blank, 2003; de Zavala et al., 2013; Nickerson, Louis, 2008; Pehrson et al., 2011). С другой стороны, подобная связь не обнаруживается в исследованиях, проведенных с участием австралийцев и новозеландцев (Sibley et al., 2006). Это вызывает вопрос об условиях существования этой связи.

Не менее спорным является и направление связи между авторитаризмом и национальной идентификацией. Некоторые исследователи полагают, что уровень авторитаризма является предиктором национальной идентификации (Blank, 2003). Это предположение связано с восприятием авторитаризма как относительно стабильной характеристики человека, а национальной идентичности — как относительно нестабильной особенности. В то же время результаты некоторых исследований позволяют предположить, что национальная идентичность может предсказывать уровень авторитаризма. Они показывают, что люди с сильной ингрупповой идентификацией демонстрируют более позитивное отношение к лидеру группы, особенно если он соответствует групповому прототипу (Barreto, Ellemers, 2002; Martin, Epitropaki, 2001; Neves, Caetano, 2009; Platow, Van Knippenberg, 2001; Steffens et al., 2014).

Эти результаты свидетельствуют о том, что выраженность и направление связи между авторитаризмом и национальной идентичностью обладает культурной спецификой. Вероятно, эта связь больше выражена у жителей стран, социальная идентичность которых включает в себя такой параметр, как послушание власти и следование традиционным нормам. В таких странах существует взаимосвязь между двумя путями возникновения аттитудов к военному вмешательству в дела других стран. Однако для изучения взаимосвязи между этими путями необходимы дополнительные исследования.

Литература

- Агадуллина, Е. Р., Ловаков, А. В. (2013). Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 39–153.
- Гулевич, О. А., Аникеенок, О. А., Безменова, И. К. (2014). Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 68–89.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- Asbrock, F., & Fritsche, I. (2013). Authoritarian reactions to terrorist threat: Who is being threatened, the me or the we? *International Journal of Psychology*, 48(1), 35–49.
- Barreto, M., & Ellemers, N. (2002). The impact of anonymity and group identification on progroup behavior in computer-mediated groups. *Small Group Research*, 33, 590–610.
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: a replication. *Political Psychology*, 24, 241–257.
- Bizumic, B., Stubager, R., Mellon, S., Van der Linden, N., Iyer, R., & Jones, B. M. (2013). On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 34, 673–693.
- Blader, S. L. & Tyler, T. R. (2009). Testing & extending the group engagement model: linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes and extra role behavior. *Journal of Applied Psychology*, 94, 445–464.
- Blank, T. (2003). Determinants of national identity in East and West Germany: an empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem. *Political Psychology*, 24, 259–288.
- Brown, R., Maras, P., Masser, B., Vivian, J., & Hewstone, M. (2001). Life on the ocean wave: testing some intergroup hypotheses in a naturalistic setting. *Group Processes and Intergroup Relations*, 4, 81–97.
- Crowson, H. M. (2009a). Nationalism, internationalism, and perceived un relevance: Mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror. *Journal of Applied Social Psychology*, 39, 1137–1162.
- Crowson, H. M. (2009b). Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology*, 40, 93–103.
- De Cremer, C., & Van Vugt, M. (1999). Collective identity and cooperation in a public good dilemma: a matter of trust or self-efficacy? *Current Research in Social Psychology*, 3(1), 1–11.
- de Zavala, A. G., Cichocka, A., & Iskra-Golec, I. (2013). Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104, 1019–1039.
- Doosje, B., & Branscombe, N. R. (2003). Attributions for the negative historical actions of a group. *European Journal of Social Psychology*, 33, 235–248.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93.
- Edwards, M. R., & Peccei, R. (2010). Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes. Testing a simultaneous multifoci model. *Journal of Personnel Psychology*, 9, 17–26.
- Falomir-Pichastor, J.M., Gabarrot, F., & Mugny, G. (2009). Group motives in threatening contexts: When a loyalty conflict paradoxically reduces the influence of an anti-discrimination ingroup norm. *European Journal of Social Psychology*, 39, 196–206.

- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*, 259–279.
- Haslam, N., Loughnan, S., Kashima, Y., & Bain, P. (2008). Attributing and denying humanness to others. *European Review of Social Psychology, 19*, 55–85.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition, 7*, 113–136.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*, 693–719.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology, 95*, 144–165.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*, 704–724.
- Martin, R., & Epitropaki, O. (2001). Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes. *Group Processes and Intergroup Relations, 4*, 247–262.
- McCleary, D. F., Nalls, M. L., Williams, R. L. (2009). Types of patriotism as primary predictors of continuing support for the Iraq war. *Journal of Political and Military Sociology, 37*, 77–94.
- McCleary, D. F., & Williams, R. L. (2009). Sociopolitical and personality correlates of militarism in democratic societies. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 15*, 161–187.
- Neves, P., & Caetano, A. (2009). Commitment to change: contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management, 34*, 623–644.
- Nickerson, A. M., & Louis, W. R. (2008). Nationality versus humanity? Personality, identity, and norms in relation to attitudes toward asylum seekers. *Journal of Applied Social Psychology, 38*, 796–817.
- Pearce, C. L., & Herbig, P. A. (2004). Citizenship behavior at the team level of analysis: The effects of team leadership, team commitment, perceived team support, and team size. *The Journal of Social Psychology, 144*, 293–310.
- Pehrson, S., González, R., & Brown, R. (2011). Indigenous rights in Chile: National identity and majority group support for multicultural policies. *Political Psychology, 32*, 667–690.
- Platow, M. J., & Van Knippenberg, D. (2001). A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness. *Personality and Social Psychology Bulletin, 27*, 1508–1519.
- Renger, D., & Simon, B. (2011). Social recognition as an equal: The role of equality-based respect in group life. *European Journal of Social Psychology, 41*, 501–507.
- Sibley, C. G., Robertson, A., & Wilson, M. S. (2006). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: additive and interactive effects. *Political Psychology, 27*, 755–768.
- Simon, B., & Sturmer, S. (2003). Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin, 29*, 183–193.
- Steffens, N. K., Haslam, S. A., & Reicher, S. D. (2014). Up close and personal: Evidence that shared social identity is a basis for the “special” relationship that binds followers to leaders. *The Leadership Quarterly, 25*, 296–313.

- Sturmer, S., & Simon, B. (2004a). Collective action: towards a dual-pathway model. *European Review of Social Psychology, 15*, 59–99.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004b). The role of collective identification in social movement participation: a panel study in the context of the German gay movement. *Personality and Social Psychology Bulletin, 30*, 263–277.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Chicago: Nelson-Hall.
- Tse, H. H. M., Ashkanasy, N. M., & Dasborough, M. T. (2012). Relative leader-member exchange, negative affectivity and social identification: A moderated-mediation examination. *The Leadership Quarterly, 23*, 354–366.
- Tyler, T. R. (2009). Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology, 61*, 32–39.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality, 21*, 131–148.
- van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin, 134*, 504–535.
- van Zomeren, M., Spears, R., & Leach, C. W. (2008). Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? *British Journal of Social Psychology, 47*, 353–372.
- Wegge, J., Van Dick, R., Fisher, G. K., Wecking, C., & Moltzen, K. (2006). Work motivation, organizational identification, and well-being in call centre work. *Work and Stress, 20*, 60–83.

Social Beliefs and Evaluation of Military Intervention in Other Countries Affairs: The Role of Authoritarianism and National Identification

Olga A. Gulevich

Professor, School of Psychology HSE, Leading Research Fellow, Laboratory for Experimental and Behavioural Economics HSE, Dr.Sc.
E-mail: ogulevich@hse.ru

Andrey N. Nevruv

Ph.D. student, School of Psychology HSE
E-mail: a.n.nevruv@mail.ru

Address: 20 Myasnickaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

International conflicts take place throughout the course of human history and result in serious economic and political aftermaths. Seeking to protect their interests, countries-participants use various methods of interaction: from peace negotiations to military actions. In psychological studies great attention is paid to factors that influence the support for military intervention in

other countries affairs as means of international conflicts resolution. But the data of the research have two main limitations. Firstly, they consider attitudes toward military intervention of one's own country (in-group), but not to the analogical activity of other countries (out-groups). Secondly, as the main predictor of the attitudes toward military intervention authoritarianism is studied, but not national identification. In this research two ways of formation of attitudes toward military intervention in other countries affairs were studied. According to the theory of authoritative personality we hypothesized that belief in dangerous world would predict the level of authoritarianism, which, in its turn, would predict the attitude toward military intervention of own country (in-group) and other countries (out-groups). In the same time, according to the theory of social identity we hypothesized that benevolence of the world beliefs predict the strength of national identification, which, in its turn, also predicts attitudes toward the use of military power for the resolution of international conflict. 844 Russian residents took part in the survey. They filled the on-line version of the questionnaire, which included scales of measuring the dangerous and benevolent world beliefs, right authoritarianism, national identification and attitudes toward introduction of Russian, United Nations and NATO troops in the territory of Ukraine. To test the hypotheses we used Structural Equations Modeling. It showed that the more Russians believed in the dangerous world, the higher was the level of authoritarianism. The more they believed in benevolent world, the higher was the level of national identification. The higher were the levels of authoritarianism and national identification, the more they supported the introduction of Russian troops in Ukraine and the less they supported the introduction of UN and NATO troops.

Keywords: military attitudes, Dangerous World Beliefs, Benevolence of the World Beliefs, authoritarianism, national identification.

References

- Agadullina, E. & Lovakov, A. (2013). Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 39–153.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- Asbrock, F., & Fritsche, I. (2013). Authoritarian reactions to terrorist threat: Who is being threatened, the me or the we? *International Journal of Psychology*, 48(1), 35–49.
- Barreto, M., & Ellemers, N. (2002). The impact of anonymity and group identification on progroup behavior in computer-mediated groups. *Small Group Research*, 33, 590–610.
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: a replication. *Political Psychology*, 24, 241–257.
- Bizumic, B., Stubager, R., Mellon, S., Van der Linden, N., Iyer, R., & Jones, B. M. (2013). On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 34, 673–693.
- Blader, S. L. & Tyler, T. R. (2009). Testing & extending the group engagement model: linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes and extra role behavior. *Journal of Applied Psychology*, 94, 445–464.

- Blank, T. (2003). Determinants of national identity in East and West Germany: an empirical comparison of theories on the significance of authoritarianism, anomie, and general self-esteem. *Political Psychology, 24*, 259–288.
- Brown, R., Maras, P., Masser, B., Vivian, J., & Hewstone, M. (2001). Life on the ocean wave: testing some intergroup hypotheses in a naturalistic setting. *Group Processes and Intergroup Relations, 4*, 81–97.
- Crowson, H. M. (2009a). Nationalism, internationalism, and perceived un relevance: Mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror. *Journal of Applied Social Psychology, 39*, 1137–1162.
- Crowson, H. M. (2009b). Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology, 40*, 93–103.
- De Cremer, C., & Van Vugt, M. (1999). Collective identity and cooperation in a public good dilemma: a matter of trust or self-efficacy? *Current Research in Social Psychology, 3*(1), 1–11.
- de Zavala, A. G., Cichocka, A., & Iskra-Golec, I. (2013). Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology, 104*, 1019–1039.
- Doosje, B., & Branscombe, N. R. (2003). Attributions for the negative historical actions of a group. *European Journal of Social Psychology, 33*, 235–248.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology, 83*(1), 75–93.
- Edwards, M. R., & Pececi, R. (2010). Perceived organizational support, organizational identification, and employee outcomes. Testing a simultaneous multifoci model. *Journal of Personnel Psychology, 9*, 17–26.
- Falimir-Pichastor, J.M., Gabarrot, F., & Mugny, G. (2009). Group motives in threatening contexts: When a loyalty conflict paradoxically reduces the influence of an anti-discrimination ingroup norm. *European Journal of Social Psychology, 39*, 196–206.
- Federico, C. M., Hunt, C. V., & Ergun, D. (2009). Political expertise, social worldviews, and ideology: translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality. *Social Justice Research, 22*, 259–279.
- Gulevich, O., Anikeenok, O., & Bezmenova, I. (2014). Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt’s scales. *Psychology Journal of the Higher School of Economics, 11*(2), 68–89.
- Haslam, N., Loughnan, S., Kashima, Y., & Bain, P. (2008). Attributing and denying humanness to others. *European Review of Social Psychology, 19*, 55–85.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition, 7*, 113–136.
- Jugert, P., & Duckitt, J. (2009). A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology, 30*, 693–719.
- Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebl, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology, 95*, 144–165.
- Lehmiller, J. J., & Schmitt, M. T. (2007). Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *European Journal of Social Psychology, 37*, 704–724.

- Martin, R., & Epitropaki, O. (2001). Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes. *Group Processes and Intergroup Relations*, 4, 247–262.
- McCleary, D. F., Nalls, M. L., & Williams, R. L. (2009). Types of patriotism as primary predictors of continuing support for the Iraq war. *Journal of Political and Military Sociology*, 37, 77–94.
- McCleary, D. F., & Williams, R. L. (2009). Sociopolitical and personality correlates of militarism in democratic societies. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 15, 161–187.
- Neves, P., & Caetano, A. (2009). Commitment to change: contributions to trust in the supervisor and work outcomes. *Group and Organization Management*, 34, 623–644.
- Nickerson, A. M., & Louis, W. R. (2008). Nationality versus humanity? Personality, identity, and norms in relation to attitudes toward asylum seekers. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 796–817.
- Pearce, C. L., & Herbig, P. A. (2004). Citizenship behavior at the team level of analysis: The effects of team leadership, team commitment, perceived team support, and team size. *The Journal of Social Psychology*, 144, 293–310.
- Pehrson, S., González, R., & Brown, R. (2011). Indigenous rights in Chile: National identity and majority group support for multicultural policies. *Political Psychology*, 32, 667–690.
- Platow, M. J., & Van Knippenberg, D. (2001). A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27, 1508–1519.
- Renger, D., & Simon, B. (2011). Social recognition as an equal: The role of equality-based respect in group life. *European Journal of Social Psychology*, 41, 501–507.
- Sibley, C. G., Robertson, A., & Wilson, M. S. (2006). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: additive and interactive effects. *Political Psychology*, 27, 755–768.
- Simon, B., & Sturmer, S. (2003). Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29, 183–193.
- Steffens, N. K., Haslam, S. A., & Reicher, S. D. (2014). Up close and personal: Evidence that shared social identity is a basis for the “special” relationship that binds followers to leaders. *The Leadership Quarterly*, 25, 296–313.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004a). Collective action: towards a dual-pathway model. *European Review of Social Psychology*, 15, 59–99.
- Sturmer, S., & Simon, B. (2004b). The role of collective identification in social movement participation: a panel study in the context of the German gay movement. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30, 263–277.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 7–24). Chicago: Nelson-Hall.
- Tse, H. H. M., Ashkanasy, N. M., & Dasborough, M. T. (2012). Relative leader-member exchange, negative affectivity and social identification: A moderated-mediation examination. *The Leadership Quarterly*, 23, 354–366.
- Tyler, T. R. (2009). Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule following in a period of transition? *Australian Journal of Psychology*, 61, 32–39.
- Van Hiel, A., Cornelis, I., & Roets, A. (2007). The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality*, 21, 131–148.

- van Zomeren, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin, 134*, 504–535.
- van Zomeren, M., Spears, R., & Leach, C. W. (2008). Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? *British Journal of Social Psychology, 47*, 353–372.
- Wegge, J., Van Dick, R., Fisher, G. K., Wecking, C., & Moltzen, K. (2006). Work motivation, organizational identification, and well-being in call centre work. *Work and Stress, 20*, 60–83.

FROM PRESENCE TO BELONGING: EVENTFUL IDENTITY OF EUROMAIDAN

O.M. ZHURAVLEV

Oleg M. Zhuravlev – researcher in Public sociology laboratory (PS Lab), Centre for Independent social researches, MA in Sociology (European University in Saint-Petersburg, Russia), PhD student (European University Institute, Florence, Italy).
E-mail: olegzhur@yandex.ru
Address: office 301, 87 Ligovsky Ave, St Petersburg, 191040, Russian Federation

Abstract

Mass protest events may often lead to various societal transformations, including structural changes and emergence of new identities, subjectivities and social relations. The concept of “eventful protests” suggests that the sheer act of mobilization may create and empower a new collective identity. At the same time, in many cases such mass events lead to the intensifying of pre-existing political stereotypes and social cleavages and thus fail to be truly transformative. We assumed that the Ukrainian mass protest event of November 2013–February 2014 dubbed “Euromaidan” consecutively first weakened and then enforced the ethno-cultural and political split between Western and Eastern Ukrainian citizens. To test the hypothesis narrative analysis was implemented. 144 semi-structured interviews were analyzed to establish the narrative perception of Euromaidan participants. The results indicate that while “Euromaidan” initially succeeded at creating a new civic identity that united the protesters, this identity failed to spread beyond the event. Narrative analysis shows that the same rhetoric and framing that represented the initial push for civic unity and inclusivity, when intensified, transformed into a tool of promoting exclusivity, dehumanization and harmful stereotypes. They also suggest that the same structural elements that contribute to the occurrence of mass political protest (authoritarian rule, stereotype-filled discourse, lack of representation) also limits the transformative capabilities of such events.

Keywords: collective behavior, political protest, national identity.

Protests and identities in Ukraine

Mass protests and national identity formation have been considered as interrelated processes in Ukraine during last decades (see, for instance, Arel,

2005). Popular uprisings both nonviolent and violent are especially interesting cases because they intensify national identification. However, as any revolutionary situations they also tend to split a society dividing it into adherents

and opponents of radical changes. Moreover, in Ukrainian society, which is characterized by ethno-cultural and linguistic differences between Western and Eastern parts, such splits usually overlap with regional cleavages that hinder national identity consolidation. Both “Orange Revolution” and Euro-maidan, on the one hand, consolidated national identity, and, on the other hand, led to reinforcement of regional cleavages. Interestingly, many researchers see identity unification and overcoming these cleavages to be the purpose of popular mass protests. They believe that consolidated national identity is the necessary condition of social changes and democratization. Indeed, just after the “Orange revolution” occurred political scientist Dominique Arel argued that the main goal of Ukraine as a democratic state was the extension of the emerged political nation to the East and South of the country whereby local people from these regions could feel their belonging to Ukraine (Arel, 2005).

Euromaidan showed the relevance of the same problem for the Ukrainian society. Indeed, it was accompanied by engagement of new, previously apolitical citizens from various parts of Ukraine (and especially from the Central part of the country) into new, “pro-Western”, and “nationalist” political consensus (Katchanovski, 2014). However, Euromaidan grew into a new civil conflict. This conflict that was accompanied by the Russian military invasion split local populations in various cities and reinforced mutual stereotypes based on contrasting collective identities.

In this article we analyze the way Euromaidan both succeeded and failed

to extend the protest beyond the protesters themselves. We will consider this problem through the lens of theories of “transformative events” and “eventful protests” that analyze protest collective identities as one of the mechanisms of social changes.

Protest events and eventful protests

Over the last two decades theories of protest events/eventful protests have become an important explanatory tool in social movement studies. The central claim of the eventful approach to contentious politics is that the event itself should be analyzed as independent factor of socio-political dynamics. The researchers who argue that the event is an explanans, not only an explanandum, claim that events themselves produce new subjectivities, solidarities and resources through intensifying social interaction in action and, therefore, can influence social structures. One of the most influential sociological theories of protest events is William Sewell’s concept of “transformative events”. Doug McAdam and Sewell define transformative events as “turning points in structural change, concentrated moments of political and cultural creativity when the logic of historical development is reconfigured by human action but by no means abolished” (McAdam & Sewell, 2001). In his definition of political events Sewell tries to link collective experience of rupture in daily life with structural transformations (Sewell, 1996). The relations between an experience of abruptness and a transformation of social structures are at the central of our consideration. In what follows we

will describe the most important arguments of the different theories of protest events focusing on the problem of relations between experiential and structural dimensions of eventfulness.

Two sides of eventfulness: experience of rupture and structural change

There are two different aspects of eventfulness of protests. The first one sees an event as a specific type of collective experience within which new identities and relations are forged. Donatella della Porta in her analysis of “eventful protests” claims that involvement in an abrupt collective action transforms subjectivities and reshapes social relations within the very occurrence of mobilization (della Porta, 2014). The second aspect of eventfulness of protests is its structural effect. William Sewell analyzes both aspects of eventful temporality. On the one hand, he argues that the event “certainly raises the emotional intensity of life” and therefore intensifies collective action and public debates. The author underlines generic character of protest mobilizations that generate new cultural meanings, collective identities and social relations. For example, in his brilliant study of French Revolution Sewell shows that civic national identity emerged during and immediately after the taking of the Bastille. The new understanding of a nation was the result of innovative interpretation of violent attack on Bastille as popular uprising. This interpretation was the product of intensified public debates and collective emotions. At the same time Sewell claims that structural changes in different realms of society

should coincide for structural transformation to occur. Sewell argues that “a revolution is not just a forceful act that expresses the will of the people <...> Only when it became clear that the taking of the Bastille had forced the king to yield effective power to the National Assembly could the acts of Parisian people be viewed as a revolution in this new sense. The epoch-making cultural change – the invention of a new and enduring political category – could therefore only take place in tandem with practical changes in institutional and military power relations” (Sewell, 1996). Thus, a historical event is the result of a coincidence of different disruptive events in different social realms which is accomplished by significant institutional changes.

The two aspects of eventfulness can be interrelated: a rupture in daily life can produce an atmosphere of uncertainty, fear and joy that can mobilize collective action, initiate public debates, and intensify collective emotions. In turn, mobilized human action can reinforce a condition of uncertainty, synchronize various social struggles, articulate new cultural meanings, and bring about a social change (Bourdieu, 1988). However, as Adam Moore argues, these two dimensions of eventfulness are different. Moreover, they can constitute contrast definitions of what event is: “events stand apart from this ordinary background of life. This way of conceptualizing events stands in clear contrast with Sewell and Sahlins, who base their distinction upon analytically defined outcomes – structural transformations – rather than social experience and narration, where I think they can be more properly grounded (Moore, 2011). In this work we link the

two aspects of eventfulness of protests and raise the following question: under what conditions the experience of rupture can become a factor of social and political change? Our hypothesis is that collective identities and cultural meanings that emerge within protests can bring about a structural change if they extend beyond events as temporally and spatially limited happenings and influence dominant identities and social relations. We will focus on consideration of eventful identities' impact of "symbolic structures" that are "legitimate principles of vision and division of social world". These principles constitute common sense of agents from various social groups (Bourdieu, 1991).

Eventful identity and transformation of symbolic structures

By "eventful identity" we will mean a collective identity that is produced within and by an experience of collective action and shared by participants and bystanders of a protest event. Such an identity is different from what is usually meant by the term "social identity". On the one hand, "collective identity concerns cognitions shared by members of a group", while "social identity concerns the socially constructed cognitions of an individual about his membership in one or more groups" (Klandermans, 2014). On the other hand, eventful collective identity is immanent to collective action itself, while social identity is more stable and rooted in social roles. Indeed, as David Snow argues, social identities are used to place people in the social space while collective identities "are constituted by a shared sense of 'we-

ness' and 'collective agency'" (Snow, 2001).

Francesca Polletta and James Jasper argue movements themselves can create collective identities: "Some movements seem to attract participants even in the absence of prior identities and networks. "Moral shocks" produced, for example, by a photograph of a tortured animal or the disaster at Three Mile Island can mobilize people who do not know each other or the organizers <...> political activity itself provides that kind of solidarity (Jasper & Polletta, 2001). However, eventful collective identities can influence social identities. An "eventful protest", i.e., a protest that is characterized by an experience of a rupture in daily life can become a "transformative event", i.e., an event that changes social structures if an eventful collective identity shared by protesters can transform their and other people's social identities, i.e., their perception of social groups and of relations between them.

Thus, a collective identity itself is twofold. On the one hand, it is based on a common experience of togetherness and collective action. On the other hand, collective identity is symbolic resource that can define and redefine relations between social groups. As Pierre Bourdieu argues, "political subversion presupposes cognitive subversion, a conversion of the vision of the world" within which collective identity construction plays the central role: "political action ... aims to make or unmake groups, and <...> to transform the social world in accordance with their interests" (Bourdieu, 1991). But what is needed to make an experience of togetherness a new and transformative collective identity? Bourdieu

claims that the protest event which is always a result of a crisis of social reproduction can lead to significant social change only if protesters who want transformation obtain “the critical discourse” (ibid.). However, Bourdieu argues, it usually does not happen, because “the propulsive force of heretical criticism is met by the resistant force of orthodoxy. Dominated individuals <...> cannot constitute themselves as a separate group <...> unless they question the [dominant] categories of perception of the social order <...> Dominated individuals are less likely to bring about a symbolic revolution - which is the condition for the reappropriation of the social identity of which their acceptance of dominant taxonomies has deprived them - when the subversive force and critical competence <...> is relatively slight” (ibid.).

The same issue is in the center of the research of Adam Moore, who shows that a political event can reproduce rather than change social structures if collective identities that are articulated within this event are constructed in the lines of existing borders between social groups and are defined by the dominant public discourses. Analyzing the violent clashes between Bosnian and Croatian football fans in the Bosnian city of Mostar in 2007, Moore argues that a disruptive event blocked the articulation of a perception of social world that would be alternative to the dominant ethnocentric discourse and therefore contributed to reproduction rather than transformation of social structures. “As an instance of ethnic violence — rather than mere hooliganism — the events served as warning for those who sought to carve out alterna-

tive ways of coexisting and identifying themselves” the author claims.

Moore argues that although social scientists often presuppose that social structures reproduce themselves in the normal course of daily life, while disruptive events tend to change structures, we should recognize that often social reproduction requires “maintenance work”, while abrupt events can be a mechanism of this work. In his research the author argues that “since the end of the war, ethnicity has remained the chief framework through which social life is organized and interpreted in the city <...> but cracks in the facade were beginning to show, opening up space <...> for people to consider the possibility of alternative forms of social identification and association” (ibid.). However, the two days of unexpected violence in the city that were followed by the work of interpretation of this violence in terms of ethnocentric cleavages, contributed to reassertion of the ethnocentric discourse: “emplotted into this narrative framework, the violent events in Mostar were specters of ethnic conflict past and future, proof that attempts to return to a multiethnic way of living that existed before the war would be futile, or possibly even dangerous” (ibid.).

Finally Moore concludes that political events if do not articulate discourses and identities alternative to the dominant ones contribute to reproduction of social structures rather to social change (ibid.). In this article we will analyze the eventful collective identity that emerged within Euromaidan movement. We will explore some internal contradictions of this identity and will show it was both inclusive and exclusive one. Finally we will demonstrate how it

influenced the dominant social identities in Ukraine and discourses that articulate them.

Study

The sample. Within the collective research project of PS Lab we collected 78 interviews with the participants of Euromaidan rallies and camps in Kiev, Kharkiv, Odessa, Lviv and 66 interviews with the participants of Antimaidan rallies, marches and camps in Kharkiv, Odessa, Sevastopol, Simferopol and Kerch'. Among bystanders of Euromaidan we interviewed 44 men and 35 women who were from 17 to 53 years old. Among Antimaidan proponents we interviewed 43 men and 23 women who were from 15 to 65 years old. All interviews were collected in summer 2014. We chose those respondents who were not politically active before the protests. Usually we found the accounts in Facebook and V Kontakte that fitted our criteria of being a "newcomer", or "first-timer". This criteria helps to grasp the effect of the event. In this article we will mostly focus on the interviews with Euromaidan activists. However, we will exemplify some arguments by the analysis of some interviews with Antimaidan activists.

Method. We took semi-structured interviews that consisted of several blocks: biographical one; experience of participation in public sphere, activism and politics; political and ideological preferences; experience in Euromaidan/Antimaidan; opinions on the general situation in the country. In this article that deals with the problem of eventful collective identities and their development after and beyond the event we will mostly analyze the answers to the

three blocks of questions. The first block of questions concerns eventful collective identities: "What were the most important things for you in Maidan?", "What did you feel when you came to Maidan", "Who are people who come to Maidan?" etc. The second block of questions concerns national identities: "Do you feel and consider yourself as Ukrainian?", "What does it mean for you to be a Ukrainian?" etc. The third block of questions concerns social identities especially regional, linguistic and ethno-cultural ones: "Could you describe the sides that are present in the conflict in Donbas and in other Eastern and Southern areas?", "Do you see any differences between people from different regions in Ukraine?", "Do you see any difference between Ukrainians and Russians and between Ukrainian and Russian societies?"

In this article we will focus on the analysis of narratives which, as Francesca Polletta argues, represent the important source of eventful identity construction and on analysis of frames and classifications that usually express social identities. As Polletta argues, "narrative's temporally configurative capacity equips it to integrate past, present, and future events and to align individual and collective identities during periods of change. These features distinguish narratives from frames, which are said to contribute to identity-formation through taxonomic atemporal and discursive processes of analogy and differences (Polletta, 1998). We will mostly analyze the stories of "becoming the Ukrainian in the Euromaidan" and the discourses and rhetoric that objectify various parts of Ukrainian society. In other words, we will compare the narratives of "becoming

Ukrainians” within the event and discourses that express perception of cultural, regional, political etc. differences between citizens of Ukraine.

Results

The event of Euromaidan

Our central argument is that Euromaidan was perceived as a unique and authentic event that created new collective identity which – the respondents themselves believed – has overcome the “superficial” stereotypical divisions between West and East, Russian and Ukrainian language. At the same time, the eventfulness of this identity together with the lack of any ideological or political idea behind it facilitated the transformation of this identity from an inclusive to an exclusive one. The ambiguity of the Euromaidan event was that its abruptness reinforced its transformative capacity by empowerment of thousands of the participants but, at the same time, the lack of certain political and ideological agendas that made this event so “organic” and disruptive limited its transformative effect. The Euromaidan movement failed to propose a political and ideological alternative to nationalism and neoliberal reforms and did not initiate a long-term social change. In what follows we will consider how the “eventful” identity emerged within the experience of “Euromaidan” and its subsequent transformation.

Collective identity of the protest

The Euromaidan mobilization produced strong feeling of unity, association and solidarity. Although the respondents framed this identity in

terms of belonging to the nation they emphasized that their patriotism emerged within Euromaidan manifestations, not before:

“I’ve never thought, I’ve never been a patriot, I’ve never thought about Ukraine in such a manner. I’ve never valued all these things. Some events happen and influence us. At some point I just started to love my homeland. I really do not know why and which moment was a turning point. Now I understand that it was one moment, one instant” (Y., male, 24 years old, Kiev).

In the respondents’ narratives the event was perceived as one that ceased and overcame the regional cleavages and linguistic stereotypes. The activists insisted that Maidan united Ukrainians regardless their language and region:

“This understanding emerged just in the course of Maidan. After 2004 Donetsk and Luhansk seemed to be one part of Ukraine while Lviv seemed to be another one <...> [But in Euromaidan] I met people from Donetsk and Luhansk more frequently than people from Lviv. You could see that Ukraine became truly united. If previously we were really disintegrated, now we are united, we are a single people” (M., female, 17 years old, Kiev).

In their narratives the respondents talked about unification of the society within Euromaidan mobilization as if it was a done deal:

“Q.: What was the most important thing in Maidan for you personally?”

A.: Unity, the unity of all the people from all the regions. You know, previously, the East spoke...like “you are banderites”... but this [Euromaidan] united everyone. These were not ‘kharkivchane’ (Kharkiv dwellers) anymore. They were Ukrainian and Ukrainian (G., male, 28 years old, Kharkiv)”.

The Euromaidan collective identity was characterized by political and ideological uncertainty and even apathy. The informants referred to various criteria of belonging to the imagined community of “Ukrainians” in the interviews. Different people referred to different criteria in interviews: to citizenship, civilization, ethnicity, language etc. However, these features were not those that defined shared, common aspects of collective identity. Neither political demands nor social issues were determinative for the identity. On the contrary, the respondents stressed the political and ideological indifference when described their collective self:

“My worldview changed dramatically. Someone would call it active citizenship, someone would call it patriotism another one would call it nationalism. Every person has his own interpretation. Some people think that I’m a nationalist if I love Ukraine. I don’t know. Maybe I’m a patriot, maybe it is active citizenship. But for sure I love Ukraine” (Y., male, 24 years old, Kiev).

Rejection of stereotypes did not lead to an articulation of an alternative political idea of national identity. Rather, the new eventful identity was characterized by uncertainty and negativity. As a result, any positive characteristics of the new national identity were very abstract. As a young student from Kiev told us:

“It was the feeling of unity. It was the wave of civil national... Not national, but precisely civil national..., because there were no divisions in Maidan, right? Nigoyan was Armenian, for example <...> The concept of ‘Ukrainian’... was at that time equal to the concept of ‘a man’. A man with a sense of dignity” (S., female, 22 years old, Kiev).

Protesters demonstrated self-organization and mutual help that allowed them not only to resist the state but also to assert their independence from “official” “leaders” of Euromaidan. But they also demonstrated their inability to frame and articulate what was the specificity of the movement in political or ideological terms. On the contrary, the atmosphere of ineffability made the event and its identity so mobilizing:

“Ukrainian symbolism became so important for us <...> Ukrainian became associated with, how to say, I don’t know how to express it, it is what we called the revolution of dignity. It is impossible to express this feeling that you are Ukrainian. It is the feeling of incommunicable community” (S., female, 22 years old, Kiev).

This feeling of abruptness made people committed to the movement because they felt the event of Euromaidan changed their personalities. One of our respondents supported Antimaidan but then became involved in Euromaidan. He himself explains this transformation not in terms of political or ideological or even “geo-political” differences between the two camps but in terms of “energy” and atmosphere. He also notices that Euromaidan was more self-organized than Antimaidan that was, he believes, initiated by Putin. However, he does not articulate the difference between grassroots and from the top-down movements in political terms. Instead, he exploits highly emotional and even esoteric terms:

“My friends always tell me about Maidan... the Earth feels the energy of meanness and the energy of love, friendship, mutual help. I cannot say that there are no such feelings among the insurgencies (opolchentsy), but it was from the

top-down. It was initiated by mean people. <...> one should be a hard-hearted, a man without soul, to ignore this difference. That is why I know now for sure who is right and who is not" (N., male, 35 years old, Luhansk and Kiev).

Moreover, when speaking about politics in Ukraine and Euro-integration he claims that "it doesn't matter for me either Europe or Eurasia ... the most important thing for Ukrainians is a good salary, peace...".

However, when describing the eventful experience of Maidan he rejects any ideological preferences or social demands behind it:

"Q. Do you think Euromaidan could include some political or social demands, like salaries...?"

Many friends who were in Maidan... they say that they did not think about death, because they fought for their friends. And at this moment you don't think about salaries, about social benefits... Maidan was more spiritual (*vysokodykhovnyi*)" (N., male, 35 years old, Luhansk and Kiev).

The eventful identity demonstrates the self-referential character of the event. One could argue that the new understanding of who Ukrainian is defined the nation as imagined community of the Euromaidan movement participants and supporters:

"Ukrainian is the person who came to the revolution, who supported it, who at least was interested in it" (Y., male, 24 years old, Kiev).

From uniqueness to exclusiveness

What characterized the new collective identity was not a political idea of a nation but the discourse of authenticity that articulated this identity.

Whatever respondents meant by "Ukrainians" they used the metaphor of authenticity when talking about who was Ukrainian and who was not: "If a person is not able to love Ukraine truly he will not be able to become a Ukrainian" (Y., male, 24 years old, Kiev). Since national belonging was articulated in terms of "true Ukrainians" while to be a Ukrainian meant to support the movement, if someone was against or did not support the Maidan movement or Anti-terroristic operation she could be blamed as "not a true Ukrainian" or even "not Ukrainian". The discourse of authenticity was inclusive because it aimed at overcoming exclusive stereotypes diving people into two parts: Western, Ukrainian-speaking people and Eastern, Russian-speaking people. At the same time, this identity turned out to be exclusive after Antimaidan emerged because the discourse of authenticity allowed blaming anyone for not being a "true Ukrainian" and because lack of political articulation of this identity made it vulnerable to pressure of the old, stereotypical discourses of nationalism.

Analysis of discourses of the self and classifications of "us" and "them" in contrast to the narratives of becoming (the Ukrainian) shows the exclusive character of the new identity. A young girl, Maidan activist from Kiev who was a secondary school student tells the story how Euromaidan had united the nation: "Maidan was an experience of unity... we became one people...2-3 years ago we could never think that the city of Dnepropetrovsk will be so active... now there is no discrimination of people from Luhansk or Donetsk". She insisted that people from the Eastern part, from Donetsk and Luhansk were the most

active part of the Anti-terroristic operation and that is why she disagreed that there was a civil war: *“The national guard and the soldiers of the ATO are mostly the dwellers of Donetsk and Luhansk. How can you imagine that they would shoot and kill people from their own cities? I don’t believe in that. That’s not true”*. She claims that if Maidan united all the Ukrainians and if the separatists are against Maidan, it cannot be that Ukrainians support terrorists. Thus, it cannot be that the ATO is against Donetsk and Luhansk.

However, if we look at classifications she uses to distinguish between different agents of the conflicts we will see that she then says that those who are against ATO are not “true” Ukrainians: *“A person who claims he wants to live in Russia is not a Ukrainian anymore, automatically. That’s why I don’t think that it is a fratricidal war”*. She then says: *“Some of my friends say that Luhansk deserves to be destroyed completely. This community is different from the rest of Ukraine. But at the same time it does not mean that we are ready to give them the Luhansk Region... Whatever the majority of people live in Luhansk are like there are some people who are Ukrainians and who really want to live in Ukraine... I believe that it is heroism, because you know it is very easy to fly the Ukrainian flag in Maidan and cry ‘for Ukraine!’ because the majority of people do the same in Maidan. But those who flew the Ukrainian flag in Donetsk or in Luhansk they were heroes because all the people who lived there were really aggressive towards such gestures”* (M., female, 17 years old, Kiev). We see that she now says the opposite thing: people from the Eastern Part are not “the same people”, but “different

from the rest of Ukraine” and they are not in favor of Maidan and ATO but strongly against it.

Another respondent claims that *“a Ukrainian is a person who really loves Ukraine ... but it is stupid to be within Ukraine and to claim that you want to be a part of another state. It would be great if all who want to live in Russia would go there and Ukraine would become as it is because only those who really love Ukraine would live here”* (Y., male, 24 years old, Kiev). Here we see the reference to the authentic Ukrainians and authentic Ukraine which is “as it is”. He also distinguishes between those, who “love Ukraine” and those “who want to live in Russia”. What is important is not only that those who “want to live in Russia” are not “true Ukrainians”, but also that those who are not “true Ukrainians”, for instance, those who support Antimaidan can be blamed as those “who want to live in Russia”. Later he says: *“People who live in the Eastern part are different from people from the Central Ukraine. Their level of intelligence is lower that’s why it’s hard to communicate with them. These people don’t understand what you try to tell them. They are just stupid people”* (Y., male, 24 years old, Kiev). Then he justifies repressions towards separatists because they are not true Ukrainians: *“After three months those who were separatists... if they were really Ukrainians they would have really understood where they lived, in what city, and they would have changed the position. Those who did not change those are also terrorists. People who support terrorists... It’s not an argument that they are just ordinary people, no, they do not deserve mercy”* (Y., male, 24 years old, Kiev). “Not true Ukrainians” here are

blamed as “stupid people from the East”, “those who want to live in Russia” or even as “Russians”. These stereotypes that emerged in the course of the unfolding conflict were not in contradiction with the inclusive discourse of authenticity. On the contrary, this “anti-stereotypical” discourse turned out to be a mechanism of de-humanization and exclusion.

Thus, the rhetoric of authenticity serves as a mechanism of exclusion, dividing Ukrainians into “true” and “not true” one. In the last part of the article, we will show how the discourse of authenticity although initially anti-stereotypical then facilitates a re-emergence of the stereotypes. Such an analysis of stereotypes will allow us to explore how eventful collective identity influenced social identities that are structured by and structure composition of and relations between social groups which differences are articulated in ethno-cultural, linguistic and regional terms. In the last part we will analyze not only interviews with activists of Euromaidan but also some interviews we took with the supporters of Antimaidan. Analyzing the categories which move from the Euromaidan participants’ discourses to the Antimaidan participants’ ones will allow us to explore their role in the escalation of the conflict because such clichés are the instruments of mutual stereotypization and mutual hate. In other words, we will analyze the stereotypes that serve as the instrument of construction of social identities. In what follows we will exemplify our argument by the analysis of two stereotypical categories: “Russians” and “separatists”.

Social stereotypes and social identities

Although, as we pointed out above, Euromaidan proponents equated their opponents with separatists, despite media cliché Antimaidan was not initially “Pro-Russian”. There was a fraction of Russian nationalists who supported imperialistic politics of the Russian state but it was not dominant and failed to impose Russian identity on all participants. Some of Antimaidan’s supporters tried to reassert Ukrainian national identity: “*Why does Russia come and help us? Should Russian troops, soldiers come and help you when you are sitting in your bed and crying or just flying the Russian flag? It should not be going in such a way*” (T., male, 23 years old, Odessa).

Some of them who felt they were excluded from the national identity started conceiving themselves as Russians. This identity transformation made Russian nationalists and Russian imperialistic ideology much stronger: “We always have perceived ourselves as Ukrainians. Previously we went to Russia and told them: don’t confuse this, we were not Russians we were Ukrainians! But after the 2nd of May we don’t want to be Ukrainians anymore. Now we feel more Russian” (N., female, 61 years old, Odessa). They were blamed as “Russians” and they interiorized this stigma but in a subversive way developing an ‘imperial’ identity. Thus, the so-called “Russian world” was not only a result of Kremlin politics but also a result of Maidan itself.

A young teacher from Donetsk who initially supported Antimaidan but then became a Euromaidan activist,

identifies himself with both Russians and Ukrainians: *“Ukrainians are Russians too, we defeated the Nazis, we have imagination, it is impossible to win a victory over us. Now you can see how our army, our Ukrainian army ... if it was the American army they would have died in a week. But our people they are gathering, they buy weapons, this is a popular movement* (N., male, 35 years old, Luhansk and Kiev). He claims, that he is “not ready to die for Ukrainian culture”, because “every culture and every language, the Russian, the English, the Ukrainian ... is beautiful”. However, the analysis of his facebook posts that were written after the interview show that his collective identity was transformed dramatically and became much more stereotypical. He stopped identifying himself with the multicultural region and started framing the conflict in terms of “Ukrainians”, “patriots” who struggle against “Russians”: “I suppose these ideas were imposed by Russia but I’m writing my post in Ukraine”. The transformation of meaning of the category “separatists” demonstrates the transformation of the meaning of social identities that, in turn, is caused by evolution of the eventful collective identity from inclusive to exclusive one.

If in the interview he means by ‘separatists’ those who are involved in the insurgence military units, then in Facebook he terms the whole region, Donbas (with which he previously identified himself) “separatists”. He stigmatizes the whole region as populated by unintelligent and unpatriotic persons: *“These separatists are so stupid! They lay their children open to the attack... and then claim that we kill them. Did you try to take your children from*

the military zone, you, stupid idiot? Enjoy your DNR, idiot, only you are guilty of all these things. People who have the intellect left the region and went to some more safe places. But you, stupid idiot, you will live in the place you ‘deserve’ to live. I don’t care about what you say like ‘you kill us’” (N., male, 35 years old, Luhansk and Kiev).

The many interviews with Anti-maidan movement participants show that they conceived the category of “separatists” as stigma that excluded them from the national identity against their will: *“You know if we start flying Ukrainian flags we are Ukrainians too, and we have the right to express our opinion. We are not separatists, not old sovki”* (T., male, 23 years old, Odessa).

This respondent uses the term “separatist” in pair with the term “sovok” (the stereotype that is used to blame those who are represented as people from Soviet era, not intelligent and modern enough etc.). Another respondent says: *“I’m Ukrainian, my mother is Ukrainian, my father is Ukrainian, my grandfather was Polish. And I am Ukrainian. You see what the situation is? If you don’t cry ... now the segregation is happening... if you don’t cry ‘Glory to Ukraine!’ or if you don’t reply ‘Glory to heroes!’, you are a separatist, you don’t love your country because you are not a patriot”* (A., male, 30 years old, Kharkiv).

Thus the discourse of authenticity failed to construct the new long-term identity. On the contrary it facilitated the re-emergence of stereotypes inherited from the old Ukrainian nationalism to which Maidan supporters deliberately opposed their new “eventful” identity. Being internalized as a stigma by the participants of Antimaidan these

stereotypes contributed to the escalation of the civil military conflict.

Discussion

In this article we showed that Euromaidan although mobilized many people from various regions at the same time reinforced identity conflicts. We do not argue that the protest failed to unite and integrate the society. It contributed to a formation of a civic nationalism and civic identity. Moreover, protesters deliberately wanted to overcome ethno-cultural and linguistic stereotypes that hindered a universal civic identity construction. However, the discourse they opposed to these stereotypes was the rhetoric of authenticity that, paradoxically, reinforced stereotypization after the authentic moment passed. Thus, the “eventful protest” did not become a “transformative event”.

Indeed, although Euromaidan integrated many citizens from the Eastern part into the new nationalistic identity, it failed to change the very dominant symbolic structure that opposes Ukrainian patriots to people who live in Eastern regions, especially in Donbass, who are sympathetic to Russia and speak Russian language, and who are unintelligent. The cause of this failure lies in the fact that protesters did not managed to extend the eventful identity beyond the event itself. Moreover, the very eventfulness of the protest contributed to this failure as it created the cherished the illusion that the society had already unified by the very happening of the event.

However, the discourse of authenticity as well as the experience of eventfulness cannot alone explain a stereo-

typization of initially inclusive identity. Certainly the emergence of war and transforming of some parts of Antimaidan into the separatist movement were the major source of mutual hate and consequently mutual stereotypization. At the same time apart from these extraordinary military occurrences, there were some structural conditions that hindered expansion of inclusive protest identity beyond the protest itself. In what follows we will briefly indicate some structural conditions that hindered spreading the new identity to the whole society.

Ukrainian society as well as many other post-communist societies have been considered as depoliticized (Howard, 2003; Zhuravlev, 2014). The stigmatization of both conventional and contentious politics together with the rejection of any ideological languages led to the fact that when politicize people invent anti-political politics within which they do not only struggle against the state but tend to keep distance from politics as a realm and set of institutions. The origin of this politics of anti-politics could be found in the anti-communist movements that were the result of sudden politicization of apolitical citizens of soviet and communist countries.

What we called politics of authenticity is the part of such an anti-political politics. Indeed, as Donatella della Porta argues in her book on anti-communist movements in 1989, anti-political attitudes “corresponded to the building of authentic relations between the person and the universe <...> [The anti-political] discourse substituted categories of left and right with moral categories of right and wrong, lie or truth ... ‘politics outside politics’ is eth-

ical and existential” (della Porta, 2014). To analyze this inertia of depoliticization in more detail we shall consider the one important feature of anti-political politics, or politics of authenticity that is the lack of political representation within the protest movements.

William Sewell in his research on the event of French Revolution shows that the new civic identity could not spread to / constitute the French society without the mechanism of political representation. The author claims that the new national identity constituted the “new ultimate source of power – whether as members of the sovereign people, as its soldiers, its representatives, or the objects of its wrath” (Sewell, 1996). Indeed political representation creates both an infrastructure of legitimate institutions of constituent power and the space of public debates that can articulate and spread the new political understanding of the nation. Both were absent in Euromaidan. The activists were committed to radical change, but at the same time the majority of the respondents said that they did not want to take part in any long-term social movements or political parties (Zhuravlev, 2014). The activists opposed the principle of self-organization to the state politics. The indifference toward representation gave Yatsenuk, Klitchko and Tygnibok as well as Poroshenko opportunity to impose their candidacy. As a result the lack of representational mechanisms and institutions blocked public discussions within which new cultural meanings and discourses of identities construction could be invented and institutionalized. On the contrary, the old discourses were reinforced.

William Sewell’s theory of transformative events is based on the analysis of the protests within which protesters’ disagreement with the dominant order was articulated in the public discourse alternative to the dominant one: “The two powers based their claims on sharply contradictory ideologies. The monarch claimed to rule by the grace of God <...> The National Assembly claimed its authority by popular sovereignty <...> These two ideologies not only envisaged different kinds of states, but were based on divergent cosmologies” (Sewell, 1996). However in our case the dominant discourse of “two Ukraines” was the only language of identity construction. This language was rejected by Euromaidan activists but was not substituted with an alternative one. As a result it was re-emerged during the military conflict.

It should be noted that we agree with the researchers who reject the superficial and propagandistic (as in the case of Taras Kuzio’s works) statements asserting existence of two or more ‘Ukraines’ with different political cultures, languages and identities. In the article based on focus-groups and interviews with school teachers and schoolchildren in different ‘Eastern’ Ukrainian cities, Peter Rodgers concludes that although the respondents “expressed a clear understanding of the regional differences across Ukraine <...> regionalism in Ukraine is a far more complex phenomenon than a simple, dichotomous “west versus east” divide” (Rodgers, 2006). Indeed, collective identities have been uncertain and vague in Ukraine during the whole period of independence (Portnov, 2010). The uncertainty of national identities has been the result of sym-

bolic politics of the Ukrainian state. The elites tried to exploit nationalistic movements and, at the same time, to prevent civil conflicts between the regions in order to preserve national independence that guaranteed their monopoly of power over military and economic resources (Portnov, 2010).

Our argument is that there is interrelation between uncertainty of national and regional identities and imposition of stereotypical divisions that assert an existence of “two Ukraines” in media and political discourse although these two are usually perceived as opposite variations of a national identity. The media-stereotypes that divide Ukraine in linguistic, regional etc. parts were real not only because they represented the ‘objective reality’ but because they were used in construction of collective identities. The imposition of these stereotypes could either lead to naturalization of the stereotypical divisions or to their perception as superficial and false. However, in the latter case people also used these categories, not alternative ones to construct their identities, although they put them as stereotypes in opposition to which they expressed themselves. Many Ukrainians believed that these media-stereotypes were both too superficial to be taken for gospel and real enough to be taken for granted. In other words, in pre-Euromaidan Ukraine the dominant political agents imposed the categories of self-perception that prevented any alternative identity formation, but this imposition was not based on naturalization of superficial divisions. Bourdieu claimed that “social order owes some measure of its permanence to the

fact that it imposes schemes of classification which, being adjusted to objective classifications, produce a form of recognition of this order, the kind implied by the misrecognition of the arbitrariness of its foundations” (Bourdieu, 1991, p. 217). In the case of Ukraine, alternatively, there was recognition of the arbitrariness of its foundations; however, this knowledge of arbitrariness did not lead to a creation of alternative discourses of identities articulation.

Thus, we could see that depoliticization, rejection of political representation together with vagueness, but, at the same time stereotypical character of the discourse that articulates national and regional collective identities constitute the set of conditions that facilitate ‘transformative events’ emergence, but, at the same time, limit their transformative capacity. Indeed authoritarian and depoliticized context that hinders routine political participation of citizens in politics and public sphere leads to emergence of disruptive political protests. At the same time the culture of depoliticization that leads to the rejection of political representation hinders institutionalization of these protests in institutions of constituent power. As a result the old elites capture the state power. The superficiality and vagueness of national and regional identities facilitate the emergence of new inclusive eventful identities. At the same time the stereotypical language together with the lack of the public ideological discussions that could articulate alternative discourses of identification lead to the re-emergence of the exclusive nationalistic rhetoric.

References

- Arel, D. (2005). Ukraine has chosen the West, but without the East. *Pro et Contra*, 9(1), July-August.
- Bourdieu, P. (1988). *Homo academicus*. Stanford University Press.
- Bourdieu, P. (1991). *Language and symbolic power*. Harvard University Press.
- Della Porta, D. (2014). *Mobilizing for democracy: Comparing 1989 and 2011*. Oxford University Press.
- Howard, M. M. (2003). *The weakness of civil society in post-communist Europe*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Jasper, J. M., & Polletta, F. (2001). Collective identity and social movements. *Annual Review of Sociology*, 27, 283–305.
- Katchanovski, I. (2014). *East or West? Regional political divisions in Ukraine since the “Orange revolution” and the “Euromaidan”*. Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association in Washington, DC, August 28–31.
- Klandermans, B. (2014). Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22.
- McAdam, D., & Sewell, W. (2001). It's about time: Temporality in the study of contentious politics. In R. R. Aminzade et al. (Ed.), *Silence and voice in the study of contentious politics* (pp. 89–125). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Moore, A. (2011). The eventfulness of social reproduction. *Sociological Theory*, 29(4), 294–314.
- Polletta, F. (1998). “It was like a fever ...” Narrative and identity in social protest. *Social Problems*, 45(2), 137–159.
- Portnov, A.V. (2010). *Uprazhneniya s istoriey po Ukrainski* [Exercizes with history in Ukrainian]. Moscow: OGI, Polit.ru, Memorial.
- Rodgers, P. (2006). Understanding regionalism and the politics of identity in Ukraine's Eastern Borderlands, Nationalities. *The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 34(2), 157–174.
- Sewell, W. H. (1996). Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille. *Theory and Society*, 25, 842–881.
- Snow, D. (2001). *Collective identity and expressive forms*. Working Paper. Center for the Study of Democracy. Retrieved from: <https://escholarship.org/uc/item/2zn1t7bj>
- Zhuravlev, O. (2014). *Politika podlinnosti i ee predeli* [Politics of authenticity and its' limits]. Retrieved from <http://commons.com.ua/politika-podlinnosti/>

От присутствия к принадлежности: событийная идентичность Евромайдана

Журавлев Олег Михайлович

Исследователь в лаборатории публичной социологии (PS Lab), Центр независимых социологических исследований; магистр социологии; аспирант (European University Institute, Флоренция, Италия)
Контакты: olegzhur@yandex.ru

Резюме

Акции социального протеста часто приводят к изменению общества. В частности, они приводят к структурным изменениям и появлению новых коллективных и социальных идентичностей. Для описания этих изменений была предложена концепция «eventful protests». Согласно этой концепции, отдельный акт коллективного поведения может усиливать уже существующие или приводить к формированию новых коллективных идентичностей, усиливать эмоции и подчеркивать различие в политических взглядах участников. Мы предположили, что массовые протесты на Украине, которые прошли в ноябре 2013 – феврале 2014 г., сначала ослабили, а затем усилили этнокультурный и политический раскол между жителями Западной и Восточной Украины. Для проверки этой гипотезы было проведено 144 неформализованных интервью со сторонниками и противниками Евромайдана. Для анализа этих интервью был использован нарративный анализ. Результаты исследования показали, что первоначально политический протест способствовал формированию общей коллективной идентичности, объединяющей жителей Западной и Восточной Украины. Однако эта идентичность оказалась неопределенной: в ее основе не лежали определенные политические предпочтения, способные объединить участников протеста на долгое время и привести к структурным изменениям в обществе. Как следствие, постепенно эта идентичность была вытеснена более традиционной этнокультурной идентичностью, которая усилила раскол между жителями Западной и Восточной Украины, способствовала взаимной стереотипизации и сделала отношения между ними более враждебными. Эти результаты говорят о том, что существуют факторы (например, неопределенность коллективной идентичности и существование стереотипов), которые ограничивают возможности политического протеста по трансформации общества.

Ключевые слова: коллективное поведение, политический протест, национальная идентичность.

Articles

SUBJECTNESS AS POSSIBLENESS

V.A. PETROVSKIY

Petrovskiy Vadim A. — professor, School of psychology, HSE, D.Sc.
E-mail: petrowskiy@mail.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The author understands the subject in general as the cause of oneself and determines the subjectness of an individual as their ability to be both the source and the result of their own activities. In the present work, the author answers the following question: What is the subject of reproduction in an individual? In comparison with an earlier interpretation of subjectness, the scope of revealed *causa sui* is specified: possibilities of an individual are discerned which are implemented and acquired by them in the process of activity. The Subject is not the one who has achieved but the one who does everything to achieve. Being the Subject means to produce possibilities of achieving. The criterion of subjectness is the correspondence between the opportunities invested in the process, and the opportunities accumulated in the process of achieving. This way subjectness is determined as the art of dealing with own current possibilities, thus ensuring their extensive reproduction. In the meantime it is postulated that the total amount of potential possibilities of an individual is unlimited (the metaphor of an infinite-dimensional cube is taken). Possibilities are appropriated (M. Heidegger) in the process of an individual's interaction with environment. They not only contribute to achieving of any other purposes, but they themselves form the goals guiding the activity. There are various possibilities, internal and external, obvious and hidden, newly acquired and actualized, opportunities of support and opportunities of desire. The following is accepted: the higher the level of obvious (manifested) possibilities (I can), the stronger the urge to implement them (I want) (thus not only I want causes I can, but I can challenges I want). The dynamic unity of I can and I want forms the essence of what the author determines as Possibleness of an individual; we mean the possibilities that an individual does not only have but experiences them as existing in him. Possibleness is an experienced feasibility of possibilities. There are conditions of the Possibleness optimum that are based on the mathematical model of Possibleness combining ideas of the variety of possibilities. In this context, subjectness is defined as the Possibleness that meets the optimum criteria ("Get your investments repaid", "Be efficient", "Save up", "Do not skimp on efforts"). An obvious consequence of accepting the

Possibleness model is the transition to multi-subject models of personality: they allow to realize the Possibleness optimum conditions in those cases when the one-to-one with the world interaction impedes revealing of subjectness (limited resources of the environment, lack or surplus of desires). There are several models of subject assemblies: self-employed farmer, author — expert, leader — partners, and master — worker. There are some numerical examples given illustrating the effect of achieving the Possibleness optimum in various forms of subject assemblies. In accordance with the law of development of higher mental functions (according to L. Vygotsky) a hypothetical attempt is made to describe the structure of an individual's personality as a result of interiorization of various subject assemblies. From this point of view we have considered some manifestations of an individual's self-regulation (taking such forms as volitional, semantic, target-oriented, and operational) when solving a problem to one's taste. The empirical research shows that in the process of solving such problems each of the inner subjects included in the personality (Autocratic I, With One Other, I Myself, and Capable I) reaches a compliance of the individual's ambitions and the acquired possibilities. Three variants of the subject organization of personality are described: mono-personality, binary personality, and ternary personality. Both hypothetical and real-life examples of functioning of the individual's Possibleness model are drawn for different variants of the subject organization of personality. The models presented are the model of an ideal negotiator (Trust, but verify! — How much?), the model of hope and disappointment in love, the model of the triumvirate of subjects, the reinterpreting model of risk-taking by J. Atkinson. The culture presented to an individual in the form of symbolic interactions between different Is (as society in one's head), is interpreted as a condition for achieving the Possibleness optimum which implies a different level of subject complexity for every personality construction (binary, ternary, tetrary etc.).

Keywords: *causa sui*, subjectness, possibilities, omnipotence, possibleness, possibleness optimum, rational subject, acquisition, appropriation, mono-personality, binary personality, ternary personality, multi-subject organization of personality, L. Vygotsky's cultural-historical theory.

Subjectness: What does it mean?

A quarter century ago, in Soviet psychology there was no debate about subjectness. The adjective *subject* (which typists and typesetters persistently confused with *subjective*) was not burdened yet with the suffix *-ivity*. So, when the author of these lines was defending his doctoral dissertation (“The Phenomenon of Subjectness in the Psychology of Personality”) (Petrovskiy, 1992b), the first opponent,

for all his benevolence, greeted the birth of the term, lamenting not without irony: “Oh, again this *-ivity* and similar! They would always come with not ‘worth’ but ‘worthiness’, not ‘person’ but ‘personhood’, and now no longer ‘subject’ but ‘subjectness’...” The expert's words sounded something like this. His name was Igor Kon, whose authority I have always looked on as indisputable¹. In my mind, I keep talking to my opponent, stating that the term *subjectness* is indispensable, that it

¹ It is interesting that long before writing my doctoral thesis, I read in an article by I. Kon that V. Petrovskiy had proposed a concept of *supra situational activity* where for the first time the emphasis is made on *subject* but not only on the *object* determination of activity. The feeling that I had been

is intended to point out at what is inevitably missed when the word *subject* is used frequently and indiscriminately, while the specificity of the *subject as such* is replaced either with some vague notions of the individual, the person, or personality, or with what nowadays, in the western way, is called the agent of activity (or, raising the rank of generality, the *agence* (from Latin, *agentis*))².

But the quarter of a century has passed. The attitude of psychologists to the problem of subjectness has changed. There are conferences on subjectness held; there are journals published, special issues of which are constructed under the symbol of subjectness; there are theses defended with titles including the term; there are monographs written on subjectness. The number of

mentions of the term *subjectness* is growing from year to year (we shall not draw a diagram proving that here, although the picture is convincing that subjectness cannot feel as an intruder in the science). Today eLibrary.ru contains data on more than 6000 publications centered around “subjectness”.

However, this does not mean that the idea of “subjectness” has been sufficiently clarified in theory and properly correlated with other aspects of the individual’s existence in the world. Obviously the starting point of defining the term should be certain understanding of *the subject as such* — a *pure subject*, not shaded by empirical forms of its manifestations.

The abstract understanding of the subject (which is basic for us) is that the latter is *the cause of itself* (*causa*

heard and understood “by Kon himself” gave some strength to me, a future doctoral student, in an effort to, as they now say, “position” the idea of subjectness as referred to problems stated within the psychology of personality. Citing these memorable to me, but possibly excessive from the point of view of the reader, autobiographical details, I can’t help mentioning my second opponent, the brilliant Oleg Konopkin. His review (a text on 16 typewritten pages, the abridged version of it was later published in *Voprosy Psikhologii* (*Issues of Psychology*) Journal (Konopkin, 1994)) stated that the problem of the human personality “in terms of its subject characteristics, its true subject potentials and real-world phenomena of subjectness ... is the key one in the study of the laws of individual, private forms of arbitrary human activity.” “In psychological science,” wrote O. Konopkin, “we more and more clearly feel and are aware of the need to overcome inconsistencies and disparities between the general methodological provisions of the individual as of the real subject of his activity, of the freedom of effective will expression by man, of the creative potential of personality in all its subject manifestations etc., on the one hand, and the apparent depletion and reduction of these provisions in particular the concepts of specific forms of subject activity (and, especially, in the applied research of specific activities), on the other...” A particular point was made on the “substantial novelty of baseline positions, approaches and research aspects dealing with “the phenomenon of subjectness in the psychology of personality”, which implement in their entirety the original concept, which substantively justifies and reveals the phenomenon of subjectness as an essential characteristic of the human personality, of his personal existence”. O. Konopkin noted that in this way, “a special subject area of psychological study of personality” is discovered” (*ibid*, p. 148).

² A detailed analysis of logic and semantic aspects of the problem of subject is available in the book by V. Descombes (Descombes, 2004).

sui), i.e. something that is both *the source* and *the result* of its own existence in the world. With regard to the human individual, *the subject* is the source and the result of the individual's thoughts, feelings, moods, wishes, conscious and unconscious attitudes, produced actions, as well as his bodily integrity, performed social roles, spiritual quests and deeds. There is no doubt that this list of forms of the human individual's existence can be continued. But not for a moment should we lose sight of the fact that the subject is the cause and effect of all the above, and thus *subjectness* is a special property of the individual, not identical and not equal to other forms of his existence.

The problem, however, is whether there is the subject in reality (and not only as pure *something* that dwells in culture marked as *the subject*). Or — more accurately — whether the human individual can claim to bear the proud name of *the subject*? At this point, there are grounds for doubt. Earlier we have presented some critical arguments (how holistic the individual is as a subject? How feasible his goals are? How free he is? Is he evolving? But answers to these and other questions, as we have shown, are ambiguous (Petrovskiy, 2010b, pp. 462–502).

We should mention some more reasons for doubt. For example, let us take a fact of the birth of a human child, its biological maturation and growth: is the child born the “cause and effect” of itself or, after all, have there been some other people, “in a certain way” involved in its birth? Or, let us say, is an individual the cause and effect of all his thoughts and feelings? Or, *perhaps*, there is something else that is involved in his thoughts and experiences independently of him? And what about the appearance? Income? Social status? Is all this only a function of the individual's own activity? Should we say the ancient Greeks were in a way right as they believed that a person gains, with after being born (I would say, as his dowry), something, which he cannot afford to cancel in himself? Finally, was the uncompromising and passionate Ehrhardt, the founder of the EST training, right in his statement, addressed to one and all: “You are God in your universe!”? In fact, all these are some rhetorical questions with the predetermined answer “No.”⁴

What is subjectness *as such* if we assume that its bearer is a human individual? We believe that it is an individual's involvement in the production, accumulation and use of his own *possibilities* of existence in the world⁵. Once

³ Epictetus recommends to treat oneself the following way: “If you want to be a warrior, look at your shoulders, hips, lower back. For one person has a natural predisposition to one and another — to the other” (Laurent, 2012, p. 40).

⁴ However, when a scientific romantic youth the author used to think (or, rather, wanted to think) that the human being in all respects is “the reason for itself”. I would like to think like that now too, but I cannot, as both all known achievements in the field of psychogenetics, as well as my personal experience of counseling significantly limit my faith in the all-embracing idea of *causa sui* applied to the individual. If we take it totally and accept *causa sui*, then only in a historical perspective.

⁵ *The amount of mastered possibilities* can be compared to a *settle-in space*, to the total area belonging to man and the world. In a mathematical sense it is a multidimensional cube. Due to a number of

again, we are talking about possibilities of thinking, feeling, perceiving, lasting one's life, staying healthy, being embodied into others, and as we will see later, having possibilities as such, present in the sense "I can" (= "I can do everything"⁶). "I" of an individual is a "bundle of possibilities implemented outwardly"; "the basic need of human existence is to develop these possibilities"; "The Subject of activity is a bearer of possibilities embodied outwardly" (Petrovskiy, 2009b, pp. 25–43).

Possibilities: instrumentality and self-value

It is implied that people cannot directly program their thoughts, manage their feelings, control their flow of life, etc., but they are able to produce and reproduce possibilities for all that to happen. Things, that must be dealt

with, usually exist packed as opportunities and these opportunities are to be opened. This is an instrumental function of possibilities.

But the opportunities make up part of our power, and in this respect they are not only *means* of achieving something different than they are themselves, in other words, they are not just *instrumental*, but they have value, they are *valuable in themselves*. The feeling "**I can**" *prompts to action*, hence *it has a value in itself*.

Thus, **phenomenologically**, we clearly differ possibilities *to ensure* something and possibilities *to implement* (those seeking implementation). The feeling "I can do it" and its companions ("Can I do it?", "I could not do it then, I can now", "I've done it", "But no, that's not all") form a dynamic fabric of subjectness⁷. And from this point of view, subjectness is an exclusively

consecutive attempts to acquire external possibilities and to master internal ones of the individual this "cube" can be understood as the infinite one ("Hilbert cube"). The allowable number of its measurements is dynamic and is determined by the number of attempts made. This amount is a product of already developed possibilities by an opportunity provided by the environment, and what is produced is combined with known reserve possibilities. And each successive tried possibility reveals its new dimension.

⁶ According to R. Ackoff and F. Emery, "power" is the ultimate (though unattainable) goal of human existence (Ackoff & Emery, 1972). We believe that in an experience (even if it is a fleeting one) we overcome the feeling of the ideal being unattainable; some of our experiences have the quality of trans-finiteness (the actual infinity) (Petrovskiy, 1996a, 1997, 2013a). In this case, we mean a *situational* "I can do anything". Being situational, it is the source of *supra situational* activity ("I have solved all the problems"; Descartes, after discovering the coordinate system, now called the Cartesian: "Today I am a genius"; A. Blok: "With that kind of money I have everything, I need" — a student's thought after receiving a special scholarship; in connection with the last example, I remembered a story: the Russian poet Mikhail Svetlov phoned the actor Zinovy Gerd very late at night: "Do you have by chance a friend who is a notary? As I have got a ten rouble note so I would like to make a copy").

⁷ "To be an I" for people means to exist in a dimension of the possibilities they are aware of. That is, to live through themselves, enrich themselves with phenomena of their life spread into the being of the significant, to part with themselves, to move towards another meeting with themselves, to achieve themselves and to slip away from themselves into the unknown future to a new significance"

human characteristic, a special sphere of an individual's existence: a testing field, or, as the A.N. Leontiev said, "trials of oneself"; an arena of battles with oneself; risk (and the risk intoxication); transition through the flutter⁸; "riding into the unknown" (Mayakovsky defined poetry this way); throes of creation; balancing on the edge, in short, everything that can be called a field of manifestation of supra situational activity (Petrovskiy, 1975, 1976, 1992a, 1992b, 2010b, etc.) (see Note 1 to the article).

The idea of the possibility *per se* as of a special, independent source of human activity has been progressively clarified by modern science. The idea of the possibility in works of philosophers, psychologists and psychotherapists increasingly appears beyond the traditional pragmatic interpretations, and thus a special counter-adaptive interpretation of possibilities is born. First of all, in the context of such investigations we shall mention the original "Philosophy of the Possible" by M. Epstein (Epstein, 2001), the project of "Possibilistic Personology" by D. Leontiev (Leontiev, 2011), the concept of the fundamental motivations by A. Längle (2009) (we address works of these authors in Notes 1, 2, 3).

Correlating our own ideas with these theoretical developments we can

reveal a different meaning for the term "excessiveness" in relation to the possible 1) the *pseudo-possible* (the value of play, beauty, laughter as a condition of constituting the person's inner world); 2) the *problematically* possible (the value of cognition and creativity); 3) the really possible (the value of free will). In all these cases ("a rollback from reality", the reality overcoming, the reliance on reality) possibilities are produced and reproduced in the process of activity; they are mediated by activity in their movement.

Furthermore, from the position of the subject as "a producer of possibilities" not only things exist "in the envelope of possibilities", but *possibilities* do exist *in the envelope of things*. This, of course, is not only about the instruments and products of labor (though about them as well), but also about signs, symbols, texts, through which people *communicate* to each other their feelings, thoughts, intentions, and meanings. We cannot directly *pass* our feelings (our emotions, ideas, senses), but we can pass on to others the *possibility* to experience these, by entrusting them *things*. It is important to note that things in themselves are only means and no more than means of translating possibilities. We say that things "serve" us. This means that they pass on the

(Starovoytenko, 2013a, p. 76). "Experiencing 'I can' a person acquires, asserts themselves as the subject of own life that allows to consider such experiences as 'points of amplification of subjectness'" (Stankovskaya, 2012, p. 127).

⁸ Effect of flutter (spontaneously occurring vibrations of the aircraft, usually at a critical velocity) is used by coaches as a metaphor describing the conditions of personal growth of people. My colleague, I.M. Shmelev, considers the phenomenon of "passing the flutter" to be of particular importance when studying "the coping behavior" which is not identical either to copings or to defense mechanisms revealed in difficult life situations (Shmelev, 2015).

possibility to feel, to think, to act, to desire.

In *processes* of communication people's possibilities are united into something real, established (and again moving, implementing, transmitted as a possibility). Through this translation of possibilities mediated by things chains of inter-subject connections function ("subject assemblies" (about them below)).

And thus, the problem of the *subject* – more precisely, the individual seeking to establish himself as a subject – is twofold: to release the possibilities inherent in himself and to extract the possibilities provided by the world ("appropriation"); both processes are generally addressed to possibilities, to their development. And, as we would like to point out, they do not just "serve" anything that inspires them but they have value in themselves.

Possibleness of desires as the criterion of subjectness. This understanding of subjectness is developed in the *model of Possibleness* of an individual (the concept of *Possibleness*, as we shall see further, implies possibilities available for an individual as a condition for the production of new opportunities⁹).

In our model (Petrovskiy, 2008a, 2008b, 2013a), that brings together the states "I can", "I want", "I have" and "I achieve", there are representations that characterize the dynamics of the individual possibilities in successive moments of time. In this process, the internal possibilities of an individual ("I can") turn into his wishes ("I want"); his wishes are turned to external resources ("I have") interacting with which they condition results ("I achieve") the latter serving as a source of new coils of activity (a new "I can" becomes a new "I want", etc.).

Let us consider in greater detail what *Possibleness* means. The need to introduce this new term into psychology is due to the fact that in science there is no word that combines two meanings presupposing each other: resources and requests (possibilities and urges) of an individual. Of course, the term "potency" might seem appropriate, but in Russian, alas, this term has a specific connotation that limits a wider contextual use.

In a qualitative description the *Possibleness* is well-being and favourable disposition; happiness and the ability to experience it; a satisfaction with oneself and striving for new

⁹ In this paper we do not consider the origins of the construction of this model presented in models of the subject being ready for a bipolar choice developed by V. Lefebvre (Lefebvre, 1996, 2003, 2004) and in the multivariate model of normalized behavior of T. Taran (Taran, 2000, 2001). We undertook this analysis in some previously published works and, in particular, in the monograph (Petrovskiy, 2013a), dedicated to V. Lefebvre and T. Taran. I should only note that in the model of self-establishment presented here by the author we discuss rather not a reflective picture of relations developing between the subject and the world, but ways of describing the dynamics of behavior of the subject in the environment, as well as mechanisms of purposeful behavior in the field of internal and external possibilities-resources. In this context, the author has tried to understand the fundamental concepts of the reflexive theory of V. Lefebvre as a source of important heuristics in the study of the motivation of behavior and the multisubject phenomenology of personality.

achievements; delight in what you strive for, and, equally, the strive to what you enjoy; the feasible ways and efforts to manage those ways. Generally, *Possibleness* is a totality of the *manifested possibilities* of an individual which are experienced as “I can” in union with “I want”; it is a core of possibilities inducing activity; in one word, it is a state of active well-being.

In a formal description, based on the mathematical symbols, *Possibleness*, w (of *well-being*), can be defined as the sum of newly acquired possibilities ($x \cdot y$) and actualized reserve possibilities ($1 - x$), where x stands for available internal possibilities, and y is the possibilities offered by environment. We shall explain what the product of $x \cdot y$ means. As it has already been said, x represents an individual’s available possibilities (“I can”). We postulate that the strength of “I want” (the desire to implement the available internal possibilities) is relevant to the level of “I can” (the amount of these possibilities). This way, x in the product $x \cdot y$ can be interpreted as an incitement to the use of available internal possibilities (since it is quantitatively equal to the amount of these possibilities, to make the narrative simpler, we shall say that the strength of incitement is indicated by the same symbol as the amount of possibilities). When the motivating possibilities *are implemented* in contact with the possibilities offered by the environ-

ment, the reserve possibilities (the amount of which equals $1 - x$) become *actualized*, or *known*. All variables in the formulas are positive and do not exceed 1, symbolizing the maximum of both possibilities and requests. So,

$$w = 1 - x + x \cdot y$$

An implicative form of writing can be used when describing Possibleness:

$$w = x \supset y = 1 - x + x \cdot y$$

It reads: “The request x is implemented revealing additional internal resources, $1 - x$, while relying on an external resource y ”. We shall also give another formulation which will be more concise: **“support of x drawing on y ”** (see a more detailed account of the model in the book (Petrovskiy, 2013a) and also in Note 3).

The concept of *Possibleness* allows the definition of *Subjectness* as the individual’s desire to new possibilities which are acquired and appropriated by them. Such an understanding of subjectness, as we can see, is based on the general idea of *causa sui*, which, in relation to an individual, means both the source and the result of the opportunities potentially inherent in the individual and actively explored (believed) by him¹⁰.

Terms the Possibleness optimum. We shall first describe the optimal balance

¹⁰ There is another view stipulating that the subject is a kind of integrity combining in itself all that is possible to combine, while the word “subjectivity”, which is gaining more and more popularity, loses its specificity dissolved in a sea of words that describe human personality. Against the background of a thoughtless use of the word “subject” (which is transforming into a tradition), as V. Zinchenko wrote, views of the authors who have contributed both a special understanding and critical reflection of the term by reference to “person”, “individuality”, “I”, are becoming more and more significant. To this end

between requests and resources of the subject on the basis of the following *simultaneously implemented* conditions of optimality (the optimum criteria): 1) The subject's achievements w are not less than the requests-efforts invested into the achievement: $w \geq x$, which corresponds to the motto "Get your investments repaid"; 2) The newly acquired xy to the maximum extent exceed the reserve possibilities $1 - x$, i.e. the ratio $xy : (1 - x)$ reaches a maximum, which corresponds to the motto "Be efficient"; 3) A minimum of external possibilities y is involved, which corresponds to the motto "Save up"¹¹; 4) The strength of the requests x , inducing the effort, is maximum, which corresponds to the motto "Do not skimp on efforts".

The requirement for the simultaneous compliance with all conditions of the Possibleness optimum can be reduced, for example, by maintaining a combination of "Get your investments repaid" and "Save up", or "Get your investments repaid" and "Do not skimp on the efforts", or "Get your invest-

ments repaid" and "Be efficient" (the condition "Get your investments repaid" is regarded as common to all variants of the Possibleness optimum). It can be shown (the proof is given in my book (Petrovskiy, 2013a)), that when all the above mentioned conditions of the Possibleness optimum are simultaneously complied, the level of the request is $x \approx 0.62$, the level of external resource is $y \approx 0.38$, the acquired Possibleness is $w \approx 0.62$ ¹². That is, in this case, the request x is equal to the acquired possibilities: $x \supset y = 1 - x + x \cdot y = x$ (in fact, $0.62 \supset 0.38 = 1 - 0.62 + 0.62 \times 0.38 = 0.62$). The special case when in a situation all four specified conditions are implemented (we will come across such a situation!) should be called a *privileged point of the optimum*.

Now the terms, as we would say, of an *ordinary* point of the optimum should be defined. We shall note that the requirement introduced earlier for the simultaneous compliance with all conditions of the possibleness optimum can be reduced, for example, by maintaining a combination of "Get your investments

we should mention such philosophers, methodologists and psychologists as B.G. Ananiev, L.S. Vygotzky, A.N. Leontiev, V.N. Myasishev, S.L. Rubinstein, D.N. Uznadze, V.S. Bibler, A.V. Brushlinskiy, L.M. Vekker, M.K. Mamardashvili, O.A. Konopkin, A.V. Petrovskiy, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, V.M. Allahverdiv, A.G. Asmolov, V.G. Aseev, V.K. Zaretsky, V.V. Znakov, A.V. Karpov, T.V. Kornilova, A.N. Krichevets, D.A. Leontiev, V.E. Lepzky, K.S. Lissetskiy, V.I. Morosanova, Y.A. Mislavsky, A.S. Ognev, A.G. Osnitsky, V.N. Porus, T.M. Ryabushkina, V.A. Tatenko, E.V. Saiko, E.A. Sergienko, I.G. Skotnikova, E.B. Starovoytenko, V.V. Stolin, V.D. Shadrikov, and B.D. Elkonin (this is with all my being that I feel how incomplete this shockingly long list is!). I could also mention in this list the names of some foreign scientists, among them: Henri Bergson, M.Foucault, R. Ackoff, F. Emery, D. Dennett et al., but I have to stop myself because each of those thinkers, like, however, both mentioned and not mentioned here Russian authors, does not deserve the fate of being "just on the list."

¹¹ "The world is not so sunny and friendly" (Sylvester Stallone, *Rocky 6*); "Better not feel your mouth watering!" (an unambiguous offer not to expect too much.)

¹² This ratio of values corresponds to the famous "golden section" when dividing a single segment into parts: 0.62 and 0.38 ; here the equality is: $0.62 + 0.62^2 (= 0.38) = 1$.

repaid” and “Save up”, or “Get your investments repaid” and “Do not skimp on the efforts”, or “Get your investments repaid” and “Be efficient”. In all these cases we mean *a point of the effort optimum* (some other expressions can be used that carry the same meaning: “the implementation of the *optimum effort*”, “*rational strategy of activity*”, etc.). As you can see, the requirement of “Get your investments repaid” is considered here in combination with other conditions of the optimum. It can be shown (and this is very important), that in all these cases, the condition $x \supset y \geq x$ turns into the relation of strict equality $x \supset y = x$. This means that the subject’s requests are not less than the actualized and acquired resource (that is, one cannot by a fluke acquire something more than one has invested) (Petrovskiy, 2010b, 2013a).

Speaking of the *Rational Subject* (the subject *as such*), we mean the individual who reaches the possibleness optimum, which means

$$w = x \supset y = x$$

(Possibleness corresponds to urges)

Along with the rational subject, we distinguish two forms of the *irrational subject*:

- *Over-adaptive subject* spends relatively little effort, gains more than

spends ($x < w$). The gained good is the result of actualizing mainly the backup resource, not a newfound experience (the efficacy of activity is low).

- *Active-non-adaptive* (“supra situational”) subject spends relatively more effort than he counts on gaining ($w < x$), but he is effective: the newly acquired experiences dominate in the structure of the accumulated possibilities¹³.

The formal definitions which allow us today to differentiate between “rational”, “over-adaptive” and “active-non-adaptive” subjects are given in the books (Petrovskiy, 2010b, 2013a). Separating the different forms of subjectness and raising the question of the conditions for the possibleness optimum, we have to leave the space of a single subject’s being and address multi-subject constructions constituting the prerogative of the psychology of personality. This forced shift of the focus is determined by the fact that the single subject is not always capable of achieving the possibleness optimum of its own: it needs someone else to do so (another, others).

A single subject and merging of subjects

People come together when conditions of environment do not allow anyone

¹³ The idea of the active non-adaptiveness as related to people for whom such manifestations of activity are typical generates images of “non-adaptants” as opposed to “adaptants” (Asmolov & Gusevtseva, 2008). Non-adaptiveness is not, unequivocally, dis-adaptiveness. Active-non-adaptive people (“non-adaptants the heroes”, “non-adaptants the explorers”) do not prosper but they are fundamentally different from the unsuccessful, immature, helpless — the so-called “unadapted” people. The irrationality of their behavior is that they are not guided by the criterion of momentary well-being; their efforts are redundant with respect to the expected acquisitions. Perhaps the desire to spend and gain is more important to them than the desire to save effort. And this trait, in my opinion, may be an additional explanation for the stability of the phenomenon of “active non-adaptiveness” (supra situationality) in the society: “non-adaptants”, “rising above the situation”, can see farther and achieve more in the future than those who “adapt.”

of them to achieve the Possibleness optimum on one's own¹⁴. However, we cannot exclude the case when one person is still able to achieve the desired without entering into cooperation with others (i.e. in our terms, establish himself as a subject). This is certainly possible if the environment, as if tuned to the individual, is prepared to allocate for him any resource, and in particular the possibility of reaching the desired state at the level of 0.38, while the individual himself is able to vary the strength of their intentions, getting to the level of 0.62. At first glance, this situation seems too artificial, to consider it important (imagine how unlikely it is that the random events – $x = 0.62$ and $y = 0.38$ – have come together). However, we still distinguish this special case, and define it as an example of the functioning of a *single subject in the environment*. We shall specify this individual as a *self-employed farmer* (other appropriate terms are *sole proprietorship*, *private person*, etc).

Self-employed farmer (or one's own master). His position is as follows: "Everything is up to me." It means: "I do not have business relations with anyone"; "I am my own master"; "I achieve my goals myself"; "I rely on my internal possibilities and act with full dedication"; "I personally solve every problem." This can be shown as follows:

$$\textit{self-employed farmer} \supset \textit{environment}^{15}$$

The mathematical model that can describe the optimum conditions to achieve Possibleness, suggests how hard in this case I have to seek to act, and what is the proportion of the possibilities offered to me by the environment. If we want the achievements of the self-employed farmer to comply with his wishes, in the formal language this means:

$$w = x \supset y = 1 - x + x \cdot y = x$$

Generally speaking, if a given individual really wants to win a situation

¹⁴ The phenomenological analysis of what we call *possibilities* could convince us that they combine *dependence* on someone (*someone*, not something) who can choose the one and only trajectory from a variety of them, and – the *independence* of this choice from any intervening causes. Possibilities, unlike probabilities to which chance is inherent, are determined by *someone*, not *something*. A "hidden subject" selecting one of the many implementations, originally does not represent a person known to us, it is completely anonymous and is not recognized, or rather *it* as a personified figure does not exist. "And by the light house, feeling anxious, I was alone with the darkness. The impossible was possible, but the possible was a dream." Blok's "alone with the darkness" accurately expresses the essence of *possibilities* as including unrecognized subjectness. Phenomenologically it can be depicted as the presence in a situation of a "general subject", which combines efforts and achievements of private subjects in achieving the goals of the subject-protagonist. "Having detected a trace of such a "collective I", the person realizes himself as a potential place of meeting, of transformation, of implications, of expanding the existence of countless "Is". It becomes *possible for the personality in the horizon of life to join the active power of the transcendental I to realize a self-transcendence*" (Starovoytenko, 2013b, p. 192).

¹⁵ We use underlining to show *who* is the protagonist (the main character, or the *customer* in interactions); underlining in the expressions, which contain the sign \supset (for example, I want \supset I can = I achieve) will also indicate what elements are eventually matched (here the latter are "I want" and "I achieve").

by achieving the desired (i.e. his desire is $x \geq 0.5$), then, as we have said, in theory he always has such a possibility (we can always choose a resource y , allowing to solve this task, that is to turn “I want” relying on “I can” to “I achieve” (which is equal in strength to the original “I want”). When in compliance with the conditions of optimality, we have $x = 0.62$; $y = 0.3$, $w = 0.62$ (“the golden section”). In this case $0.62 \supset 0.38 = 0.62$.

Earlier we said that such a situation may seem too artificial. But some empirical studies (we will discuss them below) show that a *single subject* in a situation of solving problems of a certain class (“problems to one’s taste”) generates the *incitement* to succeed at the level of 0.62 . And if we assume that he himself is his first “partner” in the interaction, then the “environmental” factor here is presented by his own reserve possibilities at the level of 0.38 .

Considering the idea of a single subject, we, in terms of the theory, can do without distinguishing between the objective and subjective aspects of reviewing an individual’s life; we leave the subject one-to-one with the world. In this sense there is no one who would build an image of what is happening different from reality that is embodied in the image. The world is not split into the “world in the mind of the subject”

and the “world as it is.” There may be two options:

- *Behavioral approach.* Following the examples of J. Watson or I.P. Pavlov, (who, contrary to opinions of naive students, when studying behavior, were never obsessed with the idea of the lack of consciousness (i.e. subjective experiences) of living beings), we do not insist on “non-reflectiveness” of the subject. It is just that the reflection is not included in the scheme of interpretation of his actions and reactions¹⁶.

- *Introspective approach.* In this case, we do not leave the sphere of consciousness. Possibilities and requests relevant here are *perceived or imagined* possibilities and requests; they are experienced by an individual as “I can”, “I could”, “I feel the strength”, “I want”, “I get”, or “I achieve”. Also, as in the description of the subject from the outside, in the behavioral paradigm, the world of introspection does not split into subjective and objective. The subject is left alone with the world, actualizing his hidden possibilities, combining them with newly acquired assets of experience, forming new requests, etc.

In both cases, it appears that such a subject, as if simplified, flattened, and “reduced”, is of great interest for the study, allowing us to see in its example, in terms of L.S. Vygotsky, the “unit” of analysis of Possibleness.

¹⁶ The reduction of subjective phenomenology (not to be confused with “phenomenological reduction”!), to some extent simplifying the situation, also makes it more complicated for understanding and giving a verbal description. Everything that happens can be described here in the dynamic terms (“power”, “tension”, “resource”, “energy”, “focus”, “movement”, etc.) instead of the expressions of a psychological thesaurus (“activity”, “need”, “request”, “drive”, “satisfaction”, “hunger”, “state of satiety” etc.). Although these phenomena can be ultimately understood without the involvement of subjective psychological categories (like “I want”, “I can”, “I get”, “I strive”, etc.), we take the liberty, in the interests of clarity, of using words of general language to explain the essence.

Illustration 1. “Trust, but verify! — But how much?”

Imagine negotiating with contractors. It is believed that negotiating parties find it important to follow the principle of “trust, but verify.” But the question arises: what, for each of the parties, shall be like the ratio of the levels of control x and trust y , so that the four conditions of optimality (“Get your investments repaid”, “Be efficient”, “Save up”, “Do not skimp on efforts”) are followed?

Answer: The efforts needed to be in control should be 62% of the maximum possible (hypervigilance, $x \gg 62\%$, is irrelevant), while the level of trust in the counterparty should be 38% (at a substantially lower level of trust ($y \ll 38\%$) is better not to sit at negotiating table unless there is a choice). Indeed, it is easy to check that in the ideal case

$$\underline{0.62} \text{ (level of control)} \supset 0.38 \text{ (level of trust)} = \underline{0.62} \text{ (level of reliability)}$$

Vigilance manifested by a negotiator is rewarded with his confidence in the reliability of the person at the other side of the table, or, in other words, the control efforts are best combined with trust to the other side.

Illustration 2. Hopes and disappointments in love.

Suppose someone is in love. He has fallen in love with a pen-friend, and wants to see the object of his love — the beautiful lady — every day, seven days a week. Alas, she is ready to meet up with him only on Thursday evenings, and there are no opportunities in her future other than that (as he is told at the first date).

So *his* desire at the start of dating equals $x = 7:7 = 1$; her “gifts” are $y = 1:7 \approx 0.14$.

The Possibleness of his desires (the experienced satisfaction) as a result of their first contact is as follows:

$$w1 = 1 \supset 0.14 = 1 - 1 + 10 \cdot 14 = 0.14$$

(“disappointment”)

Of course, judging from the experience of the first date, there is too little to expect; the incentive to action, determined by the not too successful experience of the first date, equals only 0.14. But the lover does not despair! After all, he has retained the energy of unrequited love! These unclaimed (we shall call them “reserve”) possibilities are equal, obviously, to $1 - 0.14 = 0.86$. If they are put in action (realized, actualized), then they will “join” the success of a future date as a source of hope for the future. In this case, Possibleness of the lover’s desires as a result of the second date will be:

$$w2 = 0.14 \supset 0.14 = 1 - 0.14 + 0.14 \cdot 0.14 \approx \approx 0.86 + 0.02 = 0.88 \text{ (“encouragement”)}$$

But the encouragement that has visited the lover, alas, does not last long. New contacts on the same terms of rare meetings bring new disappointment, but it is, however, not as great as at the first date (due to a certain adaptation):

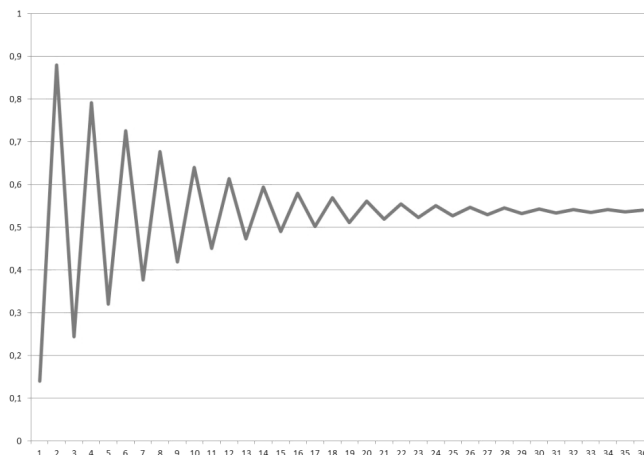
$$w3 = 0.86 \supset 0.14 = 1 - 0.86 + 0.86 \cdot 0.14 \approx 0.14 + 0.12 = 0.26$$

This process can be continued on ... Hopes, crashes, ups and downs... Where does it all end up if the lovely lady is as adamant? The diagram of the Possibleness dynamics (satisfaction) with the contacts is given in Figure 1.

As you can see, the frustration experienced by the lover during the first

Figure 1

The dynamics of love: “hopes – disappointments”

week (“flop” as they sometimes say) leads to a certain correction of motives: the amplitude of the emotional oscillation decreases and the satisfaction with the contacts reaches the mark “fifty-fifty”. Within 4–5 months the Possibleness of the amorous desires becomes consistently above 0.5 (> 50% of the satisfaction with the relationship) and by the 9th month they almost freeze in the area of 0.54 (which might give lovers the following lesson: keep some optimism in love, even if this feeling is not shared; it will be over (= continue) more or less smoothly.

In contrast to the first example (the negotiator has the possibility to choose with whom to negotiate matters), here the man, at least at the beginning of his relationship with his beloved, “has no choice” (as they say, “passion drives

him”). “The Negotiator” is able to carry out an optimal choice according to the exposed above criteria: in contact with the other side a proper level of trust and control is set. The lover is only gradually getting to one of the points of the Possibleness optimum (“I get what I want”).

But what to do, if both internal and external resources available preclude the possibility of variation? Or, say, if you cannot, as in the previous example, approach step by step a coincidence of requests and achievements?

We assume that in such cases it is possible to start cooperation with the other subject (for example, the lover can win a special favour with a friend of the object of his love, having in the face of the friend a “continuation” of the contact with the beloved)¹⁷.

¹⁷ Here is another, this time empirically grounded example, from the article by E.A. Sergienko (Sergienko, 2009). Criticizing the model of “exhausting” of the resources in the course of self-regulation proposed by B. Schmeichel and K. Vohs (Schmeichel, Vohs, & Baumeister, 2003), the author writes: “The use of individual resources in a situation of bearing a child, suggesting an increase of efforts,

So, the problem is that a person coming into a direct contact with the environment not always has a chance to reach the Possibleness optimum, i.e. to realize themselves as a subject. However, in such life situations certain salvational compositions of subjects (various “Is”), can be created forming a multi-subject space of being of the personality and in coordination with each other become capable to achieve the optimum¹⁸.

Author — Expert. The relationship of the author with the expert, and through him with the outside world can be described as follows:

$$(\underline{\text{author}} \supset \text{expert}) \supset \text{environment}$$

In numerical terms, thanks to the activity of the *expert*, the Possibleness optimum corresponds to the following situation:

necessarily includes the interaction between a woman and her family. According to the model (of the authors mentioned), the situation would have to lead to an ego depletion. However, as shown by our results, the woman begins to use not only her resource but also her own family’s resource as the safe childbearing is a common goal. The formation and implementation of the behavior control are associated with the subject characteristics of partners involved in the situation, especially of the family environment (attitudes of her parents, spousal support and participation. Analysis of the link of the situation partners behavior control allows us to consider the family as a collective subject which has its own specifics related to complex system processes aimed at maintaining the integrity of the family. A correlation analysis the performance of the spouses shows that their individual personal and subject indicators are either consistent or compensate each other in accordance with the peculiarities of the situation, in this case the situation of gestation.

¹⁸L.A. Karpenko offered an important construct that describes the effects of stimulation of an individual in terms group-forming activities — “movement of the motive” (the motive is defined by the author as “the activity of a specific strength directed at an object”). “In the process of interaction and communication,” says L. Karpenko, “one subject as if “broadcasts” his activity to the other, raising the other’s oncoming activity, while the second subject can transform the meaningful and/or emotional-evaluative aspect of the perceived motive and then “broadcast” it to a third subject (or to return it to the first if they are in a dialogue). The idea of “movement of the motive in a group acting together allows us to understand the mechanism of assimilation by an individual socio-cultural experience, that is, the mechanism of internalization-externalization.” (Karpenko, 2005, pp. 125–126). The idea of movement of the motive is of interest to us both in terms of the analysis of inter-individual interactions (“subject assemblies”), and functioning of multisubject personality, within which various “Is” become carriers of the moving motive” (which will be considered by us further). “Movement of the motive”, in our opinion, could be compared with passing a ball from one fielder to another, with the “message stick” etc., but the analogy is incomplete, since passing the ball or the baton to another member of the competition, they remain without a ball or stick. But movement of the motive is different, it is like a fire transferred from one object to another: it does not disappear, but continues to burn. The passing while transmitting a resource does not lose it, it continues to possess the information and feel the rise of forces, informing and inspiring the other participant of the interaction. In economic terms, it is an example of what I would call *cost-free transactions*. For this reason, we can use an information resource counting on a copy and keeping the original intact. This is what happens when we *rely on ourselves* committing an act of volition (about this — below).

$$w = (\underline{x} \supset x') \supset y = \underline{x}$$

The *expert* is the *subject* supplying the author a resource x' , necessary to the latter in order to achieve the desired Possibleness optimum. He simulates the prospect of possible meeting his (the author's) original request x ; although it is only a possibility of satisfaction, this fantasy is justified by the fact that, ultimately, a correspondence is set between the original request of the *author* and his Possibleness (satisfaction).

Let us, for example, assume that the request of the *author* is 0.7 , and the external resource equals 0.2 . Accordingly, the Possibleness is as follows: $0.7 \supset 0.2 = 0.3 + 0.14 = 0.44$ (which, as we can see, less than the original request 0.7). It is not difficult to calculate the resource supplied by the *expert* providing an adequate implementation of the request, namely $x' \approx 0.11$. Let us verify: $(0.7 \supset 0.11) \supset 0.2 = 0.7$. Thus, due to the conditional ("artificial") reduction of the request from the level of 0.7 to the level of $0.7 \supset 0.11 \approx 0.38$ the desired consistency is reached between the original request and the achievable level of Possibleness. The *author* accepts the recommendation of the *expert* to take a less accessible target and thereby achieve the desired.

Leader – Partners. Let us consider another type of situations in which the protagonist acts this time on behalf of two subjects: himself as the bearer of a primary request x , and another subject, we shall call him a *partner*, whose y resources he relies on (this could be another team member, a co-executor in a project, an employee, a colleague, a friend, an associate, etc.). An essential point here is that the *leader* does not

only rely on his partner in his activities (getting a chance to acquire the latest information, important landmarks, assessments, or to come up with some creative solutions), but also takes care of achieving a common result of their joint efforts. Under such circumstances the leader has a new request, that of continuity with the original one and at the same time dependent on the amount of the resource supplied to him. The structured place of both participants is shown below:

$$(\underline{leader} \supset \underline{partner}) \supset \underline{environment}$$

Unlike the *expert* that allows the author to carry out his interests changing the level of experienced desires to an object, the *leader* and his *partner* together form a new request. The value of the new request is $x \supset x'$, and this request must be adequate to the possibilities of its implementation:

$$w = (\underline{x} \supset \underline{x'}) \supset y = \underline{x} \supset \underline{x'} \text{ (not } x)$$

In our previous example, the following must be satisfied: $(0.7 \supset x') \supset 0.2 = 0.7 \supset x'$. Calculations show that in this case the resource presented by the *partner* should be equal to about 0.37 . Let us verify: $(0.7 \supset 0.37) \supset 0.2 \approx 0.559 \supset 0.2 \approx 0.553$ (the error in six thousandths ($0.559 - 0.553 = 0.006$) is due to the chosen level of the measurement accuracy).

It is important that the *leader*, leading the process, also represents interests of the other partner, as well as interests of the team as a whole. He often feels being in the process of collective action, part of the common "we".

But this feeling of community could be lost. This (the loss of the "we" feeling)

often appears post factum, when the joint activity is over, and everyone in the team recovers in memory the traces of their own involvement in the case. Why does this happen? A possible answer: because in the *product* of collective efforts not only the process “dies” (as Hegel and Marx wrote), but also the dynamic *possibilities* of producing the product wear off, and they, as we remember, encompass in themselves the presence of the universal “I”.

An illustration to that can be found in a work by A. Krichevets (Krichevets, 2010). The researcher sharply draws the contours of a solution of one of the deepest problems of the psychology of subjectness: namely, “interaction and sovereignty of consciousness.” Revealing the nature of “immediate presence of inter-subjective” in psyche, the author does not reduce his narrative to phenomenological statements; he is concerned with a question which has not become outdated over two hundred years: “how possible” the existence of certain phenomena, seen in the disclosure, is. Thus, feeling all the paradox of the plot, he fully describes feelings once experienced by him in the course of a joint work with some colleagues. At some point in common activity: “I realized that the picture was clear to me and began to describe it to my colleagues who immediately accepted my idea and started to develop it... At the next meeting we were given a printout of the previous meeting transcripts... A foreign reader, perhaps, would not be able to restore the solution which we had found by reading the text. I was particularly surprised that no trace of my authorship of the basic idea was contained in the transcript, even at a very biased view. To my consolation, it

was also impossible to attribute the authorship to any of my interlocutors... The *documented* reflection does not allow to allocate and separate positions of participants in a dialogue even in hindsight... Actually such joint activities would be wrong to be called a dialogue. This **joint thinking**, in which the participants partially abandon their autonomy in favor of strengthening of thinking due to the interaction, in which words are only guidelines supporting the movement of thought (in our terms, we are talking about a *possibility*. – V.P.), they improve its course but do not set explicit content” (p. 128).

Master – Worker. The master the protagonist, in this case, relies on results of the worker’s labour who comes into direct contact with the environment (which is the object of the protagonist’s needs). Now we have the following scheme of the subject assembly:

$$\underline{master} \supset (worker \supset environment)$$

Here the master symbolizes a person who is interested in *someone* i.e. the *worker* performing for him some part of the work required instead of him; the result of this work substitutes a fragment of the environment for him. These are the relations between an employer and an employee, a landlord and support staff, an officer and an orderly, a master and an apprentice. Let us suppose that an original request of the master is implemented into an adequate outcome of achievements. Let the request, as before, be equal to 0.7, while the resource provided by the environment is 0.2. The *master’s* Possibility in this case is $1 - 0.7 + 0.7 \cdot 0.2 = 0.44 (< 0.7)$. It can be shown that the request of the *worker* necessary to

achieve the Possibleness optimum in this case must be ≈ 0.54 , while the resource provided must be $0.54 \supset 0.2 \approx 0.57$. Now we see that under these conditions the master's Possibleness corresponds to his desires: $0.7 \supset (0.54 \supset 0.2) \approx \approx 0.7 \supset 0.57 \approx 0.7$. Obviously the *worker* provides the *master* with a far greater resource than the *environment* originally does (cf. 0.57 and 0.2).

Concluding this section, we shall note that references of the parties in an interaction may be different. What counts is the essence of ongoing interactions from the perspective of a protagonist. It so happens what a formula says is clearer than the talking about it. We shall afford, by way of illustration, to leave open the question of "how to rename" positions of the spouses in an Odessa joke recently heard by the author:

"Syoma, I heard you got married?"

"Well yes."

"Congratulations! Are you happy?"

"Sarah says yes."

Here is how it looks in the "formulaic recording": $x_{Syoma} \supset (y_{Sarah} \supset x_{Syoma}) = 1_{Syoma}$.

Let us explain. It seems that in this family $y_{Sarah} \supset x_{Syoma} = 1$, i.e. *Sarah* feels quite happy with *Syoma*, and if so, then *Syoma*, based on his conversations with *Sarah*, should feel happy: $x_{Syoma} \supset 1 = 1$; *Syoma's* sad cunning in his reply to a friend is due to the fact that even if *Sarah* was unhappy with *Syoma*, and moreover quarrelsome ($y_{Sarah} = 0$), while *Syoma* has got hardly any energy and desire to live with her, $x_{Syoma} = 0$, we have: $0_{Syoma} \supset (0_{Sarah} \supset 0_{Syoma}) = 1_{Syoma}$. As we can see *Syoma's* position cannot be considered a *subject* one: he does not want to live with her, $0_{Syoma} = 0$, but he has to feel happy, 1_{Syoma} .

Vygotsky's "Formula" and the multi-subject organization of personality

Based on an abstract understanding of the *subject* and its *Possibleness*, we highlight several forms of existence of personality: the reflecting subject and the subject of internal communications. In all these cases we have to deal with personality as a multi-subject formation which has a different level of *subject complexity* (Petrovskiy, 1996b).

In the previous section we discussed the subjects entering into external interaction with each other. In a sense, each was a part of the environment of each other's existence. However, it is permissible to assume that each of the subjects included in the ensemble of the activity participants and hence "part" of the collective subject, can exist not only in the inter-subject space, but also within the personality, be a special part of it, enter into dialogue with itself and with other subjects, to act together with them or resist them, etc. (Petrovskiy, 1981a, 1981b; Petrovskiy & Petrovskiy, 1982; Petrovsky, 2014). It is understood that the internal compositions we are speaking about are derived from the external ones, formed by real individuals who enter into communion.

What is the basis for the accepted assumption? For a psychologist who is familiar with the cultural-historical theory of L. Vygotsky, the answer is obvious. It is a general law of development of higher mental functions of the person, as L. Vygotsky saw it: "Any higher mental function in the child's development", wrote the creator of this theory, "appears on the scene twice: first as a collective, or social, activity,

the second time as an individual activity, as the child's inner way of thinking." (Vygotsky, 2005, p. 355). In other formulations of the law it is emphasized that originally this is a function of socio-psychological adaptation as a form of interaction and cooperation between people, as an interpsychological category; later — as a form of individual adaptation, as a function of the psychology of personality, as an intrapsychological category... "It is about voluntary attention: memory etc., etc. This is a *law*... The individual is "not contra but the highest form of sociality" (Vygotsky, 2005, p. 54)¹⁹.

Vygotsky's formula of development is often cited, but it is rarely used by psychologists as a basis for formulating hypotheses and setting experiments. The wonderful promise to implement this theoretical intention of Vygotsky, expressed in the works of A.N. Leontiev (there is a well-known example with a beater whose purpose is not the same as his motive), would encourage researchers to trace the birth of an individual activity of the collective one, but the momentum has not yet been sufficient-

ly implemented. The exceptions are some dramatic works of Russian psychologists focused on the problems of education and development (Rubtsov, 1996; Panyushkin, 1979; Elkonin, 2001; Karpenko, 2005; Krichevets, 2010). In these papers, there are theoretical and methodological prerequisites of the research of subject, and in particular motivational, aspects of collective distributed activities *within* the individual; but the empirical development of this direction is still at the beginning (which, incidentally, is true of the author of these lines).

Among the developments made away from the construction of the genius Russian scientist-psychologist we could mention some developments (close to them in their methodological premises) made by Eric Berne the creator of transactional analysis. In his original writings and the works of his followers the same idea of the presence of social in the individual human psyche is developed. Berne himself attributed his approach to "social psychiatry"²⁰. "The actors" of a social drama executed by internal positioners in this

¹⁹ Some more quotes of L. Vygotsky: "The scheme is as follows: first, a person is screaming and fighting, an imitating one is doing the same, then one is shouting but not fighting, the other is fighting but not shouting: an employer and a subordinate..." "All the higher functions and their relationship are based on genetically social relations, real relations between people. Homo duplex ('a double person', Lat.). Hence the principle and method of personification in the study of cultural development, i.e. the separation of functions between the people, the personification of functions: for example, voluntary attention: one possesses — the other is possessed. The division again in half of what is merged into one... an experimental deployment of a higher process (voluntary attention) into a small drama... all higher functions developed in phylogeny not biologically, but socially... their mechanism is an impression of the social. They are transferred into the individual, internalized attitudes of the social order, the foundation of the social structure of personality. Their composition, genesis, function (mode of action) — in a word, their nature — are social. Even being transformed in the personality into psychological processes, they remain quasi-social..." (Vygotsky, 2005, pp. 1021–1022).

²⁰ Taking the risk of being subjective, I still think that, bearing in mind the prospects of social therapy in the world, Eric Berne is the Vygotsky today. The analysis of psychopathology of development

system were declared *Adult*, *Child* and *Parent* — the so-called Ego states, which represent phenomenologically distinct patterns of thoughts, actions and feelings of an individual.

In the works of another prominent theorist, V. Lefebvre, we deal with the *reflective subject*, that is, an individual who acts based on reflecting of the environment and himself in the environment (Lefebvre, 1996, 2003, 2004). The individual in this theory is as if doubled, tripled, etc., building a self-image, the image of self-image, etc., as well as images of other individuals with self-images of themselves and others inherent to them. In this theory, we deal with a mathematical model of the subject in *two perspectives of consideration* — from inside and from outside, subjective and objective. The honor of combining the two forms of manifestation of subjectness within a single scheme of analysis and, in particular, conditions of (subjective) intentions of the subject and his (objective) willingness to follow these intentions, belongs to V. Lefebvre. He has undertaken some research that yielded results so impressive that I will allow myself (and I suggest that my colleagues do the same), a reference to the reflective subject, to say "*Lefebvre's subject*", relating, thus, with the whole area of research, produced by the creator of reflexive theory. *Lefebvre's subject* is able to reflect on

not only itself in the environment, but also on *other subjects*, while they can also be endowed with reflection, hence complex (multi-stage) models of subjectness are born. We shall note that the mathematical models proposed by V. Lefebvre are highly heuristic. The principles of their construction, variables and operators that appear in the models ("the positive and negative poles", "intention", "pressure of environment", "the image of the pressure of environment", "intentional choice", "implication" etc.), may be diversely interpreted in terms of the psychology of motivation, attitudes, activity, consciousness, and personality (see the materials of my conversation with V. Lefebvre — Petrovskiy, 2013b).

From the correlation of these approaches a distinct trend in the development of problems of personology of the subject appears: the analysis of the multi-subject organization of personality and in particular of the internal interactions between subjects forming personality. For each of these internal subjects, we can say, "I" (though, entering into a relationship with each other, these various "Is" acquire various forms: "my I", "my "you", "he" ("she") in me", "I and you", "I without you", "you without me", etc., etc.; as well as: "autocratic I", "private "I", "cross-individual I", "superior I", "situational I", etc.)²¹. This opens a picture of diversity ("united

at the intersection of the object relations theory, the activity theory and the cultural-historical theory is presented in the work by A. Ryle (Ryle, 1991), where the author quite reasonably interprets them as compatible, complementary and, combined, contributive to the integration of psychotherapy.

²¹ Language games with "I" open quite serious prospects for the use of a spectrum of epithets and transformations of this term in the personology of subjectness. They allow to describe adequately the multisubject structure of consciousness (Petrovskiy, 2009b, 2013b), the vital relationships of personality (Starovoytenko, 2013a), interindividual interactions in the process of therapeutic and counselling work

multiplicity”) of various “Is” that have complex relationships with each other. The personality viewed from this perspective is a totality of subjects (the united multiplicity of “Is”), each of which is both the source and the result of their own dynamics in the world; and this integrity has characteristics of the subject: it reproduces the very possibility to maintain the integrity.

We distinguish such forms of multi-subject organization of personality as a mono- personality (the mono-subject organization of personality), a binary personality (the dia-subject organization), a ternary personality (the tria-subject organization), a tetra personality (the tetra-subject organization), etc.

We shall consider the motion to the Possibleness optimum for the first three of the above-mentioned forms of subjectness. The distinct types of self-identity will appear in our field of vision.

Mono-personality, or One’s own master

For such a personality it is typical to have a will power level of self-regula-

tion (“commitment”). The prototype of this process is the activity of a *self-employed farmer*. However, the “environment” presented earlier in the formula *self-employed farmer* \supset *environment* must be understood here in a new way — as a characteristic of the inner world of an individual. In one of our works, an image of the mirror reflection of an individual in himself was proposed. We believed that, based on this image, the individual is able to solve the problem of self-realization (Petrovskiy, 2009b). At such moments, a man turns into Münchhausen, pulling himself out of the swamp by the hair²².

So, we assume that the set of internal possibilities for solving a problem is divided into two classes: the aspiring possibilities (urges) and the supporting possibilities (pillars). About the aspiring possibilities, we could say: “I want what I can”; about the supporting possibilities: “I can what I want”. It is assumed that the aspiring possibilities are the *available* possibilities prompting an action. These possibilities seek outwards containing impulses to implement (the more obvious the experience “I can”,

(for example, the work focused on the problems of personal autonomy within the framework of personal existential analysis (Stankovskaya, 2014)).

²² Here is the famous story of Baron Münchhausen: “Once, fleeing from the Turks, I tried to jump over the marsh on horseback. But the horse did not make it to the other bank, so we slapped in the mud. I had to choose one of the two: to die or to somehow survive. I decided to survive. But how? There was nothing near at hand. But the head, we always have at hand. I pulled my hair and thus pulled myself and my horse out of the swamp, squeezing the horse with both feet like forceps.” One of the bloggers on Google offers to look on this as an exception to the laws of physics, and call it “the law of Baron Münchhausen”: “the first law of Münchhausen’s thermodynamics is the criterion of capacity at the present frequency level of the Earth and society: if you got into a swamp, be so kind and take your plait, pull yourself out and put yourself on solid ground.” “There was nothing near at hand. But the head, we always have at hand.” In essence, it is about imagination, that it is an effective factor in human self-realization; at the start of self-realization, we build up a copy of our implied possibilities; based on it, we rise above the situation.

the stronger the desire to act — “I want”). However, this desire is realized based on the past: through actualizing some not previously involved, reserve, possibilities. In an effort to test yourself, we reproduce (simulate, copy) in the mind what has not been previously realized, and relying on the possibilities (“I can what I want») we solve the task. They, the implied possibilities, do form the “environment”, which the subject of a will power act uses for support.

Further, assuming that a person is acting at the limit of his own possibilities, (which means expressing his *will*) (a volitional action implies a maximum commitment), it is possible to predict the level of the aspiring possibilities, the implementation of which leads to success: this is the point of the golden section, $x \approx 0.62$, while the supporting possibilities y are complementary to the aspiring possibilities here, “constructing” them to 1: $y = 1 - x \approx 0.38$.

Considering the self-employed farmer as a subject interacting with the environment, we did not endow the environment with some subject qualities (although that might be possible, and we even dealt with such representatives of the environment — the negotiator and the subject of mental anguish). But now, referring to the mono-personality, we can say about him that he is *his own master*. The mono-personality feels that he is not only independent, but also quite consistent, strong-willed “I”, when, in

response to his own wishes, he foresees their feasibility.

Let us talk about such a subject — the *autocratic “I”*, stressing that it itself initiates and ensures action. This would not be possible without the support of another part of the same “I”, which completes the former one the whole. In our terms, it is a relationship between the *open “I”* and the *latent “I”*.²³

Thus, the *autocratic “I”* is a subject of activity at the *volitional level of self-regulation*. The *open “I”*, as the part of the *autocratic “I”*, ensures progress towards the goal by relying on itself — its *latent “I”*.

Binary Personality

Staking on prudence. The value level of self-regulation. In Christian art, “prudence” is depicted as a woman with two or three heads, holding in her hands either a mirror and a snake, or a sieve, while Solomon is at her feet. The sieve, in turn, means “rain clouds and fertility, an act of purification by sifting husks and, therefore, *self-knowledge, criticism, conscience...* This is the capacity of conscience to *accept* and to *reject*”. We use the italics for words comprising the main idea of a dialogue, relationship, or contact in the *subject-subject* system (whether between people “in the flesh”, or separated from each other, or within one person — between his own *subjective “I”* and the *other’s “I”, my “I”* and *my “you”*²⁴, etc.).

²³ The terms “autocratic “I” and “latent “I” are introduced here for the first time. However, the logic of the development of concepts behind these terms was described in our previous articles and books (for the first time in Petrovskiy, 2010a).

²⁴ The dyad “my “I” — my “you” was given a definition earlier (Petrovskiy, 2000). “My “you” is the one to whom I turn in an empty room.

Prudence is the good in the eyes of common sense, good, equally acclaimed by all, the benefit from the perspective of everyone. This also applies to myself, if to compare my current victories and future gains, short-term and long-term interests.

If we try to generalize what has been said about prudence, we will see two closely related characteristics of this principle of conduct. The first one, as has already been said, is common ground of many people at a benefit gained by someone. Due to this reason prudence on the scale of a single person is so freely associated with the common good²⁵. What is acquired in prudence, is equally valuable for everyone who would be able to appreciate it, who is involved actually or potentially into it. As Hegel wrote, “Prudence consists in this: that one does not interfere with the inclinations of others but acts in their interest.” Here, incidentally, it is appropriate to mention the ironic paraphrase — “prudence in reverse”: “To be in the balance: neither to run with the hare nor to run with the hounds” (Yu. Leontiev).

Moderation, or rationality, is the second principle of prudence. It is “such a state of mind, when we are in sound mind and able to suppress the influx of emotional feelings for the sake of inner tranquility”; “A rich table is provided by luck, but a sufficient one by wisdom” (Democritus).

Both principles are united by a scheme of the internalized interaction (*leader* \supset *partner*) \supset *environment*. Man acts so that his behavior meets considerations of reasonableness, as if someone else could watch from aside confirming or disputing the legitimacy of his actions. The result of the activity is evaluated according to the criteria of common sense: acting in my own interests, I feel the approval of the Internal Other, as if someone nodded to me, saying: “Yes, I like (I feel good about) what you did.” And the requested (and gained) good can vary in size from the original desires of the subject. In our case, the power of the request is not 0.7 (as in the examples from the *author* and the *master*), but $(0.7 \supset 0.365) \approx 0.555$. Note that the total value of achievement is $0.555 \supset 0.2 = 0.556$, here — less than the own original request of the personality; but the person feels his actions are justified (as they say, “is not going to extremes”, “is not trying to take more than necessary/appropriate”): a skilled and conscientious person strives to share a team success with others. They say: “We should not demand from life what exceeds our abilities” (S. Ramishvili). Let members of the “internal team” call you to common sense: “We should sometimes slightly scold things that fascinate us. This grumbling is called prudence” (Victor Hugo). Or, Mark Twain’s admonition, sounding in a manner of a

²⁵ The main effort of modern philosophers is “directed at criticizing the ideas (which are commonplaces of philosophy and everyday consciousness) determining prudence as a selfish following of self-interest necessarily to the detriment of others. The rehabilitation of prudence in modern moral philosophy also includes the restoration of its value as a practical wisdom, that is, as the ability to act in the circumstances at one’s best. At one’s best means so that you are focusing if not on a morally sublime, but at least on a morally justified purpose” (O. Artemieva, Wikipedia).

two-stage implication (“a pillar is supported by a pillar”): “It is by the goodness of God that in our country we have those three unspeakably precious things: freedom of speech, freedom of conscience, and the prudence never to practice either of them.”

The rest we should do is to give names to the internal subjects in which the characters of inter-subject interaction live on (*leader* \supset *partner*) \supset *environment*. The structural place of the *first* subject is now substituted a subject about which we say: “*I am the one who is with you.*” Accordingly, another subject position is replaced with: “*you are the one who is with me*”. These are *reflected (internalized, introjected) significant others* (real colleagues, coworkers, relatives and loved ones, or “I myself” in certain circumstances). They are all those for whom I am responsible, about whom I care, with whom I identify myself and from whom I am willing to accept help). In the Russian language there is a phrase hardly used, but it marks the very community — one for two — in question. This is the phrase *With One Other* (*sam-drug* in Russian), that is, I am together with someone else. It is therefore quite acceptable, along with the terms befitting for this case (*inter-subjective* “I”, *cross-individual* “I”²⁶, etc., to use as a synonym this phrase of the Russian origin.

Finding the optimum of Possibleness, *cross-cultural* “I”, with one other give us a sense of community with oneself and the ability to say “yes” to oneself, reaching as followers of personal existential analysis of A. Längle say, the “inner consent”. This is how personality manifests itself at the *value level of self-regulation*: feeling both the value and the rightness of what it does²⁷.

“Justified self-deception.” *The target level of self-regulation.* Let us draw our attention to an unusual function of goal-setting that the ordinary consciousness, as a rule, prefers to ignore: this is a function of setting *imaginary* goals so that real goals are achieved. In order to get over “to the other side of the river,” we have to take further upstream. Referring to Leo Tolstoy, who wrote about such goals, we are reminded of them in speeches of B. Bratus (when he is defending the thesis that “goals should be high”). We are talking about imaginary goals, stressing that these are the goals for which it is not only known in advance that they are unattainable, but it is also known that they *should not be achieved* (the achievement of these goals is certainly not desirable, i.e. totally advisable²⁸). It is this hidden side of relationships, “jeopardy” and “old scores” with the world, that have an inter-subject basis expressed by the scheme (*author* \supset *expert*) \supset *environment*.

²⁶ Between the two expressions — “inter-subjective” “I”, and the one introduced by us here — “cross-individual” “I” we give preference to the latter, since it contains the idea of not only “inter”-individual status of “I” but also a certain vector of intentionality *from* one “I” *to* another “I” in a pair.

²⁷ We call valuable something which is not just significant, but has supra individual significance; it is also important to note that the word “to regulate” is derived from the Latin *regula* (rules, regulations).

²⁸ Imagine that you have *achieved* the goal upstream: is this what you really wanted?!

In our example, the *expert* suggested that the *author* set a more difficult target than the previously adopted (availability 0.11 vs. 0.2), and only this way could the author expect to achieve something he originally sought. It is like that inwardly: we are a bit cunning with ourselves, accepting unrealistic obligations, then we abide by them, and as a result we have what we wanted to have.

Representatives of the Leontiev's psychological school (the tradition emphasizing the distinction between motives and goals), I think, would find it interesting to know that the motive in the expression $(0.7 \supset 0.11) \supset 0.2 = 0.7$ can be associated with the number 0.7 ; further, the *imaginary goal* (a new term, but without it – no way!) – the number of 0.11 ; and the *goal* as such – the numerical value of the implication $(0.7 \supset 0.11)$, equal to 0.38 . The motive, the imaginary goal and the true goal here are not the same, and it is for this matter that the achievements are adequate to the motive.

Author's position in the previously described subject assembly (*author* \supset *expert*) \supset *environment* in terms of the intra-individual aspect matches another form of existence of my "I"; we say in this case "I myself", stressing that it is about an individual's own position, his private interests urging action. The position "I myself" is opposed to what might be called *superior "I"* of the individual (the *expert's* introject). That is, in this case, the form of my "you" mediating requests of my "I", claiming success.

"I myself" is a subject of the activity at the *target level of self-regulation*: "I myself" relies on *superior "I"*, correcting thus its claims that makes it possible to achieve the desired.

«*Adjustment.*» **Operational level of self-regulation.** The prototype of this process is the scheme *master* \supset (*worker* \supset *environment*). In this case, the individual acts in a dual role: it is still pursuing its goal (to achieve the desired without changing their claims), but it is searching for its own style of activity, it is adjusting to the situation. The activity takes place on two levels: there is a motivational target level (here the motive and goal are completely fused) and an operational one in which the task is simplified, the satisfaction with achievements equates to requests. Let us recall that in our example the original unfavorable ratio $0.7 \supset 0.2 = 0.44$, is replaced by a quite acceptable $0.7 \supset (0.54 \supset 0.2) \approx 0.7 \supset 0.57 \approx 0.7$.

The analysis of the types of personality pathology and levels of development of the personal organization, types of adaptations, as well as age regressions in terms of impossibility to cope with a situation opens a possible perspective for clinical and experimental research in the study of *adjustments*.

Thus, the narcissistic personality, according to H. Kohut, needs to be supported by "self-objects", experienced as part of the "I". They are usually described as providing maintaining, restoring or transformation of the "I". This term is applied to the subjective, intra-psychic experience of experiencing the presence of the Other. What role does self-object take while establishing a connection of the narcissistic "I" and the world? Who is that in terms of its function and place in the inner life of the person: an *adviser*? a *colleague*? an *employee* (servant)? This question requires a special analysis, and so far we do not have any clear-cut answer. But in this case, as with other personality

disorders, it is possible to bring to the analysis the logic of “subject assemblies” that could explain how an impaired person gains the sense of well-being, although, as it would seem, it has no apparent reason for it.

The trend of decreasing the age of mental response in a situation of inability to solve the problem constitutes a specific problem. In this regard, A. Pankratov uses a special construct proposed by L. Szekely — “infantile presentations” (“the original, or at least in case of the dominant form of a child’s attitude to the environment”) (Pankratov, 2003, pp. 9–10). “For a newborn child to meet any need means to express to another their dissatisfaction, in fact, to ask, to demand help. This explains the formation of mythological thinking in ordinary consciousness”, writes A. Pankratov. “Caught in an unsolvable personally meaningful problem situation, a person goes from top to bottom all the layers of his cognitive experience until he “gets stuck” into the fundamental subject formations. The function of mythological thinking is exactly opposite to the functions of scientific thinking. The latter aims to rigidly distinguish the cognized from the unknown, the comprehensible from the incomprehensible. The task of mythological thinking is to make the world a comfortable and interesting, understandable and predictable place” (*ibid*). In my view, the author is quite right in his intention to find the source of “comfort” in the child’s early interactions with adults. But we should clarify the status of mythological thinking, in contrast to the scientific thinking. In my opinion, this is a change of focus of achievement. Scientific thinking is the

search for truth as such, for the completed vision, for the discretion of the “point” at the end of the process (as opposed to the “point of view” when the object itself has yet to be disclosed to perfection). In contrast to the scientific thinking, mythological thinking gives off to people the experience of opportunities, and we thus find ourselves in the area of the *subject* as a “purchaser of possibilities”; Berne’s *Child* (the infantile part of the person) is here the “customer” while the all-powerful *Bewitching Parent* is the supplier of experienced and providing the feeling of comfort possibilities of solutions (but, of course, not necessarily the solution itself).

Positions of the master in the subject assembly *master* \supset (*worker* \supset *environment*) in the subjective, intra-psychic aspect, correspond to what might be called *capable “I”*. But, of course, it is one thing to be a *capable manager* but another matter is to *perform*. The figure of the *worker* may have different representations in the individual consciousness. This may be an internal experimenter, a conductor (a stalker, a contactee) and even a medium. When we say, “Intuition tells me,” we seem to have in mind this subject’s “voice” in us. In any case, *my “you”* should be held accountable for its discoveries and insights before the *capable “I”*. Therefore the internalized (introjected) figure of the worker we shall call the *executive “I”* (we come across the same term in Eric Berne’s works; it is likely that there is no contradiction in the discourse, moreover, it appears that the *executive “I”* as an introject as a person serving a child’s interests (the worker’s interests), corresponds to the

executive "I" in Berne's construction (Berne, 2001)²⁹.

The *capable "I"* is a subject of activity in the *operational level of self-regulation*. His desires are realized based on the *executive "I"*, which comes into a direct contact with the environment.

"A problem to one's taste": four levels of Possibleness

Obviously there are problems which are stated not to find some utilitarian solutions but they are a way for a person to test own capabilities. We call such tasks "*a problem to one's taste*". These are the problems which the person does not have to solve. They are stated and solved by him by his own volition. At the same time personality as if tests its own Possibleness.

Here are some hypothetical features typical for a problem to one's taste:

- "*Commitment, but neither fuss, nor success...*" These words, defining the purpose of creativity by Boris Pasternak, give a clear picture of a problem to one's taste. The solution of such a problem requires a *full-time commitment* (otherwise how to check what you can do?). We remember that this situation corresponds to a privileged point of the optimum of commitment, or self-sacrifice, — *action to the limit*.

- *Novelty*. This problem is new; a person has no objective reasons to feel confident about being able to solve it. If such reasons were available, then the subjective probability to solve the problem would be superior to the alter-

native probability not to cope with it, and in this case we would rather talk of proving one's abilities rather than trying them out. So, there is no *guarantee* that the problem can be solved. It can be said about such a problem, if it is selected, — "valuable in itself" (the value in the *problem* itself, i.e. in the search of a solution, while it is not known beforehand, whether a solution exists at all, and whether it can be realized by the individual).

- *Non-predetermined success*. This is a problem with a non-predetermined outcome of a solution. The lack of certainty of the subject that the problem can be solved, does not mean that the problem is unsolvable in his eyes. Otherwise he would not have chosen this task to test his capabilities. That is why we believe that the a priori probability of the solution must be no more and no less than what the individual senses. Indeed, if I know in advance that the problem will likely to be solved by me, why would I solve it? What new will I learn about myself having solved a problem *predictably solvable* for me?! If it is less likely that the problem will be solved by me, does it makes sense to test my skills, solving it (because it is *predictably unsolvable*)?! In short, the choice of such a problem should have, as we say, an "active-non-adaptive" nature which is impelled by the result being non-predetermined.

- *Persistence*. Solving such a problem, a person must show persistence. This means he is ready to face the *risk of failure to confirm its positive intuition*, but, nevertheless, the expected

²⁹ E. Berne spoke of the existence of two "Is", leaving the question of "how is this possible?" at the mercy of philosophers.

effect of his actions corresponds to the mobilized efforts (one might say, on the one hand he acts “recklessly”, on the other hand — “using his head”).

Shaping hypotheses of the research we assumed the following general premise: choice and solving of *a problem to one’s taste* allows an individual to feel its Possibleness in several respects: 1) relying on his own strength, to anticipate success; 2) forming adequate claims, to cope with uncertainty; 3) to have reasonable prospects for the future; 4) to take the risks of failure to confirm his intuition while hoping for the better. In other words, it is assumed that in the solution of a *problem to one’s taste*, the condition of subjectness of self-regulation is fulfilled at all levels of goal-setting, when desires of an individual meet his expectations.

An empirical research was aimed at assessing the adequacy of these assumptions on the basis of the technique developed by the author for assessing the individual’s level of subjective Possibleness in the process of solving problems to taste³⁰. Thirty seven subjects (aged 18 to 33 years) were asked to answer a series of questions which are listed below (the reader will see the brackets with the numbers 1 and 0 on the right to the questions, but in the questionnaire these brackets and their contents were not available).

Fifty subjects (aged 18 to 33) were proposed to describe their feelings,

thoughts and actions in the process of solving a problem, which was of interest to them giving the opportunity to test themselves, to try out their abilities. They chose which task would be to their taste. Below is a list of questions used. The reader will see to the right of each of them “1” or “0” in brackets. They mark the presence or absence in the statements of such things as “intention to act” (the first element), “foreseeing a positive outcome” (the second element), and “a forecast of a positive outcome” (the third element). In the questionnaire, of course, the brackets with the properly labeled semantic aspects of the question were absent.

It was necessary to put an “x” on the scale of “rare — often”, answering the general question *How often, when solving a problem, do you:*

1) check yourself again trying to ascertain the correctness of your guess and ideas (as if testing their strength)? {1,0,1};

rarely ————— often

2) consider it necessary to wait for “the very” happy occasion when the situation itself will tell you what to do next (rely on good luck, as if leading you to a discovery)? {0,1,1} (the grading scale is no longer displayed in the text);

3) assume the need to “put to rest” versions that seem dubious to you? {1,0,0};

³⁰ The master’s thesis of R. Okhlopkova (Okhlopkova, 2011) there are significant correlations between the level of self-establishment of the person while solving a problem to one’s taste and levels of “psychological well-being”, in the majority of scales and at the overall assessment of the level of psychological well-being (K. Riff) (*The scales of psychological well-being*), as well as the level of self-efficacy using the self-efficacy test questionnaire of Maddux and Sherer (Maddux J.E., Sherer M., *The self-efficacy scale*) adapted by A. Boyarintseva.

4) think: it would be good if someone would come and tell me what to do next (but, alas, this won't happen)? {0,1,0};

5) believe that you will not make a mistake by acting this way and not some other way? {1,1,1};

6) refuse to solve the problem following an old way, keep aloof from the situation and inwardly get prepared for a new solution ("switch")? {0,0,1};

7) do not want to do anything, you have no ideas, you do not feel anything other than a sense of total futility? {0,0,0};

8) think: "I must try!", though you feel that it is absolutely in vain? {1,1,0}.

When processing the materials the leftmost position of the "x" on the scale "rare – often" was given the value of 0, and the far right – the value of 1 (all other values were regarded as proportional to the distance between the location of the cross on the scale and the extreme left point on the scale).

After the processing of the responses of the subjects (the method of working with the material was described in the article (Petrovskiy, 2009b)), we could identify the following:

- The power of the original call to action: "diligence" {1,0,1}; "skepticism" {1,0,0}, "I can't lose anything, but what if?" {1,1,0}, "victory will be ours!" {1,1,1}

- The forecasted availability of the solution: "luck" {0,1,1}, "straw" {0,1,0}, "victory will be ours!" {1,1,1}, "I can't lose anything, but what if?" {1,1,0}

- The foreboding (desires): "diligence" {1,0,1}, "luck" {0,1,1}, "victory will be ours!" {1,1,1}, "this way or another" {0,0,1}.

We calculated certain derivative characteristics ("non-pragmatic risk" as a value opposed to foreboding, and others).

The following are the results of testing of four empirical hypotheses of the research:

Hypothesis 1. Intention to success ("I want to try out what I am capable of"), the stake on oneself (readiness to succeed with a support on some underlying forces), and a premonition of success ("I will do it") match each other in strength and are quantitatively equal to the golden section (0.618):

$$x = x \supset (1 - x) = s = 0.618,$$

where x is the power of "I want", $x \supset (1 - x)$ is "the will to succeed" ("I want" supported by some underlying forces"), and s is a premonition of success ("I will do it").

If the first hypothesis is correct, then the equality should be right³¹:

$$x^* = x^* \supset (1 - x^*) = s^* = 0.618$$

First, we checked the normal distribution of x^* and s^* and calculated the empirical average of \bar{x}^* and \bar{s}^* . The data show a normal distribution of x^* and s^* . The value of $\bar{x}^* = 0.623$, which corresponds to the hypothetical value of 0.618, predicted by the model of Possibleness (the difference of 0.623 and 0.618 is insignificant, $\alpha = 0.01$). It was also found that the value of \bar{s}^* was equal to 0.596, which, although somewhat different from the empirical \bar{x}^* (0.623) and the empirical average of the distribution of $x^* \supset (1 - x^*)$

³¹ The empirical data cited in the formulas hereinafter are marked with an asterisk "*".

(0.612), is not statistically significant, accounting for, respectively, 0.022 and 0.027 ($\alpha = 0.05$).

The hypothetical average value of the “stake on oneself”, $x \supset (1 - x)$, shall be equal to 0.618. The checking shows that the values of $x^* \supset (1 - x^*)$ are normally distributed, while the average value of the sample is equal to 0.612 (the difference from 0.618 is insignificant, $\alpha = 0.01$).

Thus, the hypothesis 1, which characterizes the *will* while solving a problem to one’s taste, is confirmed: the power of “I want”, the stake on oneself, and a premonition of success are adequate to each other and quantitatively equal to the golden section 0.618.

Hypothesis 2. Claims correspond to the intuition of success:

$$(\underline{x \supset y}) \supset 0.5 = \underline{x \supset y}$$

We shall explain that in this expression y means the *forecast of success*; the two-stage implication $(x \supset y) \supset 0.5$ – is the *intuition of success (an intuitive belief in success)*; $x \supset y$ is the *level of claims*; the number 0.5 is the *subjective probability of the solution possibility in complete uncertainty*. Let us recall that in solving problems to one’s taste a subject does not know in advance how the problems can be solved in principle, or/and by him personally. In this case, using the language of everyday speech, we say that the subjective probability of solving these problems for the subject is fifty-fifty (0.5). We should also add that the implicative record can be understood as an attempt of the subject to realize their desires, mediated by the forecast of their feasibility.

If the second hypothesis is correct, then the equality should be true:

$$(x^* \supset y^*) \supset 0.5 \approx x^* \supset y^*$$

We have:

$$(\underline{0.623 \supset 0.474}) \supset 0.5 = \underline{0.672 \supset 0.5} \approx \underline{0.664}$$

(the hypothesis is confirmed, $\alpha = 0.01$).

Thus, the hypothesis 2 is confirmed: in the process of solving the problem to one’s taste the belief in success corresponds to the level of claims; the person dominates the chance in the conditions of complete uncertainty about the outcome of action (which characterizes the *value* level of self-regulation).

Hypothesis 3. The prospect of success corresponds to the intention:

$$(\underline{x \supset y}) \supset z = \underline{x} = 0.618$$

Here a new symbol z is introduced. For us it symbolizes what can be called the risk of not confirmed premonitions (in technology it is equivalent to the term “tolerance”, in this case it is about the maximum permissible deviations of the results of the activity from the individual’s premonitions). Formally, z is defined by the equality $z = s \supset g$, where g is a *guarantee of success*. It is important not to confuse *guarantees* and *probabilities* of anything. There are only two kinds of guarantees: *the guarantee that exists* and the *guarantee that does not exist*: $g = 1$ or $g = 0$. There are no intermediate degrees for guarantees. In the context of solving a problem to one’s taste, $g = 0$, and thus under these conditions, $z = s \supset 0 = 1 - s$. The prospect of success, as we can see, includes a certain “tolerance”, the risk

of not confirmed premonitions (we will name it briefly “the risk of non-confirmation”). This is a kind of Archimedes “fulcrum” which can turn a seemingly favorable situation ($1 \supset 1 = 1$), transforming it into a hopeless one (if $s = 1$, then $z = 0$) and vice versa – to bestow good fortune when the prognosis is seemingly hopeless ($1 \supset 0 = 0$) (if $s = 1$, then $(1 \supset 0) \supset 1 = 1$).

If the *third hypothesis* is true, then the equality must be confirmed:

$$(\underline{x^*} \supset y^*) \supset z^* \approx \underline{x^*} \approx 0.618$$

We have:

$$(0.623 \supset 0.474) \supset 0.404 = 0.601 \approx 0.618$$

(the hypothesis is confirmed, $\alpha = 0.01$).

Thus, in solving problems to one’s taste, there is a relation between the intension, prognosis and the risk of non-confirmation in which the opening prospects of a solution meet the individual’s intentions (the target level of self-regulation).

Hypothesis 4. In solving a problem of taste, intentions are mediated by the risk of not being confirmed, and the effect achieved corresponds to the intentions:

$$x \supset z = x$$

Expression $x \supset z$ should be called *persistence*. We say “persistence” meaning that the efforts mobilized by the individual, are mediated by the risk of not confirmed premonitions (the openness to a negative experience).

If the *fourth hypothesis* is correct, then the equality should be right:

$$x^* \supset z^* \approx x^*$$

We have:

$$0.623 \supset 0.404 \approx 0.629$$

(the hypothesis is confirmed, $\alpha = 0.01$).

So, solving a problem to one’s taste, the person is willing to face the risk of not confirming his apprehensions, but the expected effect of his actions corresponds to the mobilized efforts (the *operational* level of self-regulation).

So, four hypotheses have been empirically confirmed.

The general conclusion to which we come in this part of our research is that in the process of solving a problem to one’s taste – a *supra situational problem* – each “I” living in the person reaches its secret purposes, be it autocratic “I” (the introject of a self-employed farmer, with his slogan “Omnia mea mecum porto” and who works with full dedication), “With one other” (the introject of a leader who believes in control over chance), “I do it myself” (the introject of an author who is in charge of perspectives), “capable I” (the introject of a master who controls the situation). Everyone has their own approach to constructing their actions, their options of internal interactions between *my “I”* and *my “you”*.

An active presence of the “Other” (Petrovsky, 2014) allows the person being a multi-subject integrity to achieve the Possibleness optimum at different levels (volitional, value, target and operational) of self-regulation. Each of the poles of the pair of *my “I”* – *my “you”* corresponds to a specific phenomenology grasped by such words as: *open “I”* – *latent “I”* (the level of will); *I am with you* – *you are with me* (the level of values), *I am for myself* – *you*

are for me (the level of goals); *capable* “I” — executive “I” (the level of resources)³².

An individual choosing and solving a problem to one’s taste, shows signs of **subjectness** in each of the four selected levels: volitional, value, target and operational desires of the individual (*I want*) are embodied, respectively, into a feeling equal in the intensity of the possibilities of their implementation (*I can do it*).

Ternary Personality

There is a simple (or, at least, recognized by many) example of a ternary personality: the transactional-analytical model of personality developed by Eric Berne. We are talking in this case about the “triumvirate of subjects”. In terms of *Possibleness of desires*, with such constructs as *Adult*, *Parent*, and *Child* being involved, in a number of works, we have proposed a personological interpretation of the bipolar choice model by V. Lefebvre (Lefebvre, 1996, 2003) and based on it “reflexive model of the normalized behavior” by T. Taran (Taran, 2000, 2001). A version was developed that allows to explain one of the phenomena of psychology of motivation that causes continuing interest of researchers (Petrovsky, 2006).

J. Atkinson, who has studied the motivation of free preferences of problems of varying degrees of difficulty (the level of the person’s desires), offered an elegant mathematical model of “risk-taking”, designed to predict the level of difficulty of a task selected depending on what motive is dominant: either the desire for success or the one to avoid failure. According to this model, individuals whose desire for success prevails over the desire to avoid failure, would choose tasks of a medium level of difficulty (and if dominated by fear of failure, then they would choose either the easiest or the most difficult tasks). Years of psychological research have shown justification for predictions concerning the behavior of subjects with a dominant desire to avoid failure. However, subjects motivated by success, behaved somewhat differently than it was predicted by the model of risk taking. They chose the tasks, the difficulty of which was higher than the average (in the range between 0.6 and 0.7, instead of the calculated level of difficulty equal to 0.5). The phenomenon of displacement of preferences has created different versions (H. Heckhausen discusses them (Heckhausen, 1980)), adapting the model to facts by the price of making its nature more complex.

³² It is interesting to trace in what mental formations the tracks of activity which we have described — value, volitional, target and operational — occur. I believe that a productive opportunity for that is provided by the model of the stratigraphic analysis of consciousness by F.E. Vasilyuk who points out the following modes of functioning of consciousness: reflection, awareness, experience, and unconscious (Vasilyuk, 2008). The author of the model offers an elegant metaphor of a stave allowing to “record” notes of some experienced states in their synchronic and diachronic unity. We shall note that in this case in all strata of the psyche an individual manifests himself as a subject four times for at the same time a consonance between efforts mobilized and achievements acquired is set at each level of the “stave”.

We offer a simple solution. The meta-implicative scheme (*Adult* \supset *Parent*) \supset *Child* under certain assumptions generates two forms of interaction between the Ego states. First is the *agreement* between *Parent* and *Child*: $(x_{Adult} \supset (1-x)_{Parent}) \supset (1-x)_{Child} = x$. In this case, the test subjects should choose the problems, the level of difficulty which is located in the golden section (0.618). The second form of interaction is *Child's rebellion* against *Parent* $(x_{Adult} \supset (1-x)_{Parent}) \supset x_{Child} = x_{Child}$. In this case, the test subjects should choose either the easiest or the most difficult problems (here is no discrepancy with J. Atkinson's model of risk taking). You can read more about it in the following works (Petrovskiy, 2006).

How the subject can attain Possibleness?

All this allows the possibility of seeing a new aspect of the problem of subjectness (the ability of an individual to be both the source and the result of their own actions). This question brings us to the idea of goal-setting and goal-achieving processes being mediated by society. Initially, the relationships with the world of others are realized in the external plan (some mediation chains were reviewed in this article), and then they plunge into the inner space of a person's existence (actually *this* is what the person is built upon). Hegel formulates the fundamental concept of the "Cunning of Reason", emphasizing that mediation disposing to the natural influence of some objects to others, leads to the solution of problems, no matter how difficult they may seem: "The drive lets nature consume

itself, watches quietly and guides it all with only the slightest effort. [This is] cunning."

But we shall note that in this "stealth" there is a hidden risk for human illusions when we "run", it would seem, a natural mechanism of interpersonal interaction, where some cunning people affect other cunning people. Sometimes we allow others to "outwit" ourselves. "Ah, it is easy to deceive me!... I long to be deceived myself!" — we read Pushkin's lines. Maksim Gorky's Luka, a Russian itinerant philosopher, recites in a flop house (how he happens to know the verses by Beranger is a mystery):

*All honor and glory to the madman
who arouses*

Humankind with a golden dream!

The world of George Herbert Mead (the world of symbolic interactionism) is still unknown Gorky and his characters. But the fact that people live in the world of symbolic and not only tangible interactions, that values of our existence cannot be objectified and recorded from the outside, by the "eye", that will never be built the Chamber of Weights and Measures to measure and weigh man's achievements, his sense of well-being in the world, his capacity, all that we call Possibleness, — this fact was beyond doubt for the writer. As well, however, as the fact that the path of truth is a sacred matter, and those who have turned off this road, are certainly mad. The civilization and culture make up the eternal dispute between Gorky's characters Satin ("Man is free, he pays for everything himself") and Luka ("What you believe, does exist").

Is the culture of goal-setting, in some cases the only way to reconcile

man with himself, since he is committed to the optimum of prosperity and capacity then and there, when and where it is almost impossible?

Assuming, following L. Vygotsky, that in the process of personal development the internalization of culture is not only the assimilation of “sign-tools”, but also the immersing of interindividual relations into the inner space of the person, within which these tools operate, we can interpret this process as a condition for achieving the Possibleness optimum. The internal culture, “inward society”, other subjects reflected in us, along with their own worlds in which we ourselves are presented, — all this is the stealth that allows us to be on a par with the situation, and sometimes rise above it (Petrovskiy, 2010b, 2013b).

Notes

Note 1. We shall briefly define the three meanings of the term “self-value” in relation to the “possible”. The first meaning (seemingly the least familiar) emphasizes a special status of the possible: it cannot be reduced to any of the moments of the current being (Epstein, 2001). Any possibility within Epstein’s “Philosophy of the Possible” is not seen as fully implemented, there is always an excess characterizing it as a possibility (which, we shall note, is quite fair! Possibilities not only do not coincide with the poles of “being — non-being” but even cannot be fully described in terms of the development linking the poles, although at first glance this assumption inevitably comes to mind). M. Epstein refers to the cultural critic and social philosopher Slavoj Žižek who said that in a possibility there is

more than just a possibility (Žižek, 1993, pp. 159, 160) and comments on that: “In other words, the possibility comprises an inability to fully realize it” (M. Epstein). This puts an emphasis on the value, we would say, of the *unfeasibly* possible.

But we say that there is not merely one answer to the question of excessiveness. The value of the distance that exists “between” the possible and the actual is not limited to the sovereignty of the former in relationship to the latter. The “clearance” can provoke activity aimed at overcoming it. The author of these lines often recalls the words of his teacher, poet, literary critic and public figure A. Jacobson about the early and mature poetry by B. Pasternak: “I love the early Pasternak so much that it is impossible to love more. And I love his later poems even more: through the impossible!”. In this case the impossible which symbolizes the actual is overcome by the excess of the possible being implemented into reality. In other words, the excessive “I can” born in activity encourages the individual to commit acts that implement an excess of possibilities and result in appearing of a new “I can”. In the meantime, a second wind of the possible becomes available.

Finally, possibilities themselves may be experienced by people as implemented (based on a mathematical analogy, let us imagine a *function* relating the coordinate axes). In this case, man himself experiences the possibility of going beyond the current being which is given to him in intuition and anticipation, in the sensation of being open to the world, of belonging to themselves, of certainty in the future. Pushkin’s “peace and freedom” embodies this.

As we can see, the dynamics of the possible is not confined to *potentiation* (the term of Schelling's philosophy which is successfully used by the author of the "Philosophy of the Possible"), but it includes also an *embodiment* of the possible.

Recognizing various aspects of values of the possible, we can ask ourselves: What is a *positive* meaning of the possible? Our answer is that it is the possible as a source of the desirable. We could illustrate it with a sequence of questions and answers that describe a correlation of the possible and desirable:

"...the desirable — of *what*?"

"Of what is possible."

"But *what* is possible?"

"The possible *as such*!"

If it comes to activity (and this notion is included in our model of subjectness as possibility), the self-value of the possible means the unity of "I want what I can" and "I can what I want". Thus the circle of self-causality is closed the latter determining subjectness: *potentiation* → *implementation* → *potentiation*.

Note 2. We share D. Leontiev's idea of creating "possibilistic" psychology focused on the problems of human existence which normally flows between necessity and chance (Leontiev, 2011). This project seems not only intriguing, but also deeply motivated. The author quite correctly names it *personological* (as the interests of the academic, fixing *given*, and the practical, dealing with *possibilities*, psychology of personality, intersect in the new personology) (see Petrovskiy, 2003, 2013a; Petrovskiy & Starovoytenko, 2012; Starovoytenko, 2012). An important point related to

developing the "possibilistic" psychology is the focus on the fact that human beings sometimes act automatically in response to stimuli, and sometimes they do it consistent with their capacities, that is, they make a choice. We would say, that "the human situation" is always *between* the logic of the "stimulus-response" and the logic of the "call-choice" (read more on the opposition of the pairs "stimulus-response" and "call-choice" in Petrovskiy, 2010b, pp. 79–82). However, the main question is *who* makes the choice, i.e. what is the mysterious "something" exercising *self-determination*. This is, indeed, a difficult, and we would say, key question of the theory! D. Leontiev, speaking almost with delight of self-determination theory by Edward Deci and Richard E. Ryan (Ryan & Deci, 2002), by his own admission, felt "when looked at it in detail", "some unavoidable contradiction...": "Is it not a paradox there", quite rightly says D. Leontiev, "to argue that autonomy and the ability to own, not causally conditioned choice, result from a causally determined process? This theory lacks an answer to the main question of why man needs autonomy and self-determination, that is, the question of their meaning" (p. 19). Let us continue: even if an answer to the question *Why?* is found, the old Kantian question will remain unresolved: How self-determination is possible, what is this *self* in relation to discrimination of natural and free causes? We will not dwell here on a detailed discussion of this issue, not only philosophical but also a specific academic one, but we do not rule out that the answer will be associated with the understanding of "I" as a bundle of *internal possibilities* (or a cascade of

sensual pulses distributed at random trajectories, subjectless in their basis, but configurable by the cultural patterns of “I”), which encounter on their path a flow of impulses from the environment (Petrovsky, 2011; Petrovskiy, 2012, 2015).

Note 3. Considering *possibilities*, (production and reproduction of which, from the point of view of the author of this article, are defining characteristics of the subjectness of an individual), it makes sense to refer to the concept of four fundamental motivations suggested by Alfried Längle who has developed the personal existential analysis. Without expounding the concept itself (its essence is described in a capacious article by A. Längle translated from German into Russian (Längle, 2009)), in this context we will cover only one theme prompting contemplation — on the value status of human capabilities. Alfried Längle is certainly right when he considers the questioning “Can I be?” not a manifestation of one of many but the *fundamental* motivation of human existence (and he names it, by the way, the first one). But it should be noted that the question of the possibility of “being” needs to be supplemented: do these possibilities as the conditions of existence mean anything else? The answer is at the tip of the pen of the person who suggested a definition for “*existence*”. We can read the definition in this paper by A. Längle. And it appears that in the definition there is everything, or almost everything, to enable us to come to a decision. “Existential Analysis”, says Längle, “got its name from the central concept — that is, of the *existence*. In this direction of psychotherapy existence is understood as a creating possi-

bility (a challenge, a task) of every situation...” (ibid, p. 4). The idea of “creative possibility, as we see, makes up the definition of existence. In this definition of existence we should note the shared by us understanding of possibilities as a source of an individual’s desires (“excessive possibilities as a source of activity”, “I can” as another “force” against the background of desire and duty”, “not only I can do what I want, but also I want to do what I can”) (Petrovskiy, 1976, 1977, 1992a, 1996a, 2010b, 2013a). But we shall take note that the value status of a *creative possibility* is not given in detail in the definition of existence suggested by the concept’s author’s (in contrast to the delicately traced “ontological”, “axiological”, “ethical” and “praxeological” statuses (“levels”) of the four basic conditions of the “fulfilled existence”). There are two circumstances due to which the question of the value status of a creative possibility needs to be discussed.

First. “The essence of existence,” says Längle, “is in an interactive exchange between the Person and contingencies/limitations (outward and inward).” In this regard, there may be a false impression that the creating possibility carries itself precisely in the interests of the Person (and it is important to reject this interpretation in preventive purposes, as it alludes to some special interests, supposedly inherent to the Person “on the other side” of the movement of possibilities).

Second. The creating possibility at a more particular examination does not reveal itself directly, it drifts out of sight when the existential analyst describes the meaning of the four fundamental motivations. In the first fundamental

motivation (“to be able to exist”), it acts as a *condition* of being, but not as a singular existential value. When describing the other fundamental motivations (“the attitude to life” (the 2nd fundamental motivation), “the attitude to being oneself” (the 3rd one), “finding personal meaning” (the 4th one)) the “creative possibility” finds for itself other words, it merges with them and is dissolved therein.

But we shall, however, hold to the point that the creating possibility has its own value (for all definitions of existence prevailing in philosophy and psychology, it is “life itself”). Or, in a different formulation, we shall assume that existence, as possessing an absolute and immutable value, is a *self-creating possibility*. This characterizes existence from the *subject* point of view (from the *object* one it represents the production and exchange of things, but in terms of its *subject* manifestation it is given in the experience “I can”; its *objective* image is presented by super-sensible processes of actualization, production and accumulation of possibilities).

So the first fundamental motivation (“to be able to exist”, and therefore – to create possibilities) is presented in each other fundamental motivation. And being the “first”, it is also the “last” one among the others, thus closing the circle. It must be also recognized that the second and third fundamental motivations are imbued with the self-valuable feeling of “I can”: an active sensation of a “self-creating possibility”. It is no doubt that the very sense of pleasure derived from “I can” is present in the second fundamental motivation (“to say Yes to the World”). Besides, the right to dispose of own capabilities is contained in the third one (“to say

Yes to the Person”). And finally the freedom of choice from the spectrum “I can” is part of the fourth motivation (“to say Yes to the Meaning”).

Note 4. Let us examine closely the construction of the proposed model (its components, relations between them and the major assumptions).

1. “Variable” models are possibilities, urges and achievements of the subject. We also say, respectively, “resources”, “requests” and “results”. The first set of terms is, rather, psychological. The terms of the second set have a more general nature. “Possibilities” (“resources”) are experienced by the subject **conditions** of achieving any benefits (food, money, information, love, status, etc., etc.). We should emphasize that in this case we mean not the good as such (calories, the contents of one’s wallet, knowledge, the number of “strokes”, powers), but the conditions required to attaining the desired or owning it. For example, the *subjective value* of money is determined not by its amount in roubles or euros, but by the units of relevant attractive goods that can be bought with the money by the person. In addition, it can be assumed that there is, apparently, an “extra” money’s worth: a hypothetical delta value determined by the possibility of *free choice* between the goods of the same price (this hypothesis was verified in a joint study with the I. Toktarova).

2. The symbol 1 indicates the maximum level of the variables manifestation (possibilities, wishes and achievements); wherein all variables – x, y, z, \dots – vary from 0 to 1 .

3. We differ between *manifested* and *unmanifested* possibilities, expressed, accordingly, as v_+ and v_- ; $v_- = 1 - v_+$.

4. We determine successive moments of time: *before*, *now*, *later*; the lower characters “before”, “now”, “later” are used in the records.

5. We define the subject’s Possibleness (at any time) w as a collection of currently manifested possibilities: $w = v_+$.

6. We accept that Possibleness in the past moment of time becomes an incentive for action at the next moment of time: $x_{now} = w_{before}$.

In other words, the magnitude of current incentives is equal to the amount of internal possibilities that emerged at the previous turn of activity (the principle “I can” begets “I want”).

7. We consider the newly acquired possibilities xy (lower characters are omitted here). This means that the share of the resource provided by environment is used by the subject to the extent of his interest in this resource. Thus, xy is a level of the subject’s request being satisfied (at this level, he gains a possibility to taste something delicious, to make money, to learn something important, to achieve love of another person, to enjoy the power and so on). This can be experienced by the subject as a personal achievement (a success when $x \cdot y \gg 0.5$, a failure when $x \cdot y \ll 0.5$).

8. We determine Possibleness of the subject in the present, w_{now} , as the sum of the *previously unmanifested* and now *actualized possibilities*, as well as *fulfilled requests in the present*:

$$w_{now} = 1 - x_{now} + x_{now} \cdot y_{now}$$

The left part of the sum, $1 - x_{now}$, we interpret as previously unmanifested possibilities v_- , actualized now (we remember that $v_- = 1 - v_+ = 1 - x_{now}$). The right side represents *newly acquir-*

ed possibilities (the same as fulfilled request in the present).

Let us also mention here the implicative form of the model recording (it was proved in some works (Petrovskiy, 2002, 2010b, 2013a; Petrovskiy & Taran, 2002). The record:

$$w = x \supset y = 1 - x + x \cdot y$$

in the strict reading means “the full implementation of the share x of the request 1 is mediated by the share y of the full external resource 1 ”. In short, “the request x is mediated by the resource y ”.

The dynamics of Possibleness is described as follows:

$$w_{now} = 1 - w_{before} + w_{before} \cdot y_{now}$$

This initial Possibleness w_0 is defined as equal to 1 (“I can” = “I want” = 1).

Conclusions

1. Based on the understanding of the subject as “the cause of itself” (*causa sui*) the possibility to “be the subject” is considered in relation to the human individual.

2. A specific area of human life is outlined, in which *subjectness* interpreted as self-causality, becomes a reality: the production and reproduction of an individual’s possibilities.

3. The criterion of *subjectness* of an individual is introduced: it is a correspondence between the possibilities invested in the process of achieving, and the possibilities accumulated during the process.

4. There are two groups of possibilities: instrumental and valuable in themselves (“not only I can do what I

want, but also I want to do what I can”).

5. The concept of Possibleness is given a definition as a dynamic unity experienced as “I can”, “I want”, “I achieve” (the focus of subjective possibilities that encourage activity and are produced by it).

6. On the basis of the previously developed mathematical model of Possibleness the criteria of the Possibleness optimum are suggested (“Get your investments repaid”, “Be efficient”, “Save up”, “Do not skimp on efforts”).

7. In this context, subjectness is defined as the Possibleness that meets the criteria of the optimum.

8. It is shown that when it is impossible to fulfill the optimum conditions in the interaction of “one-to-one with the world” (the limited environment resources, the deficit or surplus of desires), the individual is forced to enter a coalition with others. Some models of such coalitions (“subject assemblies”) are proposed and illustrated using numerical examples: *self-employed farmer, author – expert, leader – partners, and master – worker*.

9. In accordance with the law of higher mental functions development (according to L. Vygotsky) a hypothet-

ical attempt was made to describe the structure of an individual’s personality as a result of “interiorization” of various subject assemblies; from this point of view manifestations of an individual’s self-regulation were considered (volitional, meaning, target and operational forms).

10. Within the framework of an empirical research it was shown that in the process of solving self-check problems chosen freely by the participants (“problems to one’s taste”), each of the internal subjects within personality (*Autocratic I, With One Other, I Myself, and Capable I*) reaches a consistency between their desires and acquired possibilities.

11. Three variants of the subject personality organization were considered: mono-personality, binary personality, and ternary personality.

12. Hypothetical and real-life examples of “work” of the model of an individual’s Possibleness were given for different variants of the subject personality organization: the model of an ideal negotiator (*Trust, but verify! – How much?*), the model of *hope and disappointment in love*, the model of the *triumvirate of subjects*, and the reinterpreting *model of risk-taking* by J. Atkinson.

References

- Ackoff, R. L., & Emery, F. E. (1972). *On purposeful systems: An interdisciplinary analysis of individual and social behavior as a system of purposeful events*. Chicago: Aldine-Atherton.
- Asmolov, A. G., & Guseltseva, M. S. (2008). Phenomenology of non-adaptive activity in cultural-historical paradigm. *Cultural-Historical Psychology, 1*, 37–47.
- Berne, E. (2001). *Transaktnyi analiz v psikhoterapii: Sistemnaya individual'naya i sotsial'naya psikhia-triya* [Transactional analysis in psychotherapy: Systemic individual and social psychiatry]. Moscow: Akademicheskii proekt. (Transl. of: Berne, E. (1961). *Transactional analysis in psychotherapy*. New York, NY: Grove Press, Inc.).

- Descombes, V. (2004). *Le complément de sujet. Enquête sur le fait d'agir de soi-même*. Paris: Editions Gallimard (in French).
- Elkonin, B. D. (2001). *Psikhologiya razvitiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Developmental psychology: Manual for graduate students]. Moscow: Izdatel'skii Tsentr "Akademiya".
- Epstein, M. N. (2001). *Filosofiya vozmozhnogo. Modal'nosti v myshlenii i kul'ture* [The philosophy of possible. Modalities in cognition and culture]. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Heckhausen, H. (1980). *Motivation und Handeln*. Lehrbuch der Motivationspsychologie. Berlin: Springer (in German).
- Karpenko, L. A. (2005). Kollektivoobrazovanie [The formation of a collective]. In M. Yu. Kondratiev (Ed.), *Sotsial'naya psikhologiya. Slovar'* [Social psychology. Dictionary] (Vol. 2, pp. 125–126). Moscow: PER SE.
- Konopkin, O. A. (1994). Fenomen sub"ektnosti v psikhologii lichnosti [The phenomenon of subjectivity in the psychology of personality]. *Voprosy Psikhologii*, 6, 148–151.
- Krichevets, A. N. (2010). Cogito, Drugoi i predstavleniya o psikhicheskom [Cogito, Other and the idea of the psychic]. *Methodology and History of Psychology*, 5(1), 122–135.
- Längle, A. (2009). Fundamental'nye motivatsii ekzistentsii kak deistvennaya struktura ekzistentsial'no-analiticheskoi terapii [Fundamental motivations of existence as efficient structure of existential-analytic therapy]. *Ekzistentsial'nyi Analiz. Bulletin*, 1, 1–18.
- Laurent, J. (2012). Chetyre personae u Panetiya i Tsitserona: mnozhestvennaya lichnaya identichnost' [The four personae of Panetios and Cicero: Multiple personal identity]. In A. V. Mikhailovskii (Ed.), *Sub"ektivnost' i identichnost'* [Subjectivity and identity] (pp. 35–49). Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Lefebvre, V. A. (1996). *Kosmicheskii sub"ekt* [The cosmic subject]. Moscow: In-kvarto.
- Lefebvre, V. (2003). *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Kogito-tsentr.
- Lefebvre, V. A. (2004). *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow: Kogito-tsentr.
- Leontiev, D. A. (2011). New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. *Voprosy Psikhologii*, 1, 3–27.
- Okhlopkova, R. S. (2011). *Sostoyatel'nost' ustremenii: tranzaktnyi analiz psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti* [Opulence of aspirations: transactional analysis of psychological well-being of personality] (Master dissertation, Moscow, Higher School of Economics – National Research University).
- Pankratov, A. V. (2003). *Prakticheskoe i obydennoe myshlenie: polioposredovannost', sub"ektivnost' i strategichnost'* [Practical and mundane cognition: polymediation, subjectivity and strategy] (Doctoral dissertation, Yaroslavl, Yaroslavl Demidov State University).
- Panyushkin, V. P. (1979). Osvoenie deyatelnosti: individual'naya reproduksiya ili produktivnoe sotrudnichestvo [Acquisition of activity: individual reproduction or productive cooperation]. In A. A. Bodalev (Ed.), *Psikhologo-pedagogicheskie problemy obshcheniya* [Psychological-educational issues of interaction] (pp. 36–44). Moscow: NIIOP APN SSSR. Retrieved from <http://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-059.htm>
- Petrovskiy, A. V., & Petrovskiy, V. A. (1982). Vygotskii i problema lichnosti v sovremennoi psikhologii [Vygotsky and the problem of personality in modern psychology]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 14–20.
- Petrovskiy, V. A. (1975). K psikhologii aktivnosti lichnosti [On the psychology of activity of personality]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 26–38.

- Petrovskiy, V. A. (1976). Aktivnost' kak "nadsituativnaya deyatel'nost'" [Activity as Supra Situational Functioning]. In *Tezisy nauchnykh soobshchenii sovetskikh psikhologov k XXI Mezhdunarodnomu psikhologicheskomu kongressu* [Theses of scientific reports of soviet psychologists for XXI International Psychological Congress]. Moscow.
- Petrovskiy, V. A. (1977). *Aktivnost' sub"ekta v usloviyakh riska* [Activity of subject in conditions of risk] (Extended abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences).
- Petrovskiy, V. A. (1981a). Problemy psikhologii lichnosti v trudakh L.S. Vygotskogo [Issues of the psychology of personality in works of L.S. Vygotsky]. In *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Scientific works of L.S. Vygotsky and modern psychology] (pp. 122–125). Moscow.
- Petrovskiy, V. A. (1981b). K ponimaniyu lichnosti v psikhologii [On the understanding of personality in psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 40–46.
- Petrovskiy, V. A. (1992a). *Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti* [The psychology of non-adaptive activity]. Moscow: Gorbunok.
- Petrovskiy, V. A. (1992b). *Fenomen sub"ektnosti v psikhologii lichnosti* [The phenomenon of subjectivity in the psychology of personality] (Doctoral dissertation, Moscow, Institute of Educational Innovations of Russian Academy of Education).
- Petrovskiy, V. A. (1996a). Ideya svobodnoi prichinnosti v psikhologii [The idea of the free causality in psychology]. In *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty* [Humanitarian science in Russia: Soros laureates] (pp. 178–187). Moscow: MNF.
- Petrovskiy, V. A. (1996b). *Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti* [Personality in psychology: The paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Petrovskiy, V. A. (1997). Oчерк teorii svobodnoi prichinnosti [The Essay of the theory of free causality]. In D. A. Leontiev & V. G. Shchur (Eds.), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psikhologii* [The psychology with a human face: Humanistic perspective in post-soviet psychology] (pp. 124–144). Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. A. (2000). Filosofiya "Ya": Transaktnyi podkhod [The philosophy of Self: Transactional approach]. In E. Berne, *Grupповая psikhoterapiya* [Group psychotherapy] (pp. 421–456). Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Petrovskiy, V. A. (2002). Metaimplikativnaya model' ekzistentsial'nogo vybora [Meta-implicative model of existential choice]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special issue "Aktual'nye problemy psikhologii"*, 95–103.
- Petrovskiy, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: the science of personality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special issue "Aktual'nye problemy psikhologii"*, 20–30.
- Petrovskiy, V. A. (2008a). Opulence and reflection: Four Resources Model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 5(1), 77–100.
- Petrovskiy, V. A. (2008b). Individual'nost', samoregulyatsiya, garmoniya [Individuality, self-regulation, harmony]. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya*, 1, 60–90.
- Petrovskiy, V. A. (2009b). Sem' prostranstv sushchestvovaniya lichnosti: formal'nye modeli sostoyatel'nosti [Seven dimensions of personality existence: formal models of opulence]. *Mir Psikhologii*, 1(57), 25–43.
- Petrovskiy, V. A. (2010a). Smyslovye miry lichnosti, ili "Vo chto verit mysl'?" [Sense bearing worlds of personality, or "In what does thought believe?"]. In V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, & E. A. Ser-

- gienko (Eds.), *Psikhologiya sub"ekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The psychology of subject and psychology of human being] (pp. 211–252). Krasnodar: Kuban State University.
- Petrovskiy, V. A. (2010b). *Chelovek nad situatsiei* [Man above the situation]. Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. A. (2012). "Ya" v mysli i "Ya" nayavu: kak vozmozhno sushchestvovanie "Ya" [Self in thought and Self in reality: how the existence of Self is possible]. In V. N. Porus (Ed.), *Problema "Ya": filosofskie traditsii i sovremennost'* [The issue of Self: philosophical traditions in modernity] (pp. 195–223). Moscow: ALFA-M.
- Petrovskiy, V. A. (2013a). "Ya" v personologicheskoi perspektive [Self in personological perspective] Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Petrovskiy, V. A. (2013b). The cosmism of Lefebvre's reflection. Interview with V.A. Lefebvre. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 7–23.
- Petrovskiy, V. A. (2015). Ya kak prichina sebya: pochetnye krugi causa sui [I as the reason of self: the honorary circles of causa sui]. In V. N. Porus (Ed.), *Sub"ekt i kul'tura* [Subject and culture] (pp. 139–195). Saint Petersburg: Aleteia.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Petrovskiy, V. A., & Taran, T. A. (2002). Impul'snaya model' ekzistentsial'nogo vybora [Impulsive model of existential choice]. In *CAI – Conference on Artificial Intelligence (Russian Federation): Abstracts* (Vol. 1, pp. 492–502). Moscow: Fizmatlit.
- Petrovskiy, V. A. (2006). Task difficulty level: Metaimplicative model of motivation of choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(1), 6–23.
- Petrovskiy, V. A. (2011). Do I think? – yes! But do I exist? *Cultural-Historical Psychology*, 3, 12–26.
- Petrovskiy, V. A. (2014). From the theory of activity-mediation to the theory of active presence. *Development of Personality*, 2, 125–145.
- Rubtsov, V. V. (Ed.). (1996). *Kommunikativno-orientirovannye obrazovatel'nye sredy: psikhologiya proektirovaniya: sbornik statei* [Communication oriented educational environments: the psychology of designing: the collection of papers]. Moscow: Ven-Mer. Retrieved from <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=9161>
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2002). An overview of self-determination theory: an organismic-dialectical perspective. In E. L. Deci & R. M. Ryan (Eds.), *Handbook of self-determination research* (pp. 3–33). Rochester, NY: The University of Rochester Press.
- Ryle, A. (1991). Object relations theory and activity theory: A proposed link by way of the procedural sequence model. *British Journal of Medical Psychology*, 64(4), 307–316.
- Schmeichel, B. J., Vohs, K. D., & Baumeister, R. F. (2003). Intellectual performance and ego depletion: Role of the self in logical reasoning and other information processing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85, 33–46.
- Sergienko, E. A. (2009). Behavior control: individual resources of subject control. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(7). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2009n5-7e/238-sergienko7e.html>
- Shmelev, I. M. (2015). Beyond the drama triangle: The overcoming self. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 12(2), 133–149.
- Stankovskaya, E. B. (2012). Experience of "I can": an attempt at subjective reconstruction. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(4), 125–132.
- Stankovskaya, E. B. (2014). To say "Yes" to oneself: existential-analitical perspective on autonomy. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(4), 136–145.

- Starovoytenko, E. B. (2012). Novaya personologiya – integral'naya nauka o lichnosti [New personology – integral science of personality]. *Mir Psikhologii*, 3, 59–71.
- Starovoytenko, E. B. (2013a). Dostizhenie sebya v otnoshenii k drugomu [Attainment of Self in relationship to Other]. *Mir Psikhologii*, 2, 71–85.
- Starovoytenko, E. B. (2013b). Vozmozhnosti Ya v dialoge s Drugim [Possibilities of Self in dialogue with the Other]. *Mir Psikhologii*, 4, 189–203.
- Taran, T. A. (2000). Mnogoznachnye bulevy modeli refleksivnogo vybora [Multivalued Boolean models of reflexive choice]. In *Refleksivnoe upravlenie. Sbornik statei* [Reflexive management. Collected works] (pp. 122–132). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Taran, T. A. (2001). Boolean models of reflexive control under choice conditions. *Avtomatika i Telemekhanika*, 10, 103–117.
- Vasilyuk, F. E. (2008). Model' stratigraficheskogo analiza soznaniya [The model of stratigraphic analysis of consciousness]. *Moskovskii Psikhoterapevticheskii Zhurnal*, 4, 9–36.
- Vygotsky, L. S. (2005). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [The developmental psychology of man]. Moscow: Smysl/EKSMO.
- Žižek, S. (1993). *Tarrying with the negative: Kant, Hegel, and the Critique of Ideology*. Durham: Duke University Press.

Субъектность как состоятельность***Петровский Вадим Артурович**

Ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры психологии личности
департамента психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор,
доктор психологических наук.
Контакты: petrowskiy@mail.ru

Резюме

Понимая под субъектом вообще «причину себя» и трактуя субъектность индивидуума как его способность быть источником и одновременно результатом собственной активности, автор отвечает на вопрос: что в индивидууме выступает предметом воспроизводства? По сравнению с более ранней трактовкой субъектности, круг проявлений *causa sui* специфицируется: рассматриваются возможности индивидуума, реализуемые и обретаемые им в процессе движения к цели. «Субъект» — не тот, кто достигает (не всё во власти того, кто действует), а тот, кто делает все, чтобы достичь. «Быть субъектом» — это значит: производить возможности достижения. Критерий субъектности — соответствие между возможностями, вкладываемыми в процесс, и возможностями, аккумулируемыми в процессе достижения цели. В таком понимании «субъектность» есть искусство обращаться со своими возможностями, обеспечивая их воспроизводство. Постулируется, что общий объем потенциальных возможностей индивидуума безграничен (принимается метафора бесконечномерного куба). Возможности «высваиваются» (М. Хайдеггер) в процессе взаимодействия индивидуума с окружением. При этом они не только обслуживают достижение каких-либо сторонних целей, но и сами формируют цели, побуждающие активность. Различаем возможности: внутренние и внешние, наличные и скрытые, новоприобретенные и актуализированные, возможности-опоры и возможности-устремления. Принимаем: чем выше уровень наличных (проявленных) возможностей — «могу», тем сильнее стремление воплотить их — «хочу» (таким образом, не только «хочу» вызывает «могу», но и «могу» бросает вызов «хочу»). Динамическое единство «могу и хочу» образует суть того, что автор называет состоятельностью индивидуума — средоточием возможностей, побуждающих активность. Формулируются условия оптимума состоятельности, основанные на математической модели состоятельности, объединяющей в себе представления о многообразии возможностей. В этом контексте субъектность определяется как состоятельность, отвечающая критериям оптимума («Окупай вклады»; «Будь эффективен»; «Экономь»; «Не скупись на усилия»). Очевидным следствием принятия модели состоятельности является переход к мультисубъектным моделям личности: они позволяют реализовать условия оптимума состоятельности в тех случаях, когда взаимодействие «один на один с миром» препятствует обнаружению

* Русскоязычная электронная версия статьи опубликована на сайте журнала «Психология. Журнал высшей школы экономики». Некоторые темы, затронутые в данной статье, раскрываются также в работе В.А.Петровского «"Субъектность" в пространстве культуры и наяву» (Мир психологии. 2015. № 3, с. 14–37).

субъектности (ограниченность ресурсов среды, дефицит или избыточность устремлений). Предложено несколько моделей «субъектных сборок»: «единоличник», «автор — эксперт», «лидер — партнеры», «хозяин — работник». На численных примерах проиллюстрирован эффект достижения оптимума состоятельности при разных формах субъектных сборок. В соответствии с «законом развития» высших психических функций (по Л.С. Выготскому) предпринята гипотетическая попытка описать строение личности индивидуума как результат «интериоризации» различных субъектных сборок. Под этим углом зрения рассмотрены проявления саморегуляции индивидуума (волевая, смысловая, целевая, операциональная формы) при решении им «задачи по вкусу». В рамках эмпирического исследования показано, что в процессе решения таких задач каждый из внутренних субъектов в составе личности («самовластное Я», «сам-друг», «я сам», «распорядительное Я») достигает соответствия между своими устремлениями и обретаемыми возможностями. Рассмотрены три варианта субъектной организации личности: «моносубъект», «бинарный субъект», «тернарный субъект». Приведены гипотетические, а также реальные примеры «работы» модели состоятельности индивидуума при разных вариантах субъектной организации личности: модель идеального переговорщика («Доверяй, но проверяй! — Насколько?»), модель «Надежды и разочарований в любви», модель триумvirата субъектов, реинтерпретирующая «модель принятия риска» Дж. Аткинсона. Культура, явленная индивидууму в виде символических интеракций между разными Я («социум в голове»), трактуется как условие достижения оптимума состоятельности, что подразумевает различные по уровню субъектной сложности личностные построения (бинарность, тернарность, тетрарность и т.п.).

Ключевые слова: *causa sui*, субъектность, возможности, могущество, состоятельность, оптимум состоятельности, рациональный субъект, присвоение, высвоение, моноличность, бинарная личность, тернарная личность, мультисубъектная организация личности, культурно-историческая теория Л.С. Выготского.

AGE-RELATED CHANGES OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS IN 7–9-YEARS OLD CHILDREN WITH DIFFERENT TYPES OF STATE REGULATION DEFICITS

T.V. AKHUTINA, A.A. KORNEEV, E.YU. MATVEEVA, A.R. AGRIS

Tatiana V. Akhutina — Head of Laboratory of Neuropsychology at Lomonosov Moscow State University, Psychology Department, D.Sc., professor.

E-mail: akhutina@mail.ru

Address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Aleksei A. Korneev — Senior research associate, Lomonosov Moscow State University, Psychology Department, Ph.D.

E-mail: korneeff@gmail.com

Address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Ekaterina Yu. Matveeva — Senior research associate, Lomonosov Moscow State University, Psychology Department, Ph.D.

E-mail: obukhova1@yandex.ru

Address: GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Anastasia R. Agris – educational psychologist (school neuropsychologist), Moscow State budgetary educational institution of general education "Lyceum № 1524", Ph.D.

E-mail: agris.anastasia@gmail.com

Address: 6 bld. 2 Guryanova str., Moscow, 109548, Russian Federation

Abstract

The topic of this paper is an analysis of the developmental changes in cognitive functions in children with poor state regulation (function of the first – energetic unit of the brain, according to A.R. Luria). The article is based on clinical and experimental psychological research. The neuropsychological battery of tests for 5-9 years old children is used as well as 2 computer-based tests: the modified variant of the test "Dots" and a computer-based version of tests for performance efficiency measurement – Schulte-Gorbov tables. One hundred seventy three primary school children from the 1st and the 3rd grades participated in the study. The results displayed the presence of two variants of state regulation deficits: children with slow processing speed and mental fatigue, and children with hyperactivity and impulsivity. On the whole, the children with a deficit in the first functional unit are characterized by difficulties when performing energy demanding tasks, the faster onset of exhaustion, a low (in the group with slower processing speed) or fluctuating (in the group with hyperactivity) speed of performance, a dependence on motivation and emotional state, a deficit in executive functions and the capacity to process kinesthetic information. The majority of children in both groups had learning disabilities. The analysis of the specific characteristics of variants shows that children with slow processing speed in the 1st and the 3rd grades perform the tasks the slower and the worse, the more energy-demanding the task is. In this group the increase in symptoms of deficits in executive functions may be linked to the intensification of anxiety. In hyperactive children with a discrete executive functions deficit, the capacity to perform tasks produces an inverted U curve on the graph, according to the tasks' level of complexity. They perform the simplest tasks less capably than normal children because of poor motivation, and decrease the results in the most complex tasks because of high energy demands of such tasks.

Keywords: state regulation deficits, activation/arousal, hyperactivity, slow processing speed, learning disabilities, ADHD.

The role of deficits in state regulation (functions of the first brain unit, according to A.R. Luria) in the mechanism of ADHD and learning disabilities is currently increasingly discussed in the literature. Evidence of first brain unit deficits is the most frequently observed psychological problem of children who struggle in school (Pylaeva, 1998; Akhutina, Pylaeva, 2012). It

appears that these symptoms are somehow inherent in most children with learning disabilities (Akhutina, Matveeva, & Romanova, 2012; Waber, 2010). The converse is also true. Among children with pronounced activation deficits, there are exceptionally large numbers of those who are unsuccessful in learning (Glozman, Ravich-Shcherbo, & Grishina, 2007). The literature

shows that ADHD and learning disabilities may be linked to state regulation deficits within their brain mechanisms (Richards, Samuels, Turnure, & Ysseldyke, 1990; and others). In this regard, the question of slow processing speed among children with a variety of developmental disorders (ADHD and others) is widely discussed (Willcutt, Sonuga-Barke, Nigg, & Sergeant, 2008; Weiler, Bernstein, Bellinger, & Waber, 2000, 2002). The suggestion that ADHD and learning disabilities share a common deficit (Pennington, 2006; Shanahan et al., 2006; McGrath et al., 2011) sheds light on possible mechanisms of co-morbidity within these disorders which is now estimated at 45.1% (DuPaul, Gormley, & Laracy, 2013). In children with dyscalculia, dyslexia and dysgraphia difficulties of automation, the shift from the *controlled* extensive energy consuming performance of tasks involved in learning, to condensed *automatic* skills are demonstrated (Waber, 2010). And deficiency of such a shift increases the demands to activation processes. This may lead to their overload.

The dysfunction of the state regulation processes is seen in ADHD on the level of short-term orientation responses to stimuli (arousal), as well as on the level of stable maintenance of a required working state (activation, vigilance). This is true for children with combined dysfunction of behavior and attention (ADHD) and for children with attention deficit disorder without hyperactivity (ADD) (Brown, 2005; Sergeant, 2000, 2005; van der Meere, 2005; Nigg, 2005). Modern researchers give much attention to the symptoms of sluggish cognitive tempo, determin-

ing them either as significant symptoms for ADD diagnostics, or an indicator of a special variant of activation deficit, distinct from ADD (McBurnett, Pfiffner, & Frick, 2001; Barkley, 2014; and others). Thus, according to researchers, activation regulation deficit may be manifested differently and be one of the most essential mechanisms in the origin of ADHD, learning disabilities and co-morbid behavioral disorders. Its study is an important task for the modern child neuropsychology.

The *objective* of the current article is the study of different variants of state regulation deficit in younger schoolchildren and of the influence this deficit exerts on other cognitive functions.

Methods

The neuropsychological battery of tests for 5–9 years old children (Akhutina, Polonskaya, Pylaeva, & Maksimenko, 2008, Akhutina et al., 2012; Polonskaya, 2007) were used for the assessment of higher mental functions, as well as computerized methods of examination of functions of the first and third brain units. They are a modified version of the computer-based test “Dots” (Davidson, Amso, Anderson, & Diamond, 2006; Diamond, Barnett, Thomas, & Munro, 2007) and the computer-based version of the measurement of working efficiency and voluntary attention – the Schulte-Gorbov tables (Gorbov, 1971).

The *neuropsychological assessment* included 20 tests to examine various components of higher mental functions (HMF). The data of these tests was evaluated within 225 parameters that

included productiveness of performance and the various errors committed. The parameters, that reflected the state of the studied components of HMF most specifically, after standardization procedures were summed to calculate the following indices: 1) programming and control functions of the third unit (executive functions), 2) serial organization of movements, 3) processing of kinesthetic, 4) auditory, 4) visual and 6) visuospatial information. The higher the index, the worse the state of HMS was observed.

During the assessment, as well as the traditional analysis of performance tests, the child's behavior patterns reflecting state regulation levels, were recorded. These symptoms included slow tempo, fatigability, hyperactivity, impulsivity and perseverative behavior. To assess hyperactivity and impulsivity diagnostic characteristics from DSM-IV

were used. Each parameter was estimated in a 4 point scale, where 0 showed minimal degree of symptom severity, and 3 showed maximal degree. After standardization of these parameters the sum of them was counted for each child and it formed the integral index of the first brain unit. Besides, 5 listed measures underwent factor analysis (principal component analysis) with varimax rotation. In result 2 factors were extracted, which explained 71% of variance. Factor loadings after rotation are shown in the Table 1.

Factor 1 has high loadings on slow cognitive tempo, fatigability and perseveration variables, which permits it be named as a factor of slow tempo. Factor 2 has high loadings on hyperactivity and impulsivity, and it was interpreted as the general factor of hyperactivity¹. Two independent indices were formed on the basis of these results, which

Table 1

Factor loadings matrix

	Factor 1	Factor 2
Slow tempo	0.825	-0.252
Fatigability	0.816	0.257
Perseverative behavior	0.747	0.224
Impulsivity	0.090	0.829
Hyperactivity	0.070	0.872

¹ The loadings of indices of hyperactivity and impulsivity on one factor coincide with the typical picture of combination of symptoms of hyperactivity/impulsivity in ADHD, which allowed us to keep the term hyperactivity for the naming of the factor and for the children covered by this factor. Their symptom-complex coincides with the clinical picture of ADHD, though ADHD was never diagnosed in them by medics. The first-graders didn't have the necessary observation of symptoms during 6 months, and it was impossible to send to the doctor the third-graders that were included in the group of hyperactive children without bringing this to the attention of other children, which would stigmatize them.

reflected the condition of the functions of energetic unit: the index of slow tempo and the index of hyperactivity. Thus, in whole for description of HMF state 9 indices were used: 3 for the first unit and 6 for the second and third units.

The computer-based test "Dots" consists of 3 subtests. In the first (congruent) subtest the stimulus (red heart) appears on the screen either left, or right (quasi-randomly); a child has to press the key on the keyboard of the PC as quick as possible with his left or right hand from the side where the stimulus appeared. In the second (non-congruent) subtest with the appearance of the stimulus (blue flower) one has to press the key on the opposite side of the keyboard. In the third (mixed) subtest congruent and non-congruent stimuli appear randomly. We evaluated the efficiency of performance (number of correct answers in each subtest) and the mean time for correct answers. The second and the third subtests allow evaluating the ability to switch and inhibit inadequate response (executive functions of the third brain unit). The third test is energy-consuming and sensitive to the state of functions of the first brain unit.

The test "Schulte tables" consists of 5 subtests. In each subtest a table appears on the screen of the tablet PC. The table consists of 20 (5 x 4) cells, in which 2 sequences of numbers from 1 to 10 are placed at random, one sequence is of black numbers and another sequence is of red numbers. Children were asked to find and touch with the finger as quickly as possible numbers in the following order: 1) black numbers in ascending order; 2) red numbers in ascending order; 3) black numbers in descending order; 4) black and red numbers in ascending order (par-

allel sequences); 5) red numbers in descending order. The mean time of choices in each of the 5 subtests (in ms) and total number of mistakes (omissions, perseverations, program malfunctions) were measured.

The proposed set of tasks allows the evaluation of the children's ability to master (1) the simple programs of ascending order (the 1st and the 2nd subtests), the more complicated descending (the 3rd and the 5th subtests) and the most complex parallel (the 4th subtest) programs, (2) to switch from one program to another, (3) to inhibit inadequate answers (functions of the third brain unit). Long duration of work in all the subtests, which demanded stable attention, gave the possibility to assess the processes of activation (the first brain unit). Both computerized tests enabled to trace the state of the first and third functional units. We hypothesized that within children showing deficits in first unit, the deficiencies of functions of the third brain unit may be either secondary or a combination of the secondary and the primary disorders.

The *sample* consisted of 92 first-graders (45 boys, 47 girls) and 81 third-graders (35 boys, 46 girls) from the Moscow schools. According to the expert assessment of their teachers, the analysis of the marks in the third grade and results of tracking diagnostics (analysis of behavior at school and of mistakes in exercise books) among the participants of the experiment, children with learning disabilities were found (31 and 27 people in the 1st and the 3rd grade accordingly).

On the basis of the 2 indices of functions of the first brain unit (index of slow tempo and index of hyperactivity)

the sample was divided into 3 groups. Those children were assigned to the group representing the norm from the point of view of activation components of HMF, whose values in integral indices of hyperactivity and slow tempo didn't exceed the sample average by more than 0.5 of the standard deviation (further – group N, or control group, the 1st grade – 52 children, the 3rd grade – 47 children). To the group of hyperactive children those children were assigned whose index of hyperactivity exceeded average in the whole sample by more than 0.5 of the standard deviation and was higher than the index of the slow tempo (further – group H, the 1st grade – 14 children, the 3rd grade – 19 children). At last, the group with slow cognitive tempo consisted of those, whose index of slow tempo exceeded average in the whole sample by more than 0.5 of the standard deviation and was higher than the index of hyperactivity (further – group S, the 1st grade – 26 children, the 3rd grade – 15 children).

Results

According to the results of the assessment and calculation of indices which showed the state of various components of HMF (Akhutina et al., 2012), the neuropsychological profiles of hyperactive and slow schoolchildren of the 1st and the 3rd grade were built (Figures 1A and 1B).

The results of ANOVA (analysis of variance) in the 1st grade (see Figure 1A) showed that the factor GROUP has a significant influence on the state of executive functions ($F(2, 87) = 6.265, p = 0.003$) and on functions of the processing of kinesthetic information ($F(2, 87) = 4.871,$

$p = 0.01$). Additional pairwise comparisons of groups with Tukey's Multiple Comparison test showed that the group of hyperactive children received significantly worse marks in comparison to slow children on integral index of the first brain unit ($p < 0.001$). Hyperactive children also significantly differed from the control group on the indices of executive functions ($p = 0.004$). Slow children in comparison with the children from the control group had lower marks for processing of kinesthetic information ($p = 0.014$) and had sub-significantly lower marks for executive functions ($p = 0.086$).

However, in groups H and S from the 1st grade no statistically significant differences were found in any indices of neuropsychological assessment.

The results of the similar ANOVA in the 3rd grade (see Figure 1B) showed that the factor GROUP has significant influence on the state of executive functions ($F(2, 77) = 6.588, p = 0.002$), functions of processing of kinesthetic ($F(2, 77) = 16.243, p < 0.001$) and visual ($F(2, 77) = 7.071, p = 0.002$) information. Additional pairwise comparisons of the groups with Tukey Multiple Comparison test showed that children of the groups H and S significantly differed from the group N on the indices of processing of kinesthetic information ($p < 0.001$ in both groups) and executive functions: slow children had significant difference ($p = 0.003$), hyperactive children had sub-significant differences ($p = 0.084$). Besides, in children of the group H significant differences were found in processing of visual information both from the control group ($p = 0.001$) and the group S ($p = 0.031$). There were no other differences between the groups.

Figure 1A

Neuropsychological indices of the first-graders

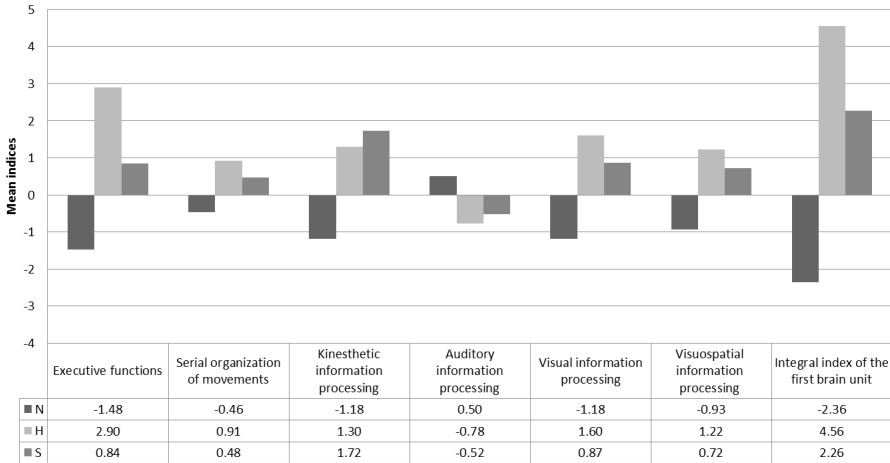
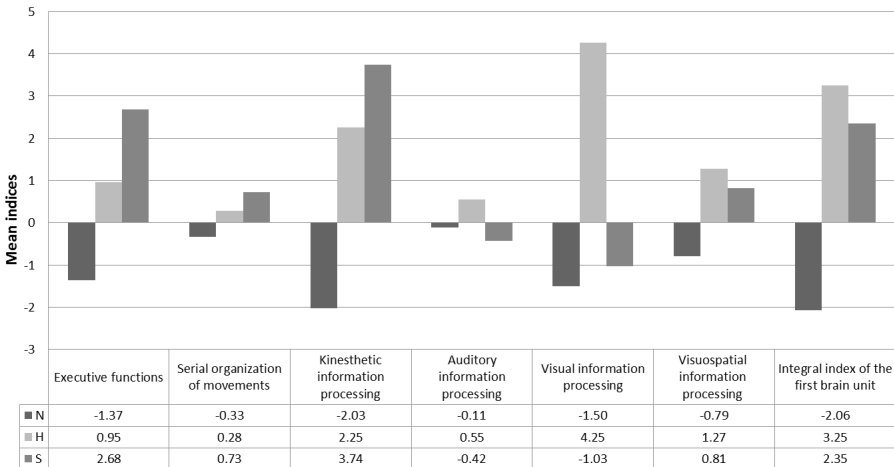

Figure 1B

Neuropsychological indices of the third-graders

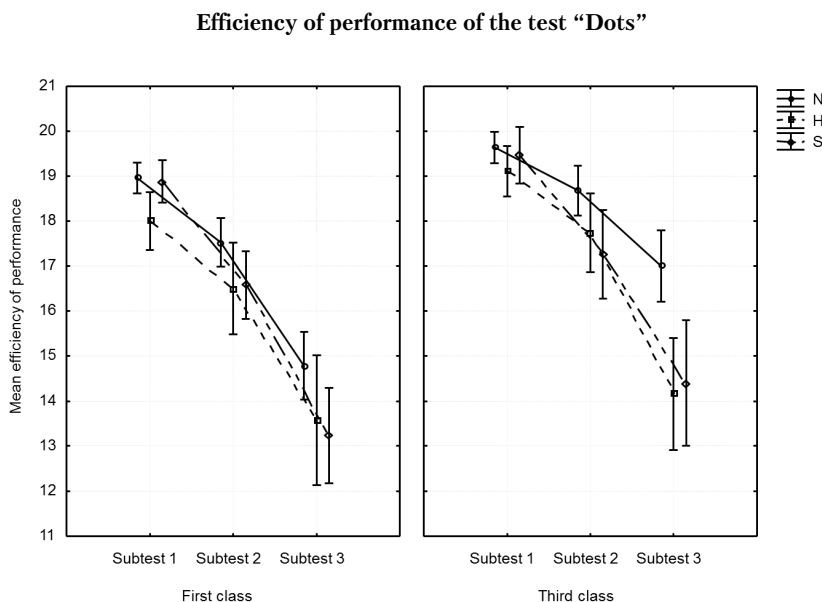

The results of the test “Dots”. Repeated measures ANOVA (rmANOVA) was used to evaluate the effects of the between-group factors GROUP (3 levels: N, H and S) and GRADE (2 levels: the 1st grade and the 3rd grade), as well as within-group factors in Types of Tasks (3 levels –

congruent, non-congruent and mixed subtests). The dependent variables were the efficiency of performance and the mean reaction time of correct answer.

Average indices of efficiency of performance in children from various groups are shown on the Figure 2.

Figure 2

The factor GROUP showed significant influence on efficiency of the test “Dots” performance ($F(2, 154)=16.98$, $p < 0.001$). Irrespective of the complexity of tasks children from both the 1st and 3rd grades with weaknesses in the first functional unit made significantly more mistakes during the performance of the test (results of planned comparisons: the 1st grade $F(1, 154) = 16.98$, $p < 0.001$; the 3rd grade $F(1, 154) = 17.01$, $p < 0.001$). The factor GRADE also had significant influence on efficiency ($F(2, 154) = 16.97$, $p < 0.001$): the third-graders perform the test more successfully than the first-graders. Planned comparisons demonstrated that children in the 3rd grade from the group N progressed to the maximum efficiency of performance ($F(1, 154) = 15.03$, $p < 0.001$); in children from the groups H and S the progress was less articulated, and significant differences were observed only in the group S

(the group H: $F(1, 154) = 3.07$, $p = 0.08$; the group S: $F(1, 154) = 5.94$, $p = 0.02$). The factor TYPE OF TASK also influenced efficiency ($F(2, 308) = 218.94$, $p < 0.001$): with the growing difficulty of subtests efficacy of performance decreases both in the 1st and in the 3rd grade. A significant interaction GROUP×TYPE OF TASK was found ($F(4, 308) = 6.17$, $p < 0.001$). It is due to the fact that efficiency in groups with various states of functions of the first brain unit changes differently from subtest to subtest. The quality of performance of the simplest subtest is significantly lower in the hyperactive first-graders in comparison to the children from the groups N and S ($F(1, 154) = 4.62$, $p = 0.03$, the results of planned comparison, scheme H vs. N+S), but in more complex subtests effectiveness lowers already in both groups of children with deficits of functions of the first brain unit against the

group N ($F(1, 154) = 10.28, p < 0.001$ and $F(1, 154) = 9.32, p = 0.002$ for the 2nd and the 3rd subtest respectively, results of planned comparison, scheme N vs. H+S) (see Figure 2). All third-graders perform equally well on the 1st simple subtest, but efficiency of the 2nd and the 3rd subtests in children with deficit of the first brain unit is significantly lower than in the group N ($F(1, 154) = 6.11, p < 0.01$ and $F(1, 154) = 17.33, p < 0.001$ for the 2nd and the 3rd subtest respectively). All other interactions of factors are insignificant ($ps > 0.4$).

The mean response time in various groups of subjects are shown in the Figure 3. The rmANOVA showed absence of influence of the factor GROUP ($F(2, 154) = 2.41, p = 0.09$). However irrespective of the type of task children from the group S were slower than the successful schoolchildren from the group N ($F(1, 154) = 4.54,$

$p = 0.03$) (see Figure 3). At the same time, significant influence of the factor GRADE on the average time to answer correctly was found: $F(1, 154) = 16.06, p < 0.001$). The most pronounced improvement of response time was found in children from the group N, in the group H it was insignificant (influence of the factor GRADE in the groups N, S and H respectively: $F(1, 154) = 14.22, p = 0.0002$; $F(1, 154) = 5.21, p = 0.02$; $F(1, 154) = 2.79, p = 0.1$). Also expected significant influence of the factor TYPE OF TASK was found ($F(2, 308) = 584.16, p < 0.001$) – with the growing difficulty of the tasks response time lengthens. Significant interactions of factors were not found ($ps > 0.3$).

Results of performance of the test “Schulte tables”. RmANOVA was used for statistical processing of data; the factor TYPE OF TASK had 5 levels: 5 subtests of the test, and dependent

Figure 3

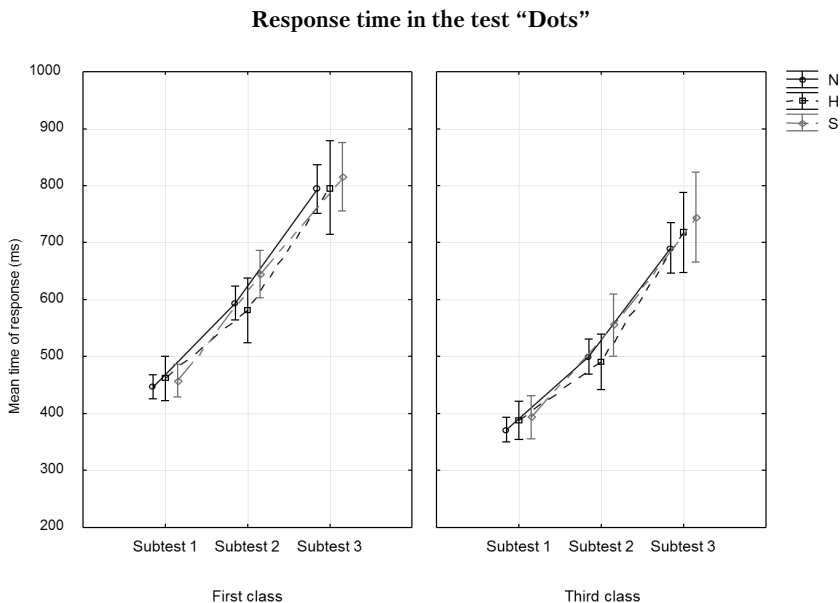
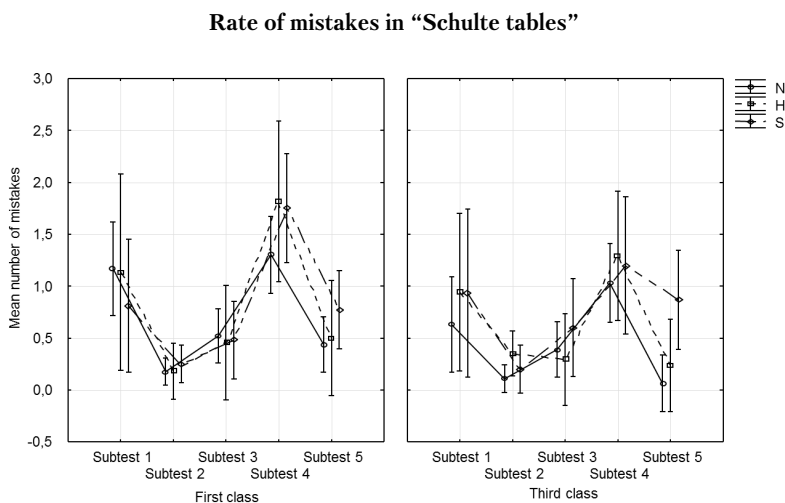

Figure 4

variables were mean number of mistakes in performance and mean response time.

Mean number of mistakes in the subtests shown in the Figure 4.

Statistical analysis showed that in whole irrespectively of the subtest both first-graders and third-graders with deficit of the first brain unit committed significantly more mistakes in comparison to peers from the group N (influence of the factor GROUP: $F(2, 143) = 3.36$, $p = 0.037$). Also the influence of the factor TYPE OF TASK was significant ($F(4, 143) = 26.43$, $p < 0.001$). Influence of the factor GRADE and interactions of factors were insignificant ($ps > 0.2$).

A planned pairwise comparison of third-graders showed the presence of pronounced difficulties in initiating tasks in hyperactive children (differences of the groups N and H in the 1st subtest: $F(1, 143) = 4.49$, $p = 0.03$); and in slow third-graders there were observed indicators of fatigue by the end of the test (differences of the groups N and S in the last subtest: $F(1,$

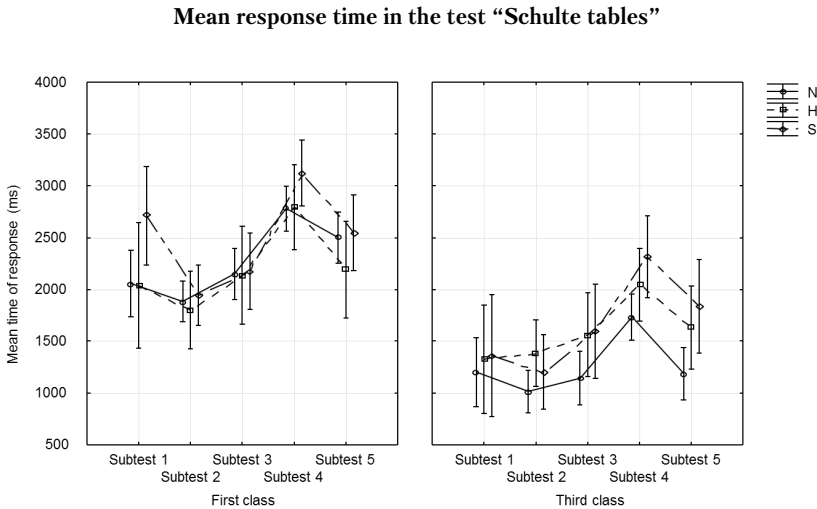
$143) = 11.22$, $p = 0.001$). The positive dynamic of errors lessening with age was observed only in children of the group N ($F(1, 143) = 6.36$, $p = 0.01$). The conducted planned comparisons showed that significant influence of the factor GRADE in children from the group N appears because of the lessening with the age of the number of mistakes in the first subtest of the test ($F(1, 143) = 6.61$, $p = 0.01$).

The mean response time is shown in the Figure 5.

RmANOVA showed significant influence of the factor GRADE ($F(1, 153) = 57.23$, $p < 0.001$), and the time of response decreases from the 1st to the 3rd grade. Also significant influence of the factor TYPE OF TASK was found ($F(4, 612) = 66.13$, $p < 0.001$): response time grew with the difficulty of subtests (see Figure 5). Influence of the factor GROUP and interaction of factors in this case were insignificant ($ps > 0.11$).

According to the results of the planned comparisons, slow children

Figure 5

spent subsignificantly more time in number searches when compared to the children in Groups N and H both in the 1st and in the 3rd grades ($p < 0.1$) (see Figure 5). However significant differences in search time in the first-graders of the group S were seen in the 4th, the most difficult subtest with parallel sequences ($F(1, 153) = 5.93, p = 0.01$). Among the third-graders the group S was slower both in the 4th and in the 5th, last subtest (PL: $F(1, 153) = 9.24, p = 0.003$; 10-1s: $F(1, 153) = 6.56, p = 0.01$). In the hyperactive third-graders there also was a tendency for lengthening the search time in the two last subtests, but differences with the group N didn't achieve significance ($p < 0.07$).

Analysis of interaction of neuropsychological assessment and computerized tests results. To explore the consistency of the data from neuropsychological assessment and computerized tests we conducted a correlation analysis of the indices of performance of “Dots” and “Schulte tables” with the

neuropsychological indices. In evaluation of significance of the received values of coefficients Holm correction for multiple correlations was used.

When analyzing the performance of the test “Dots” by first-graders were found significant correlations of the indices of the first brain unit (of the slow tempo (index S) and the integral index) and efficiency of performance of the 2nd ($r = -0.353, p = 0.006$ and $r = -0.302, p = 0.018$ respectively) and the 3rd subtests ($r = -0.365, p = 0.006$ and $r = -0.347, p = 0.009$ respectively). Also a subsignificant correlation of the hyperactivity index (index H) with the performance time on the 2nd subtest ($r = -0.251, p = 0.096$) was found, which indicates that hyperactive children are prone to work quickly in this subtest. In the 3rd grade similar situation was observed: the integral index of the functions of the first brain unit significantly negatively correlated with efficiency of performance of the 2nd subtest ($r = -0.333, p = 0.012$), and in the 3rd subtest there were observed

significant correlations with all 3 indices of the state of the first brain unit: S, H and integral ($r = -0.335$, $p = 0.012$; $r = -0.371$, $p = 0.003$ and $r = -0.477$, $p < 0.001$ respectively).

When analyzing the data on the test “Schulte tables” in the first-graders we may note significant correlation between response time and index S in the most energy-consuming 4th subtest with parallel sequences ($r = 0.320$, $p = 0.025$): the higher the index S, the slower the group with slow tempo responded. The hyperactive children haven’t got similar dependency from the index H, there can be seen opposite tendency (see discussion).

In the third-graders the consistency between the results on the test and the evaluations of the functions of the first brain unit are more pronounced. We found significant correlations between the integral index of the first brain unit and mistakes in the 1st ($r = 0.352$, $p = 0.01$) and the 2nd ($r = 0.417$, $p = 0.001$, $r = 0.443$, $p < 0.001$) subtests. Subsignificant correlations were found between mistakes and the index H in the 1st subtest ($r = 0.270$, $p = 0.063$) and the index S in the energy-consuming 4th subtest ($r = 0.248$, $p = 0.180$), which indicate difficulties of warming-up in hyperactive children and overload associated with fatigue in slow children.

Besides the correlations of the indices of the first brain unit functions, we correlated the results of the computerized tests with the indices of executive functions. The analysis of the data on the test “Dots” showed that in 1st graders there is a negative correlation between this parameter and the number of correct answers in the most difficult 3rd subtest ($r = -0.359$,

$p = 0.006$), which was expected. When analyzing correlation with performance time a significant negative correlation with performance time on the 3rd subtest was found ($r = -0.304$, $p = 0.018$). In the third-graders the indices of executive functions were negatively correlated with the quantity of correct answers in the difficult 3rd subtest ($r = -0.307$, $p = 0.018$), which is similar to the results of the first-graders.

In the comparison of state of executive functions with number of mistakes in performance of the test “Schulte tables” by the first-graders subsignificant correlations were found for the 2nd and the 3rd subtests ($r_s < 0.222$, $p_s < 0.065$) and significant correlations were found for the 4th and the 5th subtests ($r = 0.333$ и $r = 0.332$ respectively, $p = 0.015$). In the third-graders significant correlations were observed between the indices of executive functions and the speed in the 3rd and the 4th subtests ($p_s < 0.027$).

High correlations between the results of the computerized tests and the indices of performance of the first and third brain units were found, and the increase in number of significant correlations of the indices of the first brain unit from the 1st to the 3rd grade. Thus, correlation analysis shows expected consistency of the data of neuropsychological assessment and the computerized tests.

Connection between the deficits of activation components of HMF and learning disabilities (LD). In our sample, which included 173 children, 74 (42.8%) had a deficit of the first brain unit. According to the data from teachers and tracking diagnostics, 58 children from the sample (33.5%) had learning disabilities. The analysis of

correspondence of weakness in the first brain unit and learning disabilities showed that in the 1st grade among children with LD 71% has deficit of the first brain unit, while among successful students there are only 20.5% of such children. 85.2% of the children with LD and 20% of successful students had weakness in the first brain unit in the 3rd grade. According to the χ^2 , the connection between having LD and deficits in the first brain unit is highly significant (on the level of $p < 0.001$). In our study we also found the increase in number of children with deficit in the first brain unit among children with LD from the 1st to the 3rd grade (from 71% to 85%). This data has to be checked carefully in the next studies, as this may point to a disturbing fact of maladjustment of energetic resources of children with the growing demands to them at school.

Discussion

In order to diagnose children with a deficit in functions of the first brain unit, we used for this study a neuropsychological assessment that was extended by an evaluation of behavior and the characteristics of performance of the test battery with 5 parameters: slow tempo, fatigability, hyperactivity, impulsivity and perseverative behavior. Factor analysis enabled them to be categorized into 2 factors: the first one consisted of slow tempo and fatigability and the second one included hyperactivity and impulsivity. Similar results: closeness of parameters of hyperactivity and impulsivity in children with ADHD, from the one side, and combination of slow tempo of task performance with difficulties of atten-

tion in children with ADD, from the other side, were found in other studies (Chabildas, Pennington, & Willcutt, 2001; McBurnett et al., 2001; Milich, Balentine, & Lynam, 2001; Hartman, Willcutt, Rhee, & Pennington, 2004 and others), which confirms the validity of differentiation of these two variants of state regulation deficit.

It is worth noting that the index of perseverative behavior is loaded on both factors, though it had higher loadings on the first factor (Factor S) (see Table 1). Similar data was obtained with factor analysis of the results of neuropsychological assessment of a different sample of first-graders (Agris, Akhutina, & Korneev, 2014). From the literature we know that tendency to perseverate in children may be observed both in impairment of frontal lobes and middle brain structures (Symernitskaya, 1985; Luria, 1973; Moskovichyute, 1998). The Moskovichyute's study states that the frequency of systemic perseverations (which appear in several types of psychic activity) in the group with thalamic tumors appear more often than in patients with injuries of cortex (Moskovichyute, 1998). On the basis of this fact we held that a perseverative tendency may reflect both deficits in the first and third brain units, and deficit of functions of the third brain unit may be either secondary or a combination of primary and secondary disorders. These data and practical experience show that perseveration is a less specific characteristic of the described variants, it influences the intensity of activation deficit symptoms in both groups of children with poor state regulation.

To sum up the factor analysis as a whole, we may state that it allowed us

to show the heterogeneity of the sample in various parameters of activation deficit and to discriminate 2 types of deviations, on the basis of which 2 experimental groups were formed.

As far as in our study we conducted non-selective testing of the first- and the third-graders of 2 Moscow schools, data about the size of the groups may be used for evaluation of occurrence rates of these variants in the population. Children without a deficit of activation constituted 56.5% in the 1st grade and 58.0% in the 3rd grade. The groups H in the 1st and the 3rd grades included respectively 15.2% and 23.5% of children, and the groups of slow children made respectively 28.3% and 18.5%. Such a tendency to a reduction in the slow children in the 3rd grade (from 28% to 18%) is insignificant according to the χ^2 ($p=0.194$). The presence of symptoms of “high fatigability and slow cognitive tempo” in children with ADHD was analyzed by Machinskaya, Sugrobova, and Semenova (2014). According to their data, these symptoms were inherent for 2 of 3 groups of children with ADHD of 7–8 years of age, but they practically disappeared in children of 9–10 years of age.

Learning disabilities (LD) were found in 57% of 14 hyperactive first-graders and in 73.7% of 19 children from the 3rd grade. LD were found in 53.8% of 26 slow children from the 1st grade and in 60% of 15 children from the 3rd grade. Thus, both variants of activation deficit may lead to school problems, especially in the 3rd grade, but we didn't find significant differences between the groups H and S on the presence of LD by χ^2 . This result is in accordance with studies where the interaction of LD both with hyperac-

tivity-impulsivity and a slow tempo of information processing was found (Richards et al., 1990; Shanahan et al., 2006; McGrath et al., 2011, Compton, Fuchs, Fuchs, Lambert, & Hamlett, 2012; DuPaul, Gormley, & Laracy, 2013).

Neuropsychological assessment of the first- and the third-graders showed significant differences of HMF in 2 groups of children with various manifestations of general activation deficit. Our data shows weakness of executive functions in junior schoolchildren with deficit of activation. In the 1st grade it is particularly distinct in the group of hyperactive children, in the 3rd grade – in children with slow cognitive tempo. There is contradictory data about this in contemporary works. Some works report a more acute deficit of executive functions (EF) in children with ADHD combined type in comparison to children with ADD with slow cognitive tempo (Barkley, 1997, 2014). In other works differences in EF between ADHD and ADD are not found (Geurts, Verté, Oosterlaan, Roeyers, & Sergeant, 2005). According to the data of Machinskaya et al. (2014), occurrence of sluggishness and fatigability is found both in combination with weakness in EF (ADHD with frontal thalamic insufficiency) and without it (deficit of non-specific activation).

Moreover, there is an opinion, that deficit of EF in ADHD is context-sensitive, dynamic, secondary to state regulation and motivation (Sonuga-Barke, Wiersema, van der Meere, & Roeyers, 2010; van der Meere, 2005). The findings of Machinskaya et al. (2014) oppose this last statement about indispensable secondary nature of EF failure and convincingly show heterogeneity of neurophysiological factors of cogni-

tive difficulties in children with ADHD. But the thesis of contextual dependency of EF, their dynamic nature does not contradict empirical research and theoretical statements.

This thesis well corresponds to the principle of dynamic organization and localization of HMF by L.S. Vygotsky – A.R. Luria. It allows explaining the results of neuropsychological assessment. *Hyperactive first-graders* had quite low integral index of state of the first brain unit, which equals 4.56 (see Figure 1A), their index of executive functions was also low (2.90). A part of “executive” tasks is fairly energy-consuming for first-graders, so we may assume, that is why hyperactive children give impulsive answers and do not cope with the tasks. Slow first-graders with an integral index of the first brain unit 2.26 performed these tasks better, though slowly; their index for executive functions was 0.84.

Hyperactive third-graders in our sample had an integral index of the first brain unit 3.25 (see Figure 1B); their index of executive functions was 0.95. The severity of deficit of executive functions decreased in comparison with their peers with slow cognitive tempo. It may be connected with the sample characteristics or with other reasons. Firstly, the same tasks become less difficult and energy-consuming for the third-graders, and children cope significantly better with them. Secondly, literature states quicker development of executive functions in first-graders with initially low indices (Voronova, Korneev, & Akhutina, 2013).

Slow third-graders with an integral index of the first brain unit 2.35 cope with the tasks worse than their hyperactive peers; their index of executive

functions equals 2.68. There may be several explanations, but first of all we need to note that there cannot be strict linear dependence between states of various brain units, even if some failures are secondary in nature. The state of functions and structures depends on many factors, for example, on neurotrophic factors, neuromediators, on involvement of structures in various functional systems. It is possible that in our sample part of third-graders could have primary failures of the third brain unit, and their ratio in first-graders and third-graders could be different. But apart from that factor of accidental group cast there is another factor. We suppose that anxiety could have heightened in third-graders with slow cognitive tempo, as their sluggish tempo and low efficiency could have led to systematic failures in education, which contributed to rise of anxiety. According to the literature, children with ADD with slow cognitive processing speed have high comorbidity with anxiety disorder (Pliszka, 1989; Biederman, Newcorn, & Sprich, 1991; Skirbekk, Hansen, Oerbeck, & Kristensen, 2011). Consideration of emotional states of children, i.e., consideration of context, which may change the pattern of EF in a given period or moment, is an important and promising topic for future research.

Besides the link between deficit of the first brain unit and EF, it is worth noting other characteristics of children from the deficit groups, invariant for both ages. Firstly, there is a distinct deficit of processing of kinesthetic information. In these processes children with activation deficit significantly differ from the control groups of both first- and third-graders. In the first-graders

these characteristics mostly apply to children with slow tempo (similar data was received in the study of Agris et al., 2014), and in the 3rd grade they are found both in slow and in hyperactive children. The presence of regulatory and visual difficulties (in the 3rd grade) combined with deficit of the first brain unit and difficulties of kinesthetic information processing helps us to assume that complex volitional movements may suffer because of the whole constellation of deficits. Such a conclusion is confirmed by research of developmental coordination disorder which symptoms are often present in AD(H)D (Gillberg, 2003). Slowness and instability of tempo and problems in executive functions, as well as problems of processing of kinesthetic, visual and visuospatial information, are inherent both for DCD (Wilson & McKenzie, 1998; Piek, Dyck, Francis, & Conwell, 2007) and for children with deficit of the first brain unit in our study. This is an important fact for building remedial programs for children with learning disabilities and activation deficit. It is notable, that in the 1st grade teachers still pay attention to development of fine motor skills (exercises for drawing patterns, finger gymnastics), but in the 3rd grade it is considered as not any more important. Our data show that fine motor skills in children with weakness in the first brain unit need additional development.

Results of *computerized tests* show a decrease of both efficiency and speed of performance of cognitive tasks in both tests in children with deficit of the first brain unit. The most distinct differences from norm are found in the parameter of *effectiveness*. In both the computerized tests, the quality of per-

formance in children with deficit of the first brain unit is significantly lower than in children without such problems. Thus, children with deficit of the first brain unit show difficulties in coping in complex subtest in “Dots” (especially under the conditions of required fast tempo of work). In hyperactive first-graders a decrease in efficiency in the easiest 1st subtest is seen, which may be the consequence of difficulties of task initiating, that is inherent for executive functions deficit. In “Schulte tables” test where tempo of performance is regulated by a child, such distinct differences in efficiency in the most difficult subtests are not seen in children with deficit of the state of the first brain unit in comparison with the group of norm. But in this test hyperactive children again show a decrease in efficiency in the easiest 1st subtest, though not in the 1st, but in the 3rd grade, which we have already seen in “Dots”. It is important to state that the problem of task initiating, inherent for hyperactive children, is not seen in this test in the first-graders, which is consistent with the idea of dynamic nature of deficit of executive functions in ADHD and its complex connection with the context of activity and motivation. At the same time, slow third-graders show predictable drops in effectiveness in the last subtest in “Schulte tables” (with regard to their high fatigability, seen in neuropsychological assessment).

Differences on the parameter of speed are not so evident. In “Dots” there are no significant differences between the groups, though children with low processing *speed* show slower tempo of performance. In “Schulte tables” test general decrease in tempo

in these children in comparison to the group of norm becomes subsignificant only in the 4th, the most difficult subtest (both in the first-graders and the third-graders). Also in the third-graders the 5th, last subtest suffered, which corresponds to the hypothesis about high fatigability of children with slow cognitive tempo. This pattern (decrease in speed in the 4th and the 5th subtests) is present as tendency in hyperactive third-graders. But the overview of parameters of efficiency and response time separately does not allow noticing significant results. We will examine them together.

Hyperactive first-graders in the 3rd, the most difficult subtest of “Dots” come close to the norm group in response time, but make many errors. As far as these children have the lowest index of executive functions, it is their contribution that is reflected in significant negative correlation of response time in the 3rd subtest with the parameter of executive functions (the worse the executive functions, the quicker the answer). It is important to note that in performance of “Schulte tables” test by the first-graders the similar trend is seen. Hyperactive first-graders perform the subtests 1–4 with the normal speed, the 5th subtest they perform quicker than the norm, while they make more mistakes than the norm group, i.e., in the 5th subtest, when children are tired, they hurry up to “get rid of the test”, which is indirectly seen in negative correlation between response time in the last test and index H, though it is not statistically significant ($r = -0.245$, $p = 0.180$). Divergent correlations between response time and indices of executive functions in the 1st and the 3rd subtests of the test “Dots”

($r = 0.320$ и $r = -0.245$ respectively) may also give evidence to a change of strategy with the difficulty of subtests. Such a strategy of avoidance of difficulties by means of change of productive response with the impulsive one is also found in neuropsychological assessment. The third-graders use this strategy of performance of the tests “Dots” and “Schulte tables” rarely, so it is not detected statistically.

Hyperactive children also differ in performance of the simplest subtests. In first-graders we found decrease in efficiency in the 1st, the easiest subtest in “Dots”, in third-graders there is decrease in efficiency in the 1st subtest of test “Schulte tables”. In this regard we should remind that the literature knows reversed U-shaped performance of subtests by children with ADHD depending on the complexity of tasks, particularly, depending on the speed of stimuli presentation (Sonuga-Barke et al., 2010; van der Meere, 2005): children with ADHD perform worse on the simplest (uninteresting) and the most difficult subtests, while their performance of the subtest of medium difficulty is closer to norm.

The data analysis of the *age dynamics of efficiency and speed of performance of the computerized tests* shows that the third-graders of the control group (group of norm according to the first brain unit) demonstrate faster tempo of performance and better quality of work on both tests in comparison to the first-graders. Children with deficit of functions of the first brain unit demonstrate predominant improvement of tempo of performance (though a lesser one, than the control group). Their improvement of efficiency is seen only in test “Dots” and only

for the sub-group of slow children, notably significantly less pronounced, than in the group of norm.

We should note that the logic of acquisition of any skill usually supposes improvement of time indices of performance *after* increase in efficiency (optimal variant of acquisition of writing: at first children learn to write neatly and only then they gradually increase the tempo), and not vice versa, as in children with weakness in the first brain unit in our study. Children with activation deficit start working faster with age (but not much more efficiently), which is a sign of insufficiently effective strategies with the automation of skills, which may exert significantly negative influence on the acquisition of school skills and abilities (compare similar point of view, Waber, 2010).

Conclusion

In the dynamics of development of psychic processes in children with deficit of the first brain unit there are notable *general* differences from the norm on activation deficit indices and on indices of development of various components of HMF. They have inherent problems of voluntary regulation of activity and processing information of various types (especially kinesthetic and in hyperactive children – visual), associated with deficit of the first brain unit.

The analysis of specific characteristics of variants shows that the first-graders and the third-graders with *slow cognitive tempo* perform slower and worse, the more energy-consuming the subtest is. The increase in symptoms of deficit of the third brain unit (if it is not induced by the characteristics of the sample) may be related to increase in

anxiety to which, according to the literature, these children are inclined.

In *hyperactive* first-graders, who have evident weakness in executive functions (both according to the literature and our data), there is a tendency to perform on the subtests with the reversed U-shaped influence of complexity of tasks: in the simplest and the most difficult tasks they perform worse in comparison to the control group. At the same time, in performance of difficult tasks there is a notable tendency for avoidance of difficulties by means of quick hasty answers. In hyperactive third-graders, the decrease of executive functions was less pronounced, and they had the same dependence on energy-consumption of the task, as other third-graders: the more difficult the task, the slower (and almost always worse) they performed. The exception is the first simple subtests: mistakes in their performance may be connected to insufficient activation before the work and with low motivation because of the simplicity of the task.

Thus, in whole difficulties of performance of energy-consuming tasks, quick fatigability, slow (in group S) and fluctuating (in group H) tempo of work, dependence of performance of motivation and emotional state are inherent for children with deficit of the first brain unit. All of this data is important to understand normative development of the processes of state regulation in children of 7–9 years, as well as disorders of this development. The research should also be taken into account when creating much needed remedial developmental programs in contemporary education for children who have problems acquiring school skills.

References

- Agris, A. R., Akhutina, T. V., & Korneev, A. A. (2014). Varieties of Unit I functions deficits in children *with the risk of learning disabilities*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 34–46.
- Akhutina, T. V., Matveeva, E. Yu., & Romanova, A. A. (2012). Application of the Luria's principle of the syndrome analysis in processing of neuropsychological assessment data of children with developmental disorder. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 84–95.
- Akhutina, T. V., Polonskaya, N. N., Pylaeva, N. M., & Maksimenko, M. Yu. (2008). Neuro-psikhologicheskoe obsledovanie [Neuropsychological assessment]. In T. V. Akhutina & O. B. Inshakova (Eds.), *Neiropsikhologicheskaya diagnostika, obsledovanie pis'ma i chteniya mladshikh shkol'nikov* [Neuropsychological diagnostics, assessment of writing and reading in younger school-children] (pp. 4–64). Moscow: Sfera; V. Sekachev.
- Akhutina, T. V., & Pylaeva, N. M. (2012). *Overcoming learning disabilities: A Vygotskian-Lurian Neuropsychological Approach*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Barkley, R. A. (1997). *ADHD and the nature of self-control*. New York, NY: Guilford Press.
- Barkley, R. A. (2014). Sluggish cognitive tempo (concentration deficit disorder?): current status, future directions, and a plea to change the name. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 42(1), 117–125.
- Biederman, J., Newcorn, J., & Sprich, S. (1991). Comorbidity of attention deficit hyperactivity disorder with conduct, depressive, anxiety, and other disorders. *American Journal of Psychiatry*, 148(5), 564–577.
- Brown, T. E. (2005). *Attention deficit disorder: The unfocused mind in children and adults*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Chabildas, N., Pennington, B. F., & Willcutt, E. G. (2001). A comparison of the neuropsychological profiles of the DSM-IV subtypes of ADHD. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 29(6), 529–540.
- Compton, D. L., Fuchs, L. S., Fuchs, D., Lambert, W., & Hamlett, C. (2012). The cognitive and academic profiles of reading and mathematics learning disabilities. *Journal of Learning Disabilities*, 45(1), 79–95.
- Davidson, M. C., Amso, D., Anderson, L. C., & Diamond, A. (2006). Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching. *Neuropsychologia*, 44(11), 2037–2078.
- Diamond, A., Barnett, W. S., Thomas, J., & Munro, S. (2007). Preschool program improves cognitive control. *Science*, 318(5855), 1387–1388.
- DuPaul, G. J., Gormley, M. J., & Laracy, S. D. (2013). Comorbidity of LD and ADHD: Implications of DSM-5 for Assessment and Treatment. *Journal of Learning Disabilities*, 46(1), 43–51.
- Geurts, H. M., Verté, S., Oosterlaan, J., Roeyers, H., & Sergeant, J. A. (2005). ADHD subtypes: do they differ in their executive functioning profile? *Archives of Clinical Neuropsychology*, 20(4), 457–477.
- Gillberg, C. (2003). Deficits in attention, motor control, and perception: a brief review. *Archives of Disease in Childhood*, 88(10), 904–910.
- Glzman, Zh. M., Ravich-Shcherbo, I. V., & Grishina, T. V. (2007). Neurodinamicheskie faktory individual'nykh razlichii v uspekhnosti shkol'nogo obucheniya [Neurodynamic factors of individual differences in successful school study]. In V. A. Moskvina (Ed.), *Neiropsikhologiya i psikhofiziologiya individual'nykh razlichii* [Neuropsychology and psychophysiology of individual differences] (pp. 103–113). Belgorod: POLITERRA.

- Gorbov, F. D. (1971). Determinatsiya psikhicheskikh sostoyanii [Determination of psychic states]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 20–29.
- Hartman, C. A., Willcutt, E. G., Rhee, S. H., & Pennington, B. F. (2004). The relation between sluggish cognitive tempo and DSM-IV ADHD. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 32(5), 491–503.
- Luria, A. R. (1973). *Osnovy neiropsikhologii* [Basic neuropsychology]. Moscow: Moscow University Press.
- Machinskaya, R. I., Sugrobova, G. A., & Semenova, O. A. (in press, 2014). An interdisciplinary approach to analysis of the cerebral mechanisms of learning difficulties in children. Experience of studies of children with signs of ADHD. *Neuroscience and Behavioral Physiology*. doi:10.1007/s11055-014-0040-1
- McBurnett, K., Pfiffner, L. J., & Frick, P. J. (2001). Symptom properties as a function of ADHD type: An argument for continued study of sluggish cognitive tempo. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 29(3), 207–213.
- McGrath, L. M., Pennington, B. F., Shanahan, M. A., Santerre-Lemmon, L. E., Barnard, H. D., Willcutt, E. G., ... Olson, R. K. (2011). A multiple deficit model of reading disability and attention-deficit/hyperactivity disorder: searching for shared cognitive deficits. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 52(5), 547–557.
- Milich, R., Balentine, A. C., & Lynam, D. R. (2001). ADHD combined type and ADHD predominantly inattentive type are distinct and unrelated disorders. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 8(4), 463–488.
- Moskovichyute, L. I. (1998). Asimetriya polusharii mozga na urovne kory i podkorkovykh obrazovaniy [Asymmetry of hemispheres on the level of cortex and subcortical systems]. In E. D. Khoms-kaya, T. V. Akhutina (Eds.), *I Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati A.R. Luriya. Sbornik dokladov* [I International Conference in Memory of A.R. Luria. Book of abstracts] (pp. 96–101). Moscow: Russian Psychological Society.
- Nigg, J. T. (2005). Neuropsychologic theory and findings in attention-deficit/hyperactivity disorder: the state of the field and salient challenges for the coming decade. *Biological Psychiatry*, 57(11), 1424–1435.
- Pennington, B. F. (2006). From single to multiple deficit models of developmental disorders. *Cognition*, 101(2), 385–413.
- Piek, J. P., Dyck, M. J., Francis, M., & Conwell, A. (2007). Working memory, processing speed, and set-shifting in children with developmental coordination disorder and attention-deficit–hyperactivity disorder. *Developmental Medicine and Child Neurology*, 49(9), 678–683.
- Pliszka, S. R. (1989). Effect of anxiety on cognition, behavior, and stimulant response in ADHD. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 28(6), 882–887.
- Polonskaya, N. N. (2007). *Neiropsikhologicheskaya diagnostika detei mladshogo shkol'nogo vozrasta* [Neuropsychological diagnostics of younger schoolchildren]. Moscow: Akademiya.
- Pylaeva, N. M. (1998). Neiropsikhologicheskaya podderzhka klassov korrektsionno-razvivayushchego obucheniya [Neuropsychological support of the classes of correctional developmental teaching]. In E. D. Khoms-kaya, T. V. Akhutina (Eds.), *I Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati A.R. Luriya. Sbornik dokladov* [I International Conference in Memory of A.R. Luria. Book of abstracts] (pp. 238–243). Moscow: Russian Psychological Society.
- Richards, G. P., Samuels, S. J., Turnure, J. E., & Ysseldyke, J. E. (1990). Sustained and selective attention in children with learning disabilities. *Journal of Learning Disabilities*, 23(2), 129–136.

- Sergeant, J. (2000). The cognitive-energetic model: an empirical approach to attention-deficit hyperactivity disorder. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 24(1), 7–12.
- Sergeant, J. A. (2005). Modeling attention-deficit/hyperactivity disorder: a critical appraisal of the cognitive-energetic model. *Biological Psychiatry*, 57(11), 1248–1255.
- Shanahan, M. A., Pennington, B. F., Yerys, B. E., Scott, A., Boada, R., Willcutt, E. G., ... DeFries, J. C. (2006). Processing speed deficits in attention deficit/hyperactivity disorder and reading disability. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 34(5), 584–601.
- Skirbekk, B., Hansen, B. H., Oerbeck, B., & Kristensen, H. (2011). The relationship between sluggish cognitive tempo, subtypes of attention-deficit/hyperactivity disorder, and anxiety disorders. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 39(4), 513–525.
- Sonuga-Barke, E. J., Wiersma, J. R., van der Meere, J. J., & Roeyers, H. (2010). Context-dependent dynamic processes in attention deficit/hyperactivity disorder: differentiating common and unique effects of state regulation deficits and delay aversion. *Neuropsychology Review*, 20(1), 86–102.
- Symernitskaya, E. G. (1985). *Mozg cheloveka I psikhicheskiye protsessy v ontogeneze* [Human brain and psychological processes in ontogenesis]. Moscow: Moscow University Press.
- Van der Meere, J. (2005). State regulation and attention deficit hyperactivity disorder. In D. Gozal & D. L. Mofese (Eds.), *Attention deficit hyperactivity disorder: from genes to patients* (pp. 413–433). Totowa, NJ: Humana Press Inc.
- Voronova, M. N., Korneev, A. A., & Akhutina, T. V. (2013). Longitudinal study of the development of higher mental functions in primary school children. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 48–64.
- Waber, D. P. (2010). *Rethinking learning disabilities: Understanding children who struggle in school*. New York, NY: Guilford Press.
- Weiler, M. D., Bernstein, J. H., Bellinger, D. C., & Waber, D. P. (2000). Processing speed in children with attention deficit/hyperactivity disorder, inattentive type. *Child Neuropsychology*, 6(3), 218–234.
- Weiler, M. D., Bernstein, J. H., Bellinger, D., & Waber, D. P. (2002). Information processing deficits in children with attention-deficit/hyperactivity disorder, inattentive type, and children with reading disability. *Journal of Learning Disabilities*, 35(5), 449–462.
- Willcutt, E. G., Sonuga-Barke, E., Nigg, J., & Sergeant, J. (2008). Recent developments in neuropsychological models of childhood psychiatric disorders. In T. Banaschewski & L. A. Rohde (Eds.), *Advances in biological psychiatry* (Vol. 24: Biological child psychiatry. Recent trends and developments, pp. 195–226). Basel: Karger.
- Wilson, P. H., & McKenzie, B. E. (1998). Information processing deficits associated with developmental coordination disorder: A meta-analysis of research findings. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 39(6), 829–840.

Возрастные изменения высших психических функций у детей 7–9 лет с разными типами дефицита регуляции активности

Ахутина Татьяна Васильевна

Заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук.
Контакты: akhutina@mail.ru

Корнеев Алексей Андреевич

Старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Контакты: korneeff@gmail.com

Матвеева Екатерина Юрьевна

Старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Контакты: obukhova1@yandex.ru

Агрис Анастасия Романовна

Педагог-психолог (школьный нейропсихолог) государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Лицей № 1524», кандидат психологических наук.
Контакты: agris.anastasia@gmail.com

Резюме

Цель статьи – дать анализ возрастных особенностей состояния высших психических функций у детей со слабостью процессов регуляции активности (функций I энергетического блока мозга, по А.Р. Лурии). В статье описано клинико-психологическое и экспериментальное исследование, используются стандартное нейропсихологическое обследование, по А.Р. Лурии, адаптированное для детей 5–9 лет, и два компьютерных теста: 1) модифицированный вариант методики «Dots», а также компьютерная версия известной методики оценки работоспособности – таблицы Шульце–Горбова. В исследовании приняли участие 173 ученика I и III классов. Результаты исследования позволили показать наличие двух вариантов дефицита регуляции активности: обнаружены дети с низким темпом деятельности и утомляемостью и дети с гиперактивностью и импульсивностью. В целом для детей с дефицитом I блока характерны трудности выполнения энергоемких заданий, быстрая истощаемость, низкий (у группы с замедленным темпом) или колеблющийся (у группы с гиперактивностью) темп работы, зависимость выполнения действия от мотивации и эмоционального состояния, слабость функций программирования и контроля и переработки кинестетической информации. Большинство детей из обеих групп имеют трудности обучения. Анализ специфических характеристик вариантов показывает, что и первоклассники, и третьеклассники с замедленным когнитивным темпом выполняют задания тем медленнее и тем хуже, чем более энергоемкой является проба. Наблюдающееся у них нарастание симптомов слабости III блока может быть связано с усилением тревожности. У гиперактивных школьников, имеющих выраженную слабость функций программирования и контроля, отмечается тенденция к выполнению заданий с обратным U-образным влиянием сложности заданий: они выполняют хуже детей группы нормы как самые простые (из-за слабости мотивации), так и самые сложные (энергоемкие) задания.

Ключевые слова: нарушения регуляции активности, процессы активации, гиперактивность, низкий когнитивный темп, трудности обучения, СДВГ.

Короткие сообщения

ВОЗРАСТНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦВЕТА В ПРОЕКТИВНОЙ МЕТОДИКЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ

Т.А. АДМАКИНА

Резюме

В статье рассматривается возрастной аспект использования цвета в рисунке, что обусловлено запросами клинико-психологической практики, так как определение возрастных особенностей колористических предпочтений позволит с большей точностью дифференцировать норму и патологию. Анализ научной литературы показал, что дети отдают предпочтение длинноволновой части спектра (в основном желтому и красному), однако с возрастом отмечается тенденция к отвержению этих цветов и благорасположение в сторону более темной и спокойной гаммы. В психологической практике достаточно часто специалисты прибегают к использованию проективных рисунков. В данной статье рассматривается широко используемая психологами методика Несуществующее животное. На первом этапе тремя экспертами были отобраны анализируемые изобразительные признаки, затем произведен подсчет степени согласованности мнений экспертов посредством вычисления коэффициента конкордации Кендалла. На втором этапе производилась оценка возрастных закономерностей выделенных рисуночных параметров, в частности, использования цвета. Таким образом, материалом исследования являются колористические свойства художественно-изобразительной деятельности испытуемых. Выборку составили 6 возрастных групп от 10 до 25 лет. Достоверность различий выявлялась посредством подсчета критерия χ^2 . В результате математико-статистической обработки данных делается вывод: предпочтение цвета у детей менее вариативно, чем у взрослых, поэтому выявление общей закономерности в старшей возрастной группе затруднено – по параметрам яркости/бледности рисунка, а также использования черного цвета обнаружено, что плавная закономерность после 19 лет «сбивается». С возрастом начинают преобладать ахроматичность, цветовая бледность в изображении несуществующего животного, что обусловлено особенностями созревания центральной нервной системы и/или ростом индекса левополушарности.

Ключевые слова: цвет в рисунке, колористические особенности изображения, онтогенез, возрастные закономерности, несуществующее животное.

Диагностика колористических характеристик изобразительной продукции испытуемого (клиента, пациента) постоянно реализуется в психологической практике. Однако свободная интерпретация смыслового содержания цвета на основе культуральных, литературно-беллетристических, философских данных или на основе практических предположений пока недостаточно доказана в реальном статистическом исследовании. Прежде чем выявлять связь цветовых предпочтений с различными индивидуально-типологическими особенностями испытуемых, необходимо оценить нормативы по таким базовым параметрам, как пол и возраст. В данной статье мы остановимся на возрастных аспектах использования цвета в рисунке.

В.С. Мухиной было показано, что дети дошкольного и младшего школьного возраста предпочитают яркие и светлые оттенки (Мухина, 1981), в результате чего окрашивают предметы в неестественные цвета (так, появляются красные и желтые деревья, люди, животные и т.д.). Дети дошкольного и младшего школьного возраста из предложенных восьми цветов теста М. Люшера преимущественно выбирают фиолетовый (который у Люшера сдвинут в сторону красного), красный и желтый, при этом отвергают черный, серый и коричневый (Базыма, 2001). Г. Фрилинг и К. Ауэр описывают, что с возрастом растет благорасположение к более темным, спокойным тонам (Фрилинг, Ауэр, 1973). Б.А. Базыма, рассматривая цветовые предпочтения взрослых испытуемых от 16 до 70 лет ($N = 400$), сделал заключение, что молодые люди чаще

выбирают яркие и светлые цвета, чем пожилые (Базыма, 2001). Масштабное исследование немцев от 16 до 70 лет ($N = 5300$), проведенное Х. Кларом в 1974 г., показало, что для них предпочтительными являются синий и зеленый цвета (см.: Там же). А.Е. Ольшанникова, В.В. Семенов и Л.М. Смирнов, исследуя цветовые выборы 386 взрослых испытуемых, отмечают, что самым привлекательным для них является голубой цвет (Ольшанникова и др., 1976). Таким образом, можно говорить о следующей закономерности: дети отдают предпочтение длинноволновой части спектра (в основном желтому и красному), однако с возрастом отмечается тенденция к отвержению обозначенных цветов и благорасположение в сторону более темной и спокойной гаммы.

Описанные выше исследования по большей части построены на основе метода цветовых предпочтений, однако в психологической практике более информативными являются проективные рисуночные методики. В связи с этим мы рассмотрим широко применяемую психологами методику Несуществующее животное и то, какие цвета используют испытуемые для исполнения этого рисунка. Методика «Рисунок несуществующего животного» была предложена в начале 1970-х гг. М.З. Дукаревич, однако впервые была опубликована в 1990 г. (Дукаревич, Яньшин, 1990). По инструкции испытуемому необходимо придумать образ животного, которого не существует в природе и культурном пространстве, и изобразить его. Первоначально методика вызвала нарекания ввиду отсутствия данных о

ее валидности и надежности, достоверности интерпретации. Первые исследовательские работы по оценке конструктивной валидности «Рисунка несуществующего животного» осуществлялись С.Э. Габидулиной (Габидулина, 1986). П.В. Яньшиным показана удовлетворительная конвергентная валидность методики на материале пациентов психиатрической клиники (см.: Музыченко, 2013). Т.И. Краско (1995) подтверждена валидность методики при дифференциации больных невротами и здоровых людей (см.: Яньшин, 2004). В 2004 г. М.К. Акимовой, Т.Н. Алехиной, Ж.В. Таратутой проведена «психометрическая квалификация методики» (Акимова и др., 2004). Масштабное клинико-психологическое исследование Г.Ф. Музыченко (Музыченко, 2013) демонстрирует связь изобразительных признаков методики «Несуществующее животное» со шкалами опросника ММРІ на выборке людей различного возраста с различной психической патологией.

Очевидно, что психологами накоплен определенный материал. Однако практически все исследования проводились на сравнительно небольших выборках (за исключением работы Г.Ф. Музыченко). Исследователи оценивали разные индивидуально-типологические особенности по характеру исполнения и содержанию рисунков, но не просчитывали возрастные стандарты. Имеются противоречивые данные в отношении трактовки одного и того же изобразительного признака. Например, референтами повышенной тревожности в художественной продукции субъектов по данным исследова-

ния М.К. Акимовой, Т.Н. Алехиной, Ж.В. Таратуты (Акимова и др., 2004) является маленький размер рисунка, а в пособии А.Л. Венгера (Венгер, 2003) имеются указания на увеличенное изображение. Более того, нигде нет сведений о применении метода экспертов при оценке выраженности изобразительных признаков рисунков, что является основанием для констатации повышенной субъективности результатов, описываемых исследователями.

Анализ возрастных закономерностей использования цвета в рисунке обусловлен, в первую очередь, запросами клинико-психологической практики. Например, Дж. Бобон (Bobon, 1957) показал, что больные шизофренией используют непредметные цвета (см.: Базыма, 2001), однако, как упоминалось выше, детям свойственно окрашивать объекты в неестественные цвета, что относится к разряду нормативных явлений (Мухина, 1981). Согласно П.И. Карпову (1926), Э.А. Вачнадзе (1972), в изобразительной продукции больных эпилепсией преобладает красный (см.: Базыма, 2001), при этом предпочтение цветов длинноволнового спектра является возрастной особенностью детей. Таким образом, определение возрастных особенностей колористических предпочтений позволит с большей точностью дифференцировать норму и патологию. Более того, колористические параметры рисунка — ахроматичность/полихромность, наличие того или иного цвета в художественной продукции субъекта, яркость/бледность изображения — являются признаками, максимально не зависящими от мнения исследователя (экспериментатора,

психолога), что позволяет с большей достоверностью и непредвзятостью интерпретировать индивидуально-психологические особенности индивидуума по цветовым свойствам рисунка.

Методика исследования

В нашей работе предполагается получить первые данные для стандартизации методики Несуществующее животное. На первом этапе тремя экспертами (психологами со стажем практической работы более трех лет и опытом научной деятельности) были отобраны 78 изобразительных признаков. Из них выделены 39 признаков, которые относятся к разряду субъективных. Так, признак «изображение животного в профиль», использование красного (зеленого, черного и т.д.) цвета, полихромность и ахроматичность рисунка диагностировались как объективные, т.е. максимально не зависящие от мнения человека, и коэффициент конкордации по ним не подсчитывался. А вот такие характеристики, как «оригинальность животного», «схематичность изображения», «яркость», «бледность» рисунка, принадлежали к категории субъективных признаков, поэтому они оценивались экспертами. Все эксперты независимо друг от друга оценивали 905 рисунков по 39 выделенным признакам. После этого был произведен подсчет степени согласованности мнений экспертов посредством вычисления коэффициента конкордации Кендалла. В отношении признаков яркости и бледности рисунка, которые вошли в состав 39 субъективных параметров, были

выявлены высокие значения согласованности мнений экспертов: $W = 0.686$, $p < 0,0001$; $W = 0.556$, $p < 0.0001$ соответственно. Здесь приводятся значения коэффициента по субъективным колористическим признакам. Степень согласованности мнений экспертов по другим признакам можно посмотреть в более ранней статье (Адмакина и др., 2013).

Испытуемым для изображения несуществующего животного был предложен набор из шести карандашей (желтый, синий, зеленый, красный, коричневый и черный), но при этом не делался акцент на обязательном применении всех цветов.

Измеряемые признаки: наличие того или иного цвета (желтый, красный, синий, зеленый, коричневый, черный), количество применяемых цветов (ахроматичность/полихромность рисунка), колористическая насыщенность (яркость/бледность рисунка).

Исследуемую выборку составили 6 возрастных групп (от 10 до 25 лет), уравненных по полу: 10–12 лет ($N = 82$) – младший подростковый возраст, 13–14 лет ($N = 85$) – средний подростковый возраст, 15–16 лет ($N = 108$) – старший подростковый возраст, 17–18 лет ($N = 100$) – ранний юношеский возраст, 19–20 лет ($N = 54$) – юношество и 21–25 лет ($N = 53$) – ранняя зрелость. Таким образом, общая выборка составила 482 человека (мужчин – 45.8%, женщин – 54.2%). Достоверность различий определялась посредством подсчета χ^2 -критерия.

Результаты исследования

Наблюдается постепенное снижение частоты использования всех

шести цветов с возрастом с небольшим пиком их активного применения в 15–16 лет (рисунок 1, таблицы 1, 2). Такая тенденция обусловлена тем, что каждый испытуемый применяет меньшее количество цветов с возрастом. При подсчете различий между соседними возрастными группами не было выявлено достоверной разницы (таблица 3), однако по параметрам использования цвета в рисунке значимые различия наблюдаются между крайними возрастными группами (за исключением черного цвета), что статистически подтверждает обозначенную выше тенденцию (таблица 4). Черный цвет оказывается предпочтительнее в последней возрастной группе (21–25 лет), отмечается положительный рост его появления в рисунках испытуемых.

С возрастом повышаются ахроматичность и бледность рисунка, а полихромность и яркость рисунка, наоборот, снижаются (таблицы 5, 6).

Но если в отношении количества используемых цветов очевидна однозначная беспиковая возрастная тенденция в сторону уменьшения (с отсутствием достоверных различий между соседними возрастными группами — таблица 7 — и со значимыми различиями между крайними возрастными группами — таблица 8), то по параметрам яркости/бледности рисунка наблюдаются более сложные закономерности. Яркость рисунка в среднем подростковом возрасте повышается, пик приходится на 15–16 лет, а затем происходит постепенное снижение цветовой насыщенности изображения. Точкой перелома по данному параметру оказывается возраст 17–18 лет (достоверные различия отмечаются при сравнении группы 15–16-летних испытуемых с 17–18-летними — таблица 7). Несмотря на общий рост бледности рисунков испытуемых в возрасте от 10 до 25 лет, наблюдается пик

Рисунок 1

Распределение частоты использования шести цветов в рисунке несуществующего животного

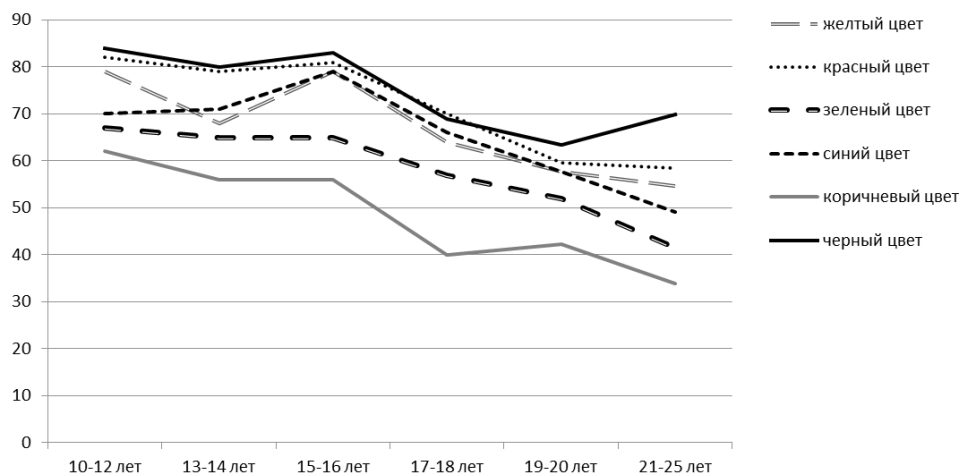

Таблица 1

Процентное соотношение цветов в 6 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 82)	13–14 лет (N = 85)	15–16 лет (N = 108)	17–18 лет (N = 100)	19–20 лет (N = 54)	21–25 лет (N = 53)
Желтый	79	68	78	64	58	55
Красный	82	79	81	70	59	58
Зеленый	67	65	64	57	52	41
Синий	70	71	78	66	58	49
Коричневый	62	56	55	40	42	34
Черный	84	80	83	69	63	70

Таблица 2

Частотное распределение цветов в 6 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 82)	13–14 лет (N = 85)	15–16 лет (N = 108)	17–18 лет (N = 100)	19–20 лет (N = 54)	21–25 лет (N = 53)
Желтый	65	58	85	64	31	29
Красный	67	67	88	70	35	31
Зеленый	55	55	70	57	33	22
Синий	57	60	85	66	35	26
Коричневый	51	48	60	40	20	18
Черный	69	68	90	69	32	37

Таблица 3

Достоверность различий по параметру цвета в 6 возрастных группах (χ^2)

Признаки	10–12 лет/ 13–14 лет	13–14 лет/ 15–16 лет	15–16 лет/ 17–18 лет	17–18 лет/ 19–20 лет	19–20 лет/ 21–25 лет
Желтый	2.61	2.71	5.52	0.64	0.07
Красный	0.21	0.21	3.74	0.43	0.45
Зеленый	0.10	0.00	1.33	0.24	4.11
Синий	0.02	1.67	4.21	0.02	2.71
Коричневый	0.56	0.01	5.03	0.12	0.11
Черный	0.48	0.35	5.92	1.47	1.30

наибольшей выраженности данного признака в 19–20 лет (однако достоверных различий ни между соседни-

ми, ни между крайними возрастными группами по обсуждаемому параметру не выявлено — таблицы 7, 8).

Таблица 4

Достоверность различий по параметру цвета в крайних возрастных группах (χ^2)

Признаки	Желтый	Красный	Зеленый	Синий	Коричневый	Черный
10–12 лет/ 19–20 лет	9.17*	8.72*	8.58*	5.68	10.26**	3.92

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Таблица 5

Процентное соотношение колористических параметров в 6 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 82)	13–14 лет (N = 85)	15–16 лет (N = 108)	17–18 лет (N = 100)	19–20 лет (N = 54)	21–25 лет (N = 53)
Ахроматичность	2	4	6	10	15	26
Полихромность	98	94	91	87	75	72
Яркость	41	44	53	35	27	23
Бледность	12	20	17	18	35	24

Таблица 6

Частотное распределение колористических параметров в 6 возрастных группах

Признаки	10–12 лет (N = 82)	13–14 лет (N = 85)	15–16 лет (N = 108)	17–18 лет (N = 100)	19–20 лет (N = 54)	21–25 лет (N = 53)
Ахроматичность	2	3	7	10	6	14
Полихромность	80	80	98	87	42	38
Яркость	34	37	57	35	10	12
Бледность	10	17	18	18	17	13

Таблица 7

Достоверность различий по колористическим параметрам в 6 возрастных группах (χ^2)

Признаки	10–12 лет/ 13–14 лет	13–14 лет/ 15–16 лет	15–16 лет/ 17–18 лет	17–18 лет/ 19–20 лет	19–20 лет/ 21–25 лет
Ахроматичность	0.17	0.34	1.37	4.19	4.12
Полихромность	1.23	0.75	0.73	2.19	0.52
Яркость	0.07	1.62	6.65*	4.6	0.27
Бледность	1.87	0.35	0.06	3.65	0.64

* $p < 0.05$.

Таблица 8

Достоверность различий по колористическим параметрам в крайних возрастных группах (χ^2)

Признаки	Ахроматичность	Полихромность	Яркость	Бледность
10–12 лет/ 19–20 лет	17.7***	19.56***	5.07	3.46

*** $p < 0.001$.

Обсуждение

Эмпирическое исследование подтверждает факты, обнаруженные в вышеописанных работах: с возрастом снижаются полихромность и яркость рисунка. С чем это может быть связано?

Б.А. Базыма объясняет эту тенденцию тем, что недостаточно сформированная центральная нервная система ребенка испытывает необходимость в энергетическом воздействии длинноволновой части цветового спектра, так как основная потребность данного возраста — активный рост и развитие (Базыма, 2001). В зрелом возрасте, когда нервная система окончательно созревает, человек нуждается в сохранении стабильного, состояния, поэтому взрослые люди выбирают спокойные оттенки для исполнения рисунка (Там же).

Возможна другая интерпретация. Обнаруженная возрастная тенденция в выборе цвета детерминирована особенностями онтогенеза функциональной асимметрии головного мозга. Известно, что именно правое полушарие отвечает за опознание сложных цветовых оттенков, погодных условий (Николаенко, Черниговская, 1989). «Правополушарные» художники испытывают тяготение к полихромности, большому числу цветовых градаций (Голицын и др.,

1989). Связь правого полушария с полихромностью «колористической картины мира», сочностью цветовых переживаний, многообразием цветовых предпочтений показана в работе Н.В. Беломестновой (2014). А вот левое полушарие отвечает за такие особенности художественно-изобразительного исполнения, как тяготение к монохромности, отсутствие цветовых градаций в рамках одного цвета (Беломестнова, 2014; Голицын и др., 1989).

Т.А. Мешковой был произведен анализ обширного числа работ в отношении специфики онтогенеза функциональной асимметрии мозга (Мешкова, 1982). На основе теоретического анализа ею был сделан вывод о том, что после рождения ребенка специализация левого полушария постоянно возрастает в качестве производного от когнитивного развития. Другими словами, левое полушарие благодаря школьному обучению и умственному развитию специализируется в отношении все большего количества навыков и умений, в основе которых лежит аналитический способ обработки информации, поэтому с возрастом происходит нарастание индекса левополушарности. Об этом также свидетельствуют данные В.А. Геодакяна, который делает вывод об усилении функциональной асимметрии мозга

в сторону левополушарности как в филогенезе, так и в онтогенезе (до достижения дефинитивного возраста) (Геодакян, 1986).

Можно полагать, что усиление специализации левого полушария с возрастом отражается в художественно-изобразительной деятельности испытуемых в виде снижения полихромности, яркости рисунка и эскалации бледности и ахроматичности.

Б.А. Базыма отмечает, что склонности к той или иной палитре красок у детей определены энергетическими свойствами цвета, в то время как у взрослых колористические симпатии в меньшей мере связаны с физическими характеристиками цвета, а зависят от психологических и социальных факторов — накопленного социально-культурного опыта, обычаев цветовой символики, моды и т.д. Предпочтение цвета у детей менее вариативно, чем у взрослых, поэтому выявление общей закономерности в старшей возрастной группе затруднено (Базыма, 2001). В нашем эмпирическом исследовании по параметрам яркости/бледности рисунка, а также использования черного цвета обнаружено, что общая тенденция после 19 лет «сбивается». Другими словами, до 19 лет можно обозначить определенные возрастные стандарты, а после возникает индивидуальная вариативность в зависимости от темперамента, характера, культуральных наслоений и т.д., что ослож-

няет нахождение общих закономерностей. Наблюдаются сложные для интерпретации факты (например, диагностирован повышенный пик бледности рисунка в 19–20 лет, а затем — постепенное снижение данного параметра).

Таким образом, с возрастом начинают преобладать ахроматичность, бледность в рисунке, что связано с особенностями созревания центральной нервной системы и/или ростом индекса левополушарности. Биологически детерминированные цветовые предпочтения в процессе онтогенеза подвергаются воздействию внешних факторов (социальных, культурных и т.д.), которые осложняют выявление общей закономерности после 19–20 лет.

В психологической практике при составлении заключения об индивидуально-типологических особенностях пациента (клиента) по результатам выполнения проективной рисуночной методики необходимо ориентироваться на предоставленные данные. Например, нужно учитывать, что изображение объектов или явлений действительности непредметным цветом длинноволнового спектра в детском возрасте не является признаком патологии, так же как и выполнение рисунка взрослым человеком в черно-белом цвете не всегда указывает на наличие у него депрессивного или иного негативного эмоционального состояния.

Литература

Адмакина, Т. А., Басыгысова, Т. А., Золотов, И. Е. (2013). Степень согласованности мнений экспертов при оценке субъективных признаков рисуночного теста «Несуществующее животное». В кн. *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию*

- людей: *Материалы III Всероссийской научно-практической (заочной) конференции* (с. 50–57). СПб.: ООО – Издательская группа СВИВТ.
- Акимова, М. К., Алехина, Т. Н., Таратута, Ж. В. (2004). Психометрическая квалификация проективной методики «Несуществующее животное». *Психологическая диагностика*, 4, 47–57.
- Базыма, Б. А. (2001). *Цвет и психика*. Харьков: ХГАК.
- Беломестнова, Н. В. (2014). Колористические предпочтения при декстральном и синистральном когнитивных стилях. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 3(62/II), 301–306.
- Венгер, А. Л. (2003). *Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство*. М.: ВАЛДОС-ПРЕСС.
- Габидулина, С. Э. (1986). К обоснованию методики «Рисунок несуществующего животного». *Вестник МГУ, Серия 14. Психология*, 4, 56–57.
- Геодакян, В. А. (1986). Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга. В кн. Дж. Гвишиани, В. Садовский (Ред.), *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник* (с. 355–376). М.: Наука.
- Голицын, Г. А., Георгиев, М. Н., Петров, В. М. (1989). Показатели межполушарной асимметрии творческого процесса в изобразительном искусстве. *Вопросы психологии*, 5, 148–153.
- Дукаревич, М. Э., Яньшин, П. В. (1990). Рисунок несуществующего животного. В кн. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантилеев и др., *Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции* (с. 54–73). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Мешкова, Т. А. (1982). Онтогенез функциональной асимметрии мозга человека. *Вопросы психологии*, 4, 144–151.
- Музыченко, Г. Ф. (2013). *Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы*. СПб.: Речь.
- Мухина, В. С. (1981). *Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта*. Москва: Педагогика.
- Николаенко, И. Н., Черниговская, Т. В. (1989). Опознавание сложных цветовых образов и функциональная асимметрия мозга. *Вопросы психологии*, 1, 107–112.
- Ольшанникова, А. Е., Семенов, В. В., Смирнов, Л. М. (1976). Оценка методик, диагностирующих эмоциональность (опыт использования статистических закономерностей распределения показателей). *Вопросы психологии*, 5, 103–113.
- Фрилинг, Г., Ауэр, К. (1973). *Человек, цвет, пространство*. М.: Стройиздат.
- Яньшин, П. В. (2004). *Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности*. СПб.: Питер.

Адмакина Татьяна Анатольевна, доцент кафедры социальной психологии факультета конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат психологических наук

Контакты: admakina.ta@gmail.com

Age Patterns of Color Usage in a Projective Technique Non-Existent Animal

Tatiana A. Admakina

Associate Professor, Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Union, Ph.D.

E-mail: admakina.ta@gmail.com

Address: 15 Fucik str., Saint-Petersburg, 192238, Russian Federation

Abstract

The article considers the age pattern of the usage of color in the drawing, which is determined by the demands of clinical psychological practice, as far as the knowledge of age characteristics of color preferences allows differentiating norm and pathology with greater accuracy. The analysis of the scientific literature showed that children prefer long-wavelength part of the spectrum (mostly yellow and red), but with the age there is a tendency to reject these colors and prefer more dark and calm chord. In the psychological practice specialists use projective drawings rather often. This article considers a widely used by psychologists technique Non-Existent Animal. On the first stage 3 experts selected analyzed pictorial indices, then the calculation of the level of experts' consensus was made with the Kendall's coefficient of concordance. On the second stage the evaluation of the age patterns of the selected pictorial parameters took place, in particular, the usage of color. Thus, the material of the study is the color properties of the artistic activity of the subjects. The sample consisted of the 6 age-groups from 10 to 25 years of age. The statistical significance of differences was evaluated by the χ^2 . In the result of the mathematical-statistical processing of the data the assumption is made that the preference of color in children has less variations than in adults, that's why the detection of general regularities in the senior age group is hindered. On the parameters of brightness/paleness of the drawing, as well as the usage of the black color it is found that the smooth regularity after the age 19 is "floundered". The achromatism and the color paleness in the drawing of a non-existent animal predominate with the age, which is determined by the characteristics of maturation of the central nervous system and/or growth of the sinistrocerebral index.

Keywords: color in the drawing, color features of the image, ontogenesis, age patterns, non-existent animal.

References

- Admakina, T. A., Basygysova, T. A., & Zolotov, I. E. (2013). Stepen' soglasovannosti mnenii ekspertov pri otsenke sub"ektivnykh priznakov risunochnogo testa "Nesushchestvuyushchee zhitvotnoe" [The level of experts' consensus during the evaluation of subjective characteristics of the drawing test Non-Existent Animal]. In *Integrativnyi podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeistviyu lyudei: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi (zaochnoi) konferentsii* [Integrative approach to the psychology of man and social interactions of men: Materials of the 3rd All-Russian research and practice (distance) conference] (pp. 50–57). Saint Petersburg: Publishing Group SViWT.

- Akimova, M. K., Alekhina, T. N., & Taratuta, Zh. V. (2004). Psikhometricheskaya kvalifikatsiya proektivnoi metodiki "Nesushchestvuyushchee zhitvotnoe" [Psychometric qualification of the projective technique Non-Existent Animal]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 4, 47–57.
- Bazyma, B. A. (2001). *Tsvet i psikhika* [Color and the Psychic]. Kharkiv: Kharkiv State Academy of Culture.
- Belomestnova, N. V. (2014). Koloristicheskie predpochteniya pri dekstral'nom i sinistral'nom kognitivnykh stilyakh [Color preferences in dextral and sinistral cognitive styles]. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, 3(62/II), 301–306.
- Dukarevich, M. Z., & Yan'shin, P. V. (1990). Risunok nesushchestvuyushchego zhitvotnogo [The drawing of a Non-Existent Animal]. In A. I. Zelichenko, I. M. Karlinskaya, S. R. Pantileev et al., *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* [Practical course in psychodiagnosics. Psychodiagnosics of motivation and self-regulation] (pp. 54–73). Moscow: Moscow University Press.
- Frieling, H., & Auer, X. (1973). *Chelovek, tsvet, prostranstvo* [Human, color, space]. Moscow: Stroizdat. (Transl. of: Frieling, H., & Auer, X. (1954). *Mensch, Farbe, Raum*. München: Verlag Callwey. (in German)).
- Gabidulina, S. E. (1986). K obosnovaniyu metodiki "Risunok nesushchestvuyushchego zhitvotnogo" [On the feasibility of the technique Non-Existent Animal]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 56–57.
- Geodakyan, V. A. (1986). Sistemno-evolyutsionnaya traktovka asimmetrii mozga [Systemic and evolutionary rendering of the brain asymmetry]. In Dzh. Gvishiani & V. Sadovskii (Eds.), *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik* [Systemic Research, Methodological Issues. A Yearbook] (pp. 355–376). Moscow: Nauka.
- Golitsyn, G. A., Georgiev, M. N., & Petrov, V. M. (1989). Pokazateli mezhpolutsharnoi asimmetrii tvorcheskogo protsessa v izobrazitel'nom iskusstve [The indices of hemispheric asymmetry of the creative process in visual art]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 148–153.
- Meshkova, T. A. (1982). Ontogenez funktsional'noi asimmetrii mozga cheloveka [Ontogenesis of functional brain asymmetry of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 144–151.
- Mukhina, V. S. (1981). *Izobrazitel'naya deyatel'nost' rebenka kak forma usvoeniya sotsial'nogo opyta* [Pictorial activity of a child as a form of acquisition of social experience]. Moscow: Pedagogika.
- Muzychenko, G. F. (2013). *Proektivnaya metodika «Nesushchestvuyushchee zhitvotnoe». Rukovodstvo i rezul'taty psikhodiagnosticheskogo issledovaniya vzroslykh patsientov s razlichnymi rasstroistvami emotsional'no-lichnostnoi sfery* [A projective technique Non-Existent Animal, Guidance and results of a psychodiagnostic study of adult patients with various disorders of emotional and personal spheres]. Saint Petersburg: Rech'.
- Nikolaenko, I. N., & Chernigovskaya, T. V. (1989). Opoznanie slozhnykh tsvetovykh obrazov i funktsional'naya asimmetriya mozga [Recognition of complex color images and functional brain asymmetry]. *Voprosy Psikhologii*, 1, 107–112.
- Ol'shannikova, A. E., Semenov, V. V., & Smirnov, L. M. (1976). Otsenka metodik, diagnostiruyushchikh emotsional'nost' (opyt ispol'zovaniya statisticheskikh zakonomernostei raspredeleniya pokazatelei) [The evaluation of techniques, which diagnose emotionality (the experience of usage of statistical regularities in distribution of indices)]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 103–113.
- Venger, A. L. (2003). *Psikhologicheskie risunochnye testy: Illyustrirovannoe rukovodstvo* [Psychological drawing techniques: Illustrated guidance]. Moscow: VALDOS-PRESS.
- Yan'shin, P. V. (2004). *Praktikum po klinicheskoi psikhologii. Metody issledovaniya lichnosti* [Practical course in clinical psychology. Methods of personality research]. Saint Petersburg: Piter.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРЫ В ОПАСНЫЙ МИР С РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ, АТЕИЗМОМ И РЕЛИГИОЗНЫМ ИНДИФФЕРЕНТИЗМОМ ЛИЧНОСТИ

И.И. ЯГИЯЕВ

Резюме

В статье рассматривается различие показателей веры в опасный мир у религиозных, индифферентных по отношению к религии испытуемых и атеистов, а также статистическая взаимосвязь веры в опасный мир с автономной и контролируемой религиозностью в контексте теории самодетерминации. Согласно ряду предшествующих исследований, объективная угроза выживанию и благополучию связана с популярностью религиозных верований и практик, тогда как подъем секуляризма и атеизма последнего времени можно объяснить объективным улучшением качества жизни и, следовательно, субъективного чувства экзистенциальной безопасности. Предполагается, что религиозный способ справляться с неопределенностью и тревогой в окружающем мире является в той или иной степени действенным. Отсюда следует гипотеза, согласно которой в идентичных условиях религиозные испытуемые по сравнению с представителями других групп должны оценивать окружающий мир как не особенно опасный, атеисты — как чрезвычайно опасный. Одним из базовых положений теории самодетерминации является то, что автономная мотивация деятельности, в частности религиозной, имеет положительные психологические последствия, тогда как контролируемая — отрицательные. Данное положение позволило выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой в религиозной группе автономная религиозность будет коррелировать с верой в опасный мир позитивно, а контролируемая — негативно. В первом случае подтвердилась контргипотеза — атеисты оценивают мир как достаточно безопасный, религиозные испытуемые — как чрезвычайно опасный, индифферентные по отношению к религии испытуемые демонстрируют средние результаты. Во втором случае не удалось обнаружить сколько-нибудь значимой корреляции между типом религиозности и верой в опасный мир.

Ключевые слова: религиозность, атеизм, социальные верования, вера в опасный мир, автономная религиозность, контролируемая религиозность, теория самодетерминации.

Экзистенциальная безопасность (existential security) — это чувство, что «выживание считается самим собой разумеющимся» и жизни человека ничего не угрожает (Norris, Inglehart, 2011, p. 4). В соответствии с выводами

ряда исследований последних лет объективная угроза выживанию связана с большей популярностью религиозных верований и практик: люди более мотивированы быть религиозными в неблагоприятных и бедных странах,

чем в благополучных и богатых государствах всеобщего благоденствия (Diener et al., 2011; Norris, Inglehart, 2015; Zuckerman, 2013). Общественная безопасность, доступ к пище и системе здравоохранения, стабильный доход имеют своим следствием снижение роли религии и количества верующих в том или ином обществе, тогда как даже такое частое явление, как нестабильность правительства и недоверие к нему, сопровождается ростом религиозности: после выборов доверие к правительству восстанавливается, а религиозность индивидов падает (Kay et al., 2010). Подъем светскости и атеизма, наблюдаемый последние десятилетия главным образом в развитых странах, объясняется многими авторами объективным улучшением качества жизни и государственного управления; причиной секуляризации является переживаемое людьми чувство безопасности (Barber, 2011; Inglehart, 2010; Norenzayan, Gervais, 2013). С другой стороны, религиозность, нередко объединяясь с национализмом, в современных обществах все больше играет роль «охранительной идеологии», защищая идентичность группы и пытаясь помочь ей избежать экзистенциальных угроз в быстро меняющемся, непредсказуемом, глобализирующемся мире (Kinnvall, 2004).

Предполагается, что религиозный способ справляться с неопределенностью и тревогой в связи с окружающим миром является действенным (Inglehart, 2010; Inzlicht et al., 2009). Существуют исследования, делающие попытку отыскать альтернативные системы, которые были бы не менее эффективны в борьбе с гне-

тущим чувством неопределенности, следовательно, и опасности мира, чем религия. Среди них — светские представления, такие, как дарвинизм (Rutjens et al., 2010) или истолкованная в ключе онтологического натурализма наука (Farias et al., 2013).

Итак, важной функцией религиозности является помощь в преодолении тревоги и неопределенности, связанной с теми опасностями, с которыми человек сталкивается в окружающем мире. Несмотря на множество исследований роли религиозности в преодолении тревоги из-за опасности и неопределенности мира, различиям в понимании мира как опасного или безопасного у людей с разными религиозными взглядами уделялось мало внимания. В этой связи важно изучить, в какой мере в идентичных условиях будут различаться представления об опасности мира у религиозных и нерелигиозных людей.

Также важно исследовать связь веры в опасный мир с автономной и контролируемой религиозностью — конструктами, выделяемыми в рамках теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (ТСД). О существовании, по меньшей мере, двух способов быть религиозным писал Г. Олпорт: внутренняя религиозная ориентация предполагает отношение к религии как к цели, внешняя — как к средству достижения нерелигиозных целей. Внешняя ориентация, как правило, связана с негативными для человека психологическими последствиями, тогда как внутренняя — с позитивными. Главным образом речь шла об авторитаризме личности: люди, религиозные внутренне, оказались значительно менее авторитарными

(Allport, Ross, 1967). Э. Деси и Р. Райан используют подобную логику, разграничивая автономную и контролируруемую религиозность в зависимости от степени интернализации последней, ее соответствия «подлинному Я» (Титов, 2013; Ryan, Deci, 2006). Поиск взаимосвязей между автономной/контролируемой религиозностью и верой в опасный мир важен потому, что в соответствии с выводами предшествующих исследований вера в опасный мир является основанием авторитаризма личности (Гулевич и др., 2014, с. 70). Автономная религиозность, в свою очередь, коррелирует с антиавторитарными тенденциями, такими как символическое, а не буквальное толкование вероучения и религиозных текстов, а также открытость новому опыту (Neuvinck et al., 2006). Изучение статистической связи разных типов религиозности с верой в опасный мир может выявить более сложную и соответствующую реальности картину того, как религиозные люди оценивают окружающий мир.

Итак, задачей настоящего исследования является проверка гипотез о том, что:

- религиозные люди по сравнению с атеистами и людьми, индифферентными по отношению к религии, оценивают мир как не особенно опасный;
- автономная религиозность коррелирует с верой в опасный мир отрицательно, тогда как контролируемая — положительно.

Метод

Выборка. Испытуемые набирались осенью 2014 г. Объявления с

просьбой об участии в исследовании публиковались в тематических группах социальной сети «ВКонтакте» и содержали просьбу ответить на вопросы ряда психологических методик, посвященных исследованию психологического благополучия, ценностей и религиозности личности. Атеистические группы: «Атеизм в Україні», «Движение “The Brights”», «Ричард Докинз», «Атеизм. Материализм», «Чайник Рассела», «Атеизм 24». Религиозные группы: «Преод. Dynamics», «ССХ Центральный Регион» (ССХ – Союз студентов-христиан), «Протестанты России». Сообщение с просьбой об участии также было опубликовано в группе «Freud Zone», используемой психологами для поиска респондентов в Интернете. Люди, желающие стать респондентами, отправляли исследователю сообщение, и им высылались ссылка на сайт с батареей тестов.

Все респонденты заполняли исследование анонимно и добровольно, по окончании им предоставлялись их результаты по некоторым методикам. Перед заполнением непосредственно психологических методик респондентам предлагалось ответить на вопросы по демографии (пол, возраст, образование, роль деятельности и пр.), а также вопросы для определения респондента в ту или иную группу.

Изначальное количество респондентов, принявших участие в исследовании, составило 438 человек, из них с целью избегания смешивания были исключены те, кто не проживает за пределами Украины или России (29 респондентов), а также те, кто попал ни в одну из групп по критериям отбора (138 респондентов).

В итоге выборка составила $N = 271$, из них 126 мужчин и 145 женщин. Страны проживания испытуемых — Украина (153 респондента) и Российская Федерация (118). Возраст участников составил 17–40 лет, $M = 25.06$, $SD = 5.8$.

Критериями для отнесения респондентов в группу *религиозных* были: вера в Бога (по шкале Ликерта от 1 до 7; на вопрос «Верите ли вы в то, что Бог существует?» дают ответ 6 или 7); идентификация себя как верующего; отнесение себя к определенной религии; вера в Божественное вмешательство в развитие Вселенной; посещение храма не реже раза в месяц и/или молитва не реже раза в неделю; отрицание онтологического натурализма, т.е. тезиса, согласно которому помимо каузально замкнутой, изучаемой наукой природы ничего нет; субъективная значимость веры в жизни (по шкале Ликерта от 1 до 7; на вопрос «Для вас важно то, что вы верующий (атеист)?» дают ответ от 5 до 7). Группа религиозных испытуемых составила 99 человек, 23 мужчины и 76 женщин. 72 — жители Украины, 27 — России. Возраст: 17–40 лет, $M = 26.58$, $SD = 5.968$. Группу составили христиане, 49 представителей протестантских деноминаций, 36 православных, 8 католиков и 6 христиан, не отнесших себя ни к одной из конфессий.

Критерии для отнесения респондента к *атеистам*: неверие в Бога (по шкале Ликерта от 1 до 7; на вопрос «Верите ли вы в то, что Бог существует?» дают ответ 1 или 2); идентификация себя как неверующего; отсутствие отнесения себя к какой-либо религии; отрицание Божествен-

ного вмешательства в развитие Вселенной; утверждение онтологического натурализма (см. выше); отрицание религиозного взгляда на мир как ложного; субъективная значимость атеизма в жизни (по шкале Ликерта от 1 до 7; на вопрос «Для вас важно то, что вы верующий (атеист)?» дают ответ от 5 до 7). В группу атеистов попали 95 респондентов, из них 65 мужчин, 30 женщин. 40 оказались жителями Украины, 55 — России. Возраст: 18–40 лет, $M = 25.47$, $SD = 5.98$.

Индиifferentными считались те испытуемые, которые: посещают храм не чаще раза в несколько месяцев; молятся не чаще раза в две-три недели; по шкале Ликерта от 1 до 7 на вопрос «Верите ли вы в то, что Бог существует?» дают ответ 2–6; по шкале Ликерта от 1 до 7; на вопрос «Для вас важно то, что вы верующий (атеист)?» дают ответ от 1 до 4. Индиifferentных оказалось 77, 38 мужчин и 39 женщин. 41 респондент этой группы проживает в Украине, 36 — в России. Возраст: 17–40 лет, $M = 22.6$, $SD = 4.499$.

Методики. *Опросник Дж. Даккита «Вера в опасный мир»* в русскоязычной адаптации О. Гулевич, О. Аникеенок и И. Безменовой. Вера в опасный мир (*dangerous world beliefs*) — это «убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится под угрозой разрушения» (Гулевич и др., 2014, с. 69). Опросник включает шесть прямых и шесть обратных утверждений, отражающих общее отношение человека к миру, в котором он живет. Итоговый показатель свидетельствует о большей вере

человека в опасный мир. Показатель α Кронбаха = 0.844 на настоящей выборке.

Религиозные испытуемые заполняли также *опросник интернализации религиозности (Интрел)*, основанный на теории самодетерминации. Оригинал – Religion Self-Regulation Questionnaire (SRQ-R) (Ryan et al., 1993), на русский язык адаптирован Р. Титовым (2013). Оцениваются два основных религиозных действия – молитва и посещение церкви – и набор возможных мотивов, соответствующий степеням интернализации по теории самодетерминации. В опроснике присутствуют две ортогональные шкалы – автономной и контролируемой религиозности. В каждой шкале содержится по два пункта для каждого действия, α Кронбаха для обеих шкал составила 0.84.

Результаты

Анализ данных направлен на сопоставление показателей веры в опасный мир у различных групп респондентов, сформированных в соответствии с их религиозными взглядами, а также на выявление степени вклада пола и страны проживания в исследуемые показатели.

Сравнение средних значений у групп религиозных, индифферент-

ных и атеистов показало, что религиозные испытуемые придерживаются представлений об опасности мира в большей степени, чем индифферентные, а последние – в значительно большей степени, чем атеисты (см. таблицу 1).

Двухфакторный дисперсионный анализ показал, что эффект фактора принадлежности к группе религиозных, индифферентных или атеистов оказался значимым: $F(2, 265) = 20.19$, $p < 0.001$, эта-квадрат = 0.132. В свою очередь, эффект страны проживания: $F(1, 265) = 10.06$, $p < 0.002$, эта-квадрат = 0.037. Жители Российской Федерации во всех группах имели несколько меньшие показатели веры в опасный мир, чем жители Украины, при сохранении общей тенденции (см. таблицу 1). Важно заметить, что все сравнения средних по группам оказались значимыми ($p < 0.05$), кроме сравнения групп атеистов и индифферентных в обеих странах.

Тест апостериорный критерий Бонферрони показал значимость попарных различий между тремя исследуемыми группами (во всех случаях $p < 0.05$).

Эффект пола испытуемых оказался статистически незначимым. Незначимыми также были корреляции веры в опасный мир с автономной и контролируемой религиозностью.

Таблица 1

Вера в опасный мир по группам и странам: средние и стандартные отклонения

Страны	Атеисты (N = 95)	Индифферентные (N = 77)	Религиозные (N = 99)	Итого
Украина (N = 153)	34.38 (8.981)	36.54 (6.823)	40.35 (7.001)	37.76 (7.901)
Россия (N = 118)	29.95 (8.118)	33.28 (8.161)	38.78 (6.357)	32.98 (8.452)
Итого	31.81 (8.727)	35.01 (7.606)	39.92 (6.836)	

Обсуждение

Итак, гипотеза о том, что религиозные люди по сравнению с атеистами и людьми, индифферентными по отношению к религии, оценивают мир как не особенно опасный, была опровергнута. Более того, результаты исследования подтвердили контргипотезу — атеисты значительно менее склонны полагать, что окружающий мир непредсказуем и опасен; индифферентные испытуемые находятся посередине между атеистической и религиозной группами по этому показателю.

Причин этому может быть несколько.

Во-первых, в силу ограничений, связанных с дизайном исследования, невозможно ничего сказать о причинно-следственных связях. Весьма вероятно, в частности, что люди с изначально более пессимистичными относительно окружающего мира представлениями имеют тенденцию быть более религиозными, и религиозность не в силах помочь обрести чувство безопасности в той степени, в которой оно характерно для неверующих людей.

Во-вторых, нельзя отрицать возможность того, что христианская традиция в украинской и российской культурах может нести в себе мироотрицающий заряд, в соответствии с которым мир воспринимается как греховный: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1 Ин 5:19). Данная гипотеза нуждается в подтверждении либо опровержении со стороны не только психологов, но также и религиоведов.

В-третьих, представления о прогрессе, в том числе прогрессе обще-

ства, характерные для сциентистски и натуралистически ориентированных атеистов, вероятно, могут делать взгляд на окружающий мир значительно более оптимистичным. Установка на аналитичность и рационализм, отличающая современных атеистов, может оказаться эффективнее религиозных убеждений там, где речь идет о предсказуемости и безопасности подлунного мира.

Стоит обратить внимание на вопрос репрезентативности выборки для настоящего исследования. Проведение исследований в Интернете в целом является распространенной практикой, позволяющей автоматизировать и ускорить процесс, а также получить доступ к группам, поиск которых без помощи Интернета является очень непростым делом. В частности, к такой группе относятся атеисты, поиск которых на тематических сайтах и в группах в социальных сетях является фактически одной из редких возможностей получить к ним доступ. Важно также отметить, что с повышением доступности и популярности Интернета проблема репрезентативности утрачивает острую актуальность (Леонтьев, Осин, 2011).

В любом случае вопрос различий в представлениях о мире как опасном в зависимости от религиозных верований индивидов либо их отсутствия требует дальнейших исследований, которые были бы способны подтвердить или опровергнуть установленный в настоящем исследовании факт этих различий, а также выяснить его причины.

Причин того, что не были установлены значимые связи между верой в опасный мир и автономной/контролируемой религиозностью,

также может быть несколько. Вероятно, это связано с недостаточным объемом выборки религиозных респондентов, а также со слабостью или даже отсутствием подобной связи в действительности. В последнем тези-

се можно обоснованно усомниться, и это сомнение требует последующих исследований взаимосвязи данных конструктов на больших выборках, а также более сложных методов, не только корреляционного анализа.

Литература

- Гулевич, О. А., Аникеев, О. А., Безменова, И. К. (2014). Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 68–89.
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н. (2011). Методологические и методические вопросы эмпирического изучения и диагностики личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 404–423). М.: Смысл.
- Титов, Р. С. (2013). Интернализация религиозности и ее диагностика в теории самодетерминации. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 138–147.
- Allport, G. W., & Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432.
- Barber, N. (2011). A cross-national test of the uncertainty hypothesis of religious belief. *Cross-Cultural Research*, 45(3), 318–333. doi:10.1177/1069397111402465
- Diener, E., Tay, L., & Myers, D. G. (2011). The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(6), 1278–1290. doi:10.1037/a0024402
- Farias, M., Newheiser, A. K., Kahane, G., & de Toledo, Z. (2013). Scientific faith: belief in science increases in the face of stress and existential anxiety. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(6), 1210–1213. doi:10.1016/j.jesp.2013.05.008
- Inglehart, R. (2010). Faith and freedom: Traditional and modern ways to happiness. In E. Diener, J. F. Helliwell, & D. Kahneman (Eds.), *International differences in well-being* (pp. 351–397). New York: Oxford University Press.
- Inzlicht, M., McGregor, I., Hirsh, J. B., & Nash, K. (2009). Neural markers of religious conviction. *Psychological Science*, 20(3), 385–392. doi:10.1111/j.1467-9280.2009.02305.x
- Kay, A. C., Shepherd, S., Blatz, C. W., Chua, S. N., & Galinsky, A. D. (2010). For God (or) country: the hydraulic relation between government instability and belief in religious sources of control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(5), 725. doi:10.1037/a0021140
- Kinnvall, C. (2004). Globalization and religious nationalism: Self, identity, and the search for ontological security. *Political Psychology*, 25(5), 741–767. doi:10.1111/j.1467-9221.2004.00396.x
- Neyrinck, B., Vansteenkiste, M., Lens, W., Duriez, B., & Hutsebaut, D. (2006). Cognitive, affective and behavioral correlates of internalization of regulations for religious activities. *Motivation and Emotion*, 30(4), 321–332. doi:10.1007/s11031-006-9048-3
- Norenzayan, A., & Gervais, W. M. (2013). The origins of religious disbelief. *Trends in Cognitive Sciences*, 17(1), 20–25. doi:10.1177/0956797611429711
- Norris, P., & Inglehart, R. (2011). *Sacred and secular: Religion and politics worldwide* (2nd ed.). New York: Cambridge University Press.

- Norris, P., & Inglehart, R. (2015). Are high levels of existential security conducive to secularization? A response to our critics. In *The changing world religion map* (pp. 3389–3408). Dordrecht: Springer Netherlands.
- Rutjens, B. T., van der Pligt, J., & van Harreveld, F. (2010). Deus or Darwin: Randomness and belief in theories about the origin of life. *Journal of Experimental Social Psychology, 46*(6), 1078–1080. doi:10.1016/j.jesp.2010.07.009
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2006). Self regulation and the problem of human autonomy: does psychology need choice, self determination, and will? *Journal of Personality, 74*(6), 1557–1586. doi:10.1111/j.1467-6494.2006.00420.x
- Ryan, R. M., Rigby, S., & King, K. (1993). Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health. *Journal of Personality and Social Psychology, 65*, 586–596.
- Zuckerman, P. (2013). Atheism and societal health. In S. Bullivant & M. Ruse (Eds.), *The Oxford handbook of atheism* (pp. 497–510). New York: Oxford University Press.

Ягияев Илья Игоревич, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, аспирант

Контакты: askamah@gmail.com

Interrelation of Belief in Dangerous World with Religiosity, Atheism and Religious Indifferentism of Personality

Illya I. Yagiyayev

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ph.D. student

E-mail: askamah@gmail.com

Address: 60 Volodymyrska Street, Kyiv, 01033, Ukraine

Abstract

The article views differences of dangerous world beliefs in religious, indifferent to religion people and atheists, as well as statistical interconnection between dangerous world beliefs, autonomous and controlled religiosity in the context of self-determination theory. According to some preceding research, objective threat to survival and well-being is connected to higher popularity of religious beliefs and practices, while the growth of secularism and atheism of the recent times may be explained by objective improvement of the quality of life and, consequently, by subjective feeling of existential safety. It is supposed that religious way of dealing with uncertainty and anxiety about the outside world is to a greater or lesser degree effective. Thus, the hypothesis is that in identical circumstances religious subjects in comparison to representatives of other groups might estimate outside world as less dangerous and atheists – as the most dangerous. One of the basic conditions of self-determination theory is that autonomous motivation of activity, including religious one, has positive psychological consequences, and controlled motivation has

negative consequences. This condition allows making a hypothesis according to which in religious group autonomous religiosity will correlate to dangerous world belief positively and controlled religiosity will correlate with it negatively. In the first case the counterhypothesis was confirmed: atheists estimate world as the most safe place and religious subjects as the most dangerous place, indifferent to religion subjects demonstrate medium results. In the second case we were unable to find significant correlation between type of religiosity and dangerous world belief.

Keywords: Religiosity, atheism, social beliefs, belief in dangerous world, self-determination theory, autonomy, control.

References

- Allport, G. W., & Ross, J. M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432.
- Barber, N. (2011). A cross-national test of the uncertainty hypothesis of religious belief. *Cross-Cultural Research*, 45(3), 318–333. doi:10.1177/1069397111402465
- Diener, E., Tay, L., & Myers, D. G. (2011). The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(6), 1278–1290. doi:10.1037/a0024402
- Farias, M., Newheiser, A. K., Kahane, G., & de Toledo, Z. (2013). Scientific faith: belief in science increases in the face of stress and existential anxiety. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(6), 1210–1213. doi:10.1016/j.jesp.2013.05.008
- Gulevich, O., Anikeenok, O., & Bezmenova, I. (2014). Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 68–89.
- Inglehart, R. (2010). Faith and freedom: Traditional and modern ways to happiness. In E. Diener, J. F. Helliwell, & D. Kahneman (Eds.), *International differences in well-being* (pp. 351–397). New York, NY: Oxford University Press.
- Inzlicht, M., McGregor, I., Hirsh, J. B., & Nash, K. (2009). Neural markers of religious conviction. *Psychological Science*, 20(3), 385–392. doi:10.1111/j.1467-9280.2009.02305.x
- Kay, A. C., Shepherd, S., Blatz, C. W., Chua, S. N., & Galinsky, A. D. (2010). For God (or) country: the hydraulic relation between government instability and belief in religious sources of control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(5), 725. doi:10.1037/a0021140
- Kinnvall, C. (2004). Globalization and religious nationalism: Self, identity, and the search for ontological security. *Political Psychology*, 25(5), 741–767. doi:10.1111/j.1467-9221.2004.00396.x
- Leontiev, D. A., & Osin, E. N. (2011). Metodologicheskie i metodicheskie voprosy empiricheskogo izucheniya i diagnostiki lichnostnogo potentsiala [Methodological and methodical issues of empirical study and diagnostics of personality potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and diagnostics] (pp. 404–423). Moscow: Smysl.
- Neyrinck, B., Vansteenkiste, M., Lens, W., Duriez, B., & Hutsebaut, D. (2006). Cognitive, affective and behavioral correlates of internalization of regulations for religious activities. *Motivation and Emotion*, 30(4), 321–332. doi:10.1007/s11031-006-9048-3

- Norenzayan, A., & Gervais, W. M. (2013). The origins of religious disbelief. *Trends in Cognitive Sciences*, 17(1), 20–25. doi:10.1177/0956797611429711
- Norris, P., & Inglehart, R. (2011). *Sacred and secular: Religion and politics worldwide* (2nd ed.). New York, NY: Cambridge University Press.
- Norris, P., & Inglehart, R. (2015). Are high levels of existential security conducive to secularization? A response to our critics. In *The changing world religion map* (pp. 3389–3408). Dordrecht: Springer Netherlands.
- Rutjens, B. T., van der Pligt, J., & van Harreveld, F. (2010). Deus or Darwin: Randomness and belief in theories about the origin of life. *Journal of Experimental Social Psychology*, 46(6), 1078–1080. doi:10.1016/j.jesp.2010.07.009
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2006). Self regulation and the problem of human autonomy: does psychology need choice, self determination, and will? *Journal of Personality*, 74(6), 1557–1586. doi:10.1111/j.1467-6494.2006.00420.x
- Ryan, R. M., Rigby, S., & King, K. (1993). Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65, 586–596.
- Titov, R. (2013). Religiosity internalization and assessment within self-determination theory. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 10(2), 138–147.
- Zuckerman, P. (2013). Atheism and societal health. In S. Bullivant & M. Ruse (Eds.), *The Oxford handbook of atheism* (pp. 497–510). New York, NY: Oxford University Press.

**XVII апрельская Международная научная конференция
«Модернизация экономики и общества»**

19–22 апреля 2016 г. в Москве состоится XVII апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции и специальных круглых столах планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний, ведущих зарубежных и российских ученых.

Специальные темы конференции:

1. Диагностика проблем роста;
2. Модернизация сверху: потенциал и ограничения;
3. Экономическая децентрализация и местное самоуправление;
4. Ценности, доверие и кооперация.

Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы. После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики.

С основными направлениями секционных заседаний и заседаний круглых столов можно ознакомиться на официальном сайте <http://conf.hse.ru>.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарные и ряд секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует подавать в режиме он-лайн по адресу: <http://conf.hse.ru/> с **09 сентября 2015 г. до 11 ноября 2015 г.**

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», «Корпоративные финансы» и «ЭКО», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены до **08 февраля 2016 г.** по адресу interconf@hse.ru.

В рамках конференции планируется организовать серию семинаров для докторантов и аспирантов (с возможностью предоставления грантов на проезд и проживание для отобранных докладчиков). Информация об условиях участия в этих семинарах будет доступна на официальном сайте <http://conf.hse.ru/>.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме он-лайн с **12 ноября 2015 г. до 22 марта 2016 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Информация о размерах и возможностях оплаты организационных взносов доступна на официальном сайте по адресу <http://conf.hse.ru/>.

С программами и материалами I–XVI международных научных конференций (2000–2015 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2015/history>.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11